

В.Ю. Апрыщенко

КЛАНОВАЯ СИСТЕМА ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ: традиции и модернизация

РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет

Rostov State University
Historical Department

В.Ю. Апрыщенко

**КЛАНОВАЯ СИСТЕМА
ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ:
ТРАДИЦИИ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ**

Ростов-на-Дону

Издательство Ростовского университета
2006

УДК 94(410):930
ББК 63.3(4Вел)
А 77

Апрыщенко В.Ю.

А 77 Клановая система Горной Шотландии: традиции и модернизация. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. – 320 с.

Victor Apryshchenko

Clanship in the Highlands of Scotland: Tradition and Modernization.

ISBN 5-9275-0220-2

Монография является первым в отечественной историографии исследованием клановой системы Горной Шотландии, которая рассматривается в широком контексте социокультурного, экономического и геополитического развития эпохи европейской модернизации. Предметом исследования в монографии стали представления о родстве в северо-шотландском горском обществе и их трансформация в Новое время. Вопреки устоявшимся представлениям автор показывает, что под воздействием модернизации и в условиях англо-шотландской Унии, родство не исчезает, а скорее, наоборот, происходит дальнейшая консолидация северо-шотландского общества. Представления о родстве, трансформировавшиеся в период после Унии 1707 г., заложили основу новому типу шотландской идентичности.

Адресована историкам, студентам и всем интересующимся как Британской, так и в целом европейской историей.

А 0503010000–66 Без объявл.
М 175(03)–2006

УДК 94(410):930
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 5-9275-0220-2

© Апрыщенко В.Ю., 2006
© Оформление. Макет. Издательство
Ростовского университета, 2006

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
I. ЭКОЛОГИЯ ХАЙЛЕНДА: НАСЕЛЕНИЕ И ПРИРОДА	31
II. ХАЙЛЕНДЕРСКИЕ КЛАНЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И РОДОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	45
Хайлендерские общественные связи	47
Камероны: история одного клана в «Век набегов»	57
«Гэльский феодализм» и начало социальной трансформации	74
III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ	87
Традиционная экономика и формирование предпосылок модернизации	89
Первые «приступы» модернизации	106
Активная модернизация XIX в.	118
IV. ВНЕШНИЙ ФАКТОР: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА	125
Формирование идеологических основ хайлендерской политики	127
Политика шотландской короны в Горной Шотландии в раннее Новое время	140
Трансформация системы управления	171

V. ЯКОБИТСКАЯ САГА	189
Якобитские войны	191
Политика умиротворения	216
Политика «улучшений»	232
 VI. РОМАНТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII –	
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.:	
ОТ КАЛЕДОНИИ К СЕВЕРНОЙ БРИТАНИИ	243
Истоки новой идентичности	245
Шотландское историописание	
первой половины XIX в.:	
в поисках нового прошлого	270
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	291
 БИБЛИОГРАФИЯ	296
 SUMMARY	306

*Моим родителям,
Юрию Алексеевичу и Вере Ивановне*

Замысел этой книги в своем развитии прошел несколько этапов – от кандидатской диссертации о шотландских кланах в XVI в. до последней полугодовой стажировки в Шотландии, когда был собран и, в значительной степени, осмыслен материал, касающийся хайлендерской истории XVIII–XIX вв. И каждый шаг в формировании гипотез и идей, обработке и осмыслении фактов, наконец, в создании текста сопровождался дружеским вниманием коллег и товарищей по историческому цеху.

Возникший под влиянием моего учителя Г.Ю. Магакова интерес к шотландской истории не мог быть реализован без уникальной помощи и поддержки доктора Роберта Андерсона (*Robert Anderson*), который впервые открыл британские архивы и библиотеки не только для автора этой книги, но и для многих других исследователей из России.

Стоит сказать слова сердечной признательности коллегам по кафедрам археологии, истории древнего мира и средних веков и новой и новейшей истории, которые принимали участие в обсуждении исследования на разных этапах работы над ним. Их искреннее и доброжелательное отношение помогло избежать ряда ошибок и во многом по-иному взглянуть на некоторые факты. Эта работа не могла бы состояться без поддержки заведующего кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков В.Е. Максименко, благодаря которому еще в конце 2001 г. состоялось первое обсуждение материалов, представленных в этой книге. В.С. Савчук и В.А. Сагалаев дали множество полезных советов по стилистическому оформлению работы.

Искренняя благодарность декану исторического факультета и заведующему кафедрой новой и новейшей истории профессору И.М. Узнардову, чье участие, профессиональное внимание и советы значительно облегчили работу над монографией и в конечном итоге способствовали ее публикации.

Эта работа была бы невозможна без помощи профессора Химиша Фрейзера (*Hamish Fraser*), благодаря которому в шотландских библиотеках и архивах был собран уникальный материал и который на протяжении полугода не только давал полезные академические советы, но и вместе со своей женой Хейлен (*Helen Fraser*) оказывал дружескую помощь в знакомстве с Шотландией, ее историей и культурой ее народа. Доктор Дэвид Мун (*David Moon*), а также коллеги Химиша по Страйтклайдскому университету – Ричард Финли (*Richard Finlay*), Джон Янг (*John Young*) и другие дали целый ряд полезных советов и тем способствовали работе над монографией. А профессор университета Данди Крис Уотли (*Chris A. Whatley*) прояснил многие вопросы, связанные с индустриализацией Шотландии.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый год, первого мая – в день подписания англо-шотландской парламентской унии, колокола на церкви Сент Джайлс, что в центре Эдинбурга, вызывают мотив старой песенки «Как я могу печалиться в день моей свадьбы». События 1707 г. стали не просто формальным объединением двух систем, они положили начало шотландской модернизации, в ходе которой страна превратилась в развитую индустриальную часть Британии. Среди многих элементов, подвергнутых трансформации в ходе этого процесса, особое место занимают кланы, которые, будучи своеобразным «знаком» шотландского прошлого, являются тем символом, посредством которого формируется и обосновывается особая шотландская идентичность, дающая право жителям северной Британии называться каледонцами.

Несмотря на то, что клановая система существовала во всей Шотландии, наиболее типичным примером такой организации стали т.н. хайлендерские кланы. Хайленд (Highlands) (дословно – «верхние, высокие земли») – это регион, расположившийся на севере Шотландии, в горах, высота которых позволяет называть их чаще холмами, нежели горами в прямом смысле. Римляне называли эти северные земли Каледонией, что затем стало именем всей Шотландии в целом, но на протяжении многих веков именно горцы являлись хранителями этого названия, олицетворявшего их древнюю независимость. Несмотря на свою относительно небольшую площадь, Шотландское королевство еще и в период раннего Нового времени не представляло собой ни географического, ни экономического, ни политического единства. На его территории существовали, как минимум, три исторически сложившихся общности, функционирование каждой из которых отличалось не только экологическими (то есть природно-климатическими и этническими) особенностями, но и экономическими, и социокультурными факторами. Если два южных района – т.н. Пограничье (Borderland) и Равнинная Шотландия (Lowlands) – хотя и ощущали свою особую идентичность, все же заимствовали, главным образом в сфере экономики, многие, характерные для Европы того времени тенденции, то Хайленд в силу целого ряда условий развивался несколько иначе. Здесь в период раннего Нового времени сложился своеобразный тип общественной орга-

низации, структурообразующим элементом которого являлась клановая система.

Особая значимость изучения истории Хайленда диктуется еще и тем, что именно этот регион стал источником шотландской идентичности. В этой связи написано о Хайленде, пожалуй, больше, чем обо всей остальной Шотландии. «Сегодня мы столкнулись с проблемой, что [гэльский] язык не понимает 98 % населения.., – пишет М. Чапман, – и с тем, что люди, на протяжении столетий называвшиеся своими южными соседями дикарями, теперь считаются квинтэссенцией шотландской культуры»¹.

В оценках хайлендерской истории преобладают две основные точки зрения: традиционная, заключающаяся в том, что мероприятия, проведенные на севере после 1745 г., особенно хайлендерские чистки, несмотря на свой неприглядный социальный аспект, были экономически оправданы; и согласно которой радикальная, на протяжении последних двух столетий хайлендерская история характеризовалась катастрофическими явлениями, лишившими людей родины.

В 1974 г. Йен Картер, тогда социолог Абердинского университета, охарактеризовал Хайленд как «подчиненный [в своем развитии] регион». Исследование базировалось на изучении экономической модели горной Шотландии, а сам концепт «подчиненный регион» был заимствован из работ, посвященных Латинской Америке. Автор исходил из того, что Хайленд развивался как традиционный, докапиталистический, феодальный регион, который был «открыт» только благодаря европейской, в частности, английской, капиталистической экономике. Подобная оценка основывалась на критике теории двух видов экономики – традиционной и индустриальной – теории, долгое время лежащей в основе концепции модернизации. И Картер же доказывал, что экономика Хайленда не была традиционна в том смысле, который вкладывался в этот термин европейскими исследователями, но, скорее, являлась рациональным ответом населения на условия жизни.

Еще одна попытка теоретического осмысления особенностей развития Хайленда была предпринята американским социологом Майклом Хечтером и получила название «теория внутреннего колониализма». Внутренний колониализм, по его мнению, является

¹ Chapman M. The Gaelic Vision of Scottish Culture. L., 1978. P. 12.

результатом модернизации, а в основе его развития лежит процесс распространения системы социальной стратификации, присущей центру, на периферию. Позаимствовав у Эрнеста Геллнера идею этнического национализма как производного от процесса индустриализации, Хечтер отмечал возможность сохранения социальных групп, присущих традиционному обществу, в качестве равных или даже главенствующих в индустриальном, что лежит в основе формирования национальной идентичности и стремления к независимости². Признавая разделение Хайленда и Лоуленда, как имеющих не просто географическое отличие, автор указывал, что оно выражается «в типах социальной организации»³.

Важность и сложность изучения социокультурной структуры Хайленда заключаются даже в самой категории «клановая система», которая делает необходимым рассмотрение хайлендерского клана как элемента общественной организации только в системе взаимоотношений разного уровня, где разные составляющие социокультурной среды функционируют как взаимообуславливающие друг друга элементы. При этом в равной степени представляются важными как проблема внутренней структуры клана, его организации и характера связей внутри него, так и вопрос о месте клана в рамках всей общественной системы Хайленда, о влиянии клановой организации на развитие геополитической ситуации в регионе.

Наибольшего своеобразия в своем развитии клановая система достигла в XVI в., когда чрезвычайно сложный и в то же время отлаженный механизм управления хайлендерскими территориями, основным элементом которого было государство Лордов Островов, был разрушен в 1492 г. усилиями шотландской короны, направленными на объединение страны и присоединение северо-западных ее территорий. Лордство Островов пало, погребя под своими останками тот комплекс институтов и рычагов регулирования, благодаря которым внутриполитическое развитие северо-западной Шотландии в предшествующий период характеризовалось относительной стабильностью. Идя на этот шаг, корона, очевидно, не предполагала, что создает острейший очаг напряженности непосредственно у своих северных границ. Начиналась «Эпоха набегов».

² *Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in Britain National Development, 1535–1966. L., 1975. P. 10.*

³ *Ibid. P. 58.*

Одним из заблуждений относительно к хайлендерской истории является утверждение, что шотландские и, в частности, хайлендерские, кланы столь же стары, как и сама Шотландия. И хотя в гэльских источниках XI–XII вв. термин «*clann*» встречается довольно часто, обозначая фамильные группы, ведущие свое происхождение от общего предка, эти группы были далеко отличны от тех родовых организмов, с которыми мы сталкиваемся в XVI в. В реальности же хайлендерские кланы стали относительно новым продуктом социокультурного развития, а окончательное оформление клановой организации относится только к XVI в. – времени, когда в Европе начинался процесс модернизации и переход от традиционного к индустриальному обществу.

Проблема переходных эпох является одной из самых интересных в историческом знании, поскольку именно эти периоды развития открывают взору историка то неповторимое и своеобразное, сочетающее, казалось бы, несовместимое, что характерно лишь для переломных моментов развития человечества. Для этих эпох, по словам Т.Н. Грановского, характерна не только трагическая красота, но «в них можно услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей»⁴. XVI столетие в истории Европы – это время, когда во многих ее частях развивался процесс формирования рыночных отношений, укреплялись, чтобы вскоре разрушиться, абсолютные монархии, зарождались новые социальные слои общества, менялся менталитет – словом, начинался процесс модернизации.

Этому явлению посвящен не один десяток исследований, в которых модернизация обозначается как нечто большее, нежели просто экономическое развитие, связанное с переходом к индустриальному обществу. Емкость понятия связана с его уподоблением эволюции, особенно тогда, когда речь идет о каких-нибудь позитивных аспектах современного общества, по сравнению с обществом традиционным⁵.

Используя термин «модернизация», справедливо описывать его как целый комплекс изменений во всех сферах человеческой деятельности: экономической, социальной, культурной, политичес-

⁴ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 315.

⁵ Дидерикс Г.А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 4–5.

кой, в области отношений человека с окружающей средой, – связанных с разложением аграрного и переходом к индустриальному обществу. Не единожды делались уже попытки определения характера этих изменений и анализа механизма такой трансформации. Вместе с тем давались и определения индустриального общества, среди признаков которого называлось и то, что большая часть общества занята в промышленности и более высокая производительность индустриального сектора, по сравнению с аграрным, и изменение взаимоотношений между людьми, когда исчезает «мелкомасштабность коммунального общежития». Наряду с этим социально-политическое устройство основывается на равенстве всех граждан перед законом и на суверенитете народа в целом, а форма власти имеет рациональную основу. В области духовной жизни характерная черта индустриального общества заключается в том, что почти каждый его гражданин умеет читать и писать⁶.

Очевидно, что все эти черты формировались далеко не сразу, а поэтапно, и процесс, начавшийся в области хозяйственного развития, привел к трансформации сознания лишь спустя какое-то время. В равной степени не требующим дополнительных пояснений остается и факт, что в отдельных частях мировой цивилизации эти изменения проходили не просто с разными темпами, но затрагивали, в первую очередь, разные сферы человеческой жизнедеятельности.

Среди всех перечисленных черт формообразующей для модернизации является разрушение аграрного и формирование индустриального общества, то есть основанного на машинном производстве. При этом не изученной до конца остается проблема факторов такого перехода, среди которых соотношение внутренних и внешних часто значительно варьировалось. В истории нередки случаи, когда благодаря внешнему вмешательству основы традиционного аграрного общества были поколеблены и начали разрушаться, но внутренний, в том числе и ресурсный, потенциал не позволял построить подлинно индустриальную экономику. Случалось и наоборот, когда преобладание аграрного сектора в экономике вовсе не свидетельствовало о сохранении аграрного традиционного общества. Все это лишний раз ставит проблему факторов перехода от традиционного аграрного к индустриальному обществу и делает необходимым изучение всех сторон модернизации.

⁶ Дидерикс Г.А. и др. Указ. соч. С. 11–12.

Эрнест Геллнер обратил внимание еще на одну важную черту индустриального общества – в нем изменился сам характер разделения труда, и в результате люди сегодня различаются, в первую очередь, как представители общей высокой культуры (или единой нации) и лишь во вторую – как члены какой-то гильдии или касты. Поэтому хотя отделение военного ремесла от других, гражданских и имеет место, оно не рождает никакой особой касты или сословия и в принципе мало чем отличается, например, от профессии фермера. Именно этим качеством разделения труда объясняется то, что властимущие здесь не получают несоразмерно большого в сравнении с другими гражданами вознаграждения, а, наоборот, выполняют свои обязанности за довольно скромную плату, которая неслишком отличается от средних доходов обычных граждан⁷. Подобная ситуация была особенно важна там, где в рамках традиционного общества культивировался эгалитаристский миф и представления о равенстве были залогом жизнеспособности социальных общностей.

Не менее важным представляется и другой аспект модернизации. Возникшее в ее ходе представление о суверенитете народа означало ни что иное, как убеждение в принадлежности государственной власти не одному лицу, а всему народу. Революции во Франции и Америке способствовали утверждению идеи народного суверенитета в противовес власти монархов, вследствие чего народ стал мыслиться как нечто целое, объединенное общностью истории и культуры, а с другой – как единственный носитель власти, способный определять свою судьбу и реализовывать свою цельность. Эти идеи, берущие начало в просветительских представлениях, в основе своей имеют кризис традиционных религиозных представлений и формирование рационалистической космологии. Возникшее убеждение в том, что существующий мировой порядок есть скорее дело рук человеческих, нежели божественного провидения, заставило искать новые пути рационализации современного устройства общества, и просветители, отстаивая идею внутриобщественного происхождения человеческих институтов, начиная от морали и заканчивая нацией, заложили идеи, имевшие серьезные политические последствия⁸. Революции

⁷ Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. С. 90.

⁸ Kedourie E. Nationalism. L., 1966. P. 51–52.

онное значение рационализма, пишет Э. Кедори, состояло в том, что он заместил религию деятельностью людей. В этом смысле логичным выглядит то, что на смену бюрократическим абсолютистским европейским государствам приходит национализм как основа истинной автономии политического сообщества⁹.

Однако эти просветительские представления нуждались в «тиражировании» в массовом сознании, и модернизация сформировала слой людей, которые посредством целого ряда социальных институтов, таких как образование, церковь, книгопечатание, театр и другие, доносили новую «национальную» идею до широких масс. Эти же люди не только сформировали, но и сформулировали идеи суверенитета в целом ряде документов, таких как, например, Декларации независимости, определив цели политической борьбы для завоевания политического суверенитета. Соответственно идея нации-государства как единственного носителя суверенитета нашла воплощение и в политических лозунгах, и в реальной политической практике. Однако появление национализма в качестве политической силы стало возможным, когда в результате модернизации сформировались индустриальные слои общества, ставшие носителями идеи политического суверенитета. Как правило, это была индустриальная буржуазия и индустриальные же наемные рабочие, для которых идеи и лозунги национального суверенитета теснейшим образом переплетались с социальными требованиями. Этот политический национализм реализовывался лишь там, где модернизация, достигнув определенной довольно высокой стадии своего развития, создавала соответствующие социальные силы. В том же случае, когда процесс формирования рыночного общества носил незавершенный либо половинчатый характер и промышленное производство, а следовательно, и промышленные слои общества не сформировались, национальная идея выражалась в культивировании прошлого и создании некой романтической ностальгии по патриархальному прошлому, в котором, воскрешая старые и создавая новые мифы, представители интеллигенции пытались отыскать единство народа. В этом процессе чрезвычайно велика была роль историков, создававших нацию на новой основе и использующих идеи, в том числе и этнические, и языковые, и культурные, для обоснования

⁹ Kedourie E. Op. cit. P. 41.

культурного суверенитета. По мнению Дж. Хатчинсона, хотя и небольшая по численности, эта группа сыграла важную роль в моральных инновациях, создав новые рамки идентичности в условиях социального кризиса. Эти идентичности, созданные из мифов и легенд, потом были трансформированы в конкретные политические, экономические, социальные программы журналистами и политиками. Однако эта же группа и заложила антагонизм между нацией и государством¹⁰.

Более того, не государство, пусть даже и в лице легитимных его представителей, а сам народ является, согласно их представлениям, единственным источником власти – идея, легшая в основу теории гражданского общества. И не случайно, что одним из первых, кто попытался поставить проблему гражданского общества, был шотландец Адам Фергюсон, который, кстати, вместе с другим Адамом шотландского Просвещения – Смитом ввел и сам термин «гражданское общество».

Согласно Фергюсону, гражданское общество является результатом усилившейся социально-политической специализации в условиях роста производства, когда управленцы все более сосредоточивают власть, ранее принадлежащую всем, в своих руках. Как справедливо замечает Эрнест Геллнер в своей последней книге «Условия свободы», самоуправление, основанное на широком участии граждан, – стойкое растение, если оно произрастает в сельских или высокогорных районах, однако в сочетании с коммерческой деятельностью это растение теряет свою жизнестойкость и быстро гибнет¹¹.

Фергюсону, выросшему и воспитанному в горах Шотландии, хорошо знавшему гальскую культуру с ее уравнительностью и культивировавшимся эгалитаристским мифом, необходимо было объяснить природу происходящих общественных сдвигов и, с одной стороны, наметить путь устранения возможного конфликта между государством и лишенным власти после заключения англо-шотландской унии-инкорпорации 1707 г. народом, а с другой – создать форму выражения обществом своих взглядов и реализации народной идентичности. Лучше всего для этих целей подходило то, что Фергюсон назвал гражданским обществом.

¹⁰ *Hutchinson J. The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish National State. L., 1987. P. 10.*

¹¹ *Геллнер Э. Указ. соч. С. 87.*

В процессе его формирования народная идентичность реализовывалась в форме не только трансформировавшихся мифов о «Золотом веке» и культа прошлого, но и в виде самобытных гражданских институтов самоуправления, в которых соединялись демократические традиции прошлого с требованиями, предъявляемыми современным уровнем развития государственности. В результате «дух нации» находил свое выражение в культурных и гражданских институтах скорее, чем в форме политического противостояния.

В этой связи национализм выглядит таким же продуктом модернизации, как и индустриальное общество или идея ценности человеческой личности, а его формы находятся в тесной связи со степенью развития модернизации, что, с известной долей условности, дает возможность выделить в развитии национальной идеи в период Нового времени два этапа. Сначала формируется интеллигенция, которая, адаптируя прошлое народа, создает «национальный миф», который ложится в основу «культурного национализма», а затем, на более высокой стадии модернизации, делаются попытки реализовать этот миф в политической практике. Недостаточность развития модернизационного процесса делает невозможным и появление «политического национализма».

Очевидно, что в процессе «нациестроительства» чрезвычайно велика была роль народной культуры. В этой связи одной из самых интересных проблем является соотношение модернизации и традиции. Долгое время противопоставление *«традиция – современность»* являлось краеугольным камнем теории модернизации, в рамках которой, основываясь на социальной истории в духе Макса Вебера и Карла Маркса, указывалось на несовместимость этих двух понятий. Однако в последнее время все больше историков обращаются к изучению позитивной роли традиции, той самой, которая прерывается в эпоху Просвещения и Великой французской революции¹². Отвергнув противопоставление *«традиция – современность»*, историки получили возможность изучать то, что в антропологии получило название «одновременность неодновременного», то есть сосуществование, казалось бы, несовместимых в эпоху модернизирующейся Европы социальных институтов, традиций, норм политической жизни. Традиция при таком подходе – это относительно

¹² Арнаутова Ю.Е. Между «обществом» и «культурой»: о некоторых особенностях становления исторической антропологии в Германии // Одиссей. М., 2004. С. 368.

устойчивый сегмент социальной структуры, это, выражаясь словами Раймона Уильямса, «выжившее прошлое»¹³. Но в реальности оказывается, что это не просто «традиция», но, скорее, выборочная традиция – избирательная версия прошлого, которая определяет динамику и направление процесса построения социальной и культурной идентичности. Подобное понимание традиции способно обогатить и саму теорию модернизации, в очередной раз подчеркнув эволюционный характер этого процесса.

С другой стороны, это позволяет историку обратиться к изучению тех сторон жизни человека, которые и в эпоху модернизации оставались носителями традиционных основ жизни, а в дальнейшем использовались в качестве основы для создания национального мифа. В особенной степени это касается отношений родства, далеко не уничтоженных в процессе становления рыночного общества. Это позволило даже на микроуровне, изучая историю семьи, рода, клана, достичь эффекта того, что историки школы «Анналов» называли «тотальной» историей, то есть такой историей, которая дает полное представление о развитии общества, при этом не исключая и изменения человеческого сознания.

Уже не раз подчеркивалось, что не во всех частях мировой цивилизации модернизация развивалась одинаково. Даже в рамках европейского субконтинента ее темпы и проявления порой существенно разнились. Тем более это касается специфических в своем историческом развитии горских регионов Европы.

Феномен развития любого горского сообщества всегда привлекал исследователей разных научных школ и направлений, и тот факт, что и по сей день по этому вопросу продолжают споры, свидетельствует о возможности дальнейшего изучения вопроса. Представляется, что два основных направления определили направление дискуссии по вопросу о характере развития горских обществ. Это концепции «горского феодализма» и «горской цивилизации». Но если вторая, возникшая и оформившаяся лишь в 80–90 гг. XX в., сегодня чрезвычайно востребована, в частности специалистами-кавказоведами, то первая уже основательно подзабыта. Хотя ее эвристические возможности еще не исчерпаны.

В российской историографии проблема уровня и характера развития горских народов была впервые поднята еще в XIX в., по

¹³ Williams R. *Marxism and Literature*. Oxford, 1977. P. 115.

мере вхождения горских народов в орбиту геополитических интересов Российской империи. Наиболее значимый, в тот период, след в изучении специфики развития горских народов оставил М.М. Ковалевский, выводы которого содержат как заключения, касающиеся хозяйственных отношений у горцев, так и материалы, относящиеся к духовным и психологическим особенностям развития горских народов Кавказа. Характерно, что исследователь, активно применяя в своих работах сравнительно-исторический метод изучения, проводит многочисленные параллели с другими горскими, в том числе и европейскими, сообществами.

В результате многолетних исследований ученого в качестве археолога и этнографа появляется его двухтомный труд «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении»¹⁴. Развивая свою концепцию горского феодализма, не признанную позже и раскритикованную научным сообществом еще при жизни автора, М.М. Ковалевский, основываясь на анализе институтов обычного права, а также форм землевладения, доказывает зарождение частной собственности сначала на движимое имущество: оружие, одежду и т.п., а затем и на землю еще в недрах первобытнообщинного строя.

Говоря о происхождении и развитии феодализма у горцев Кавказа, Ковалевский приходит к выводу о том, что феодальные отношения проникли на Кавказ лишь как результат заимствования, воздействия внешних, со стороны феодальных сообществ, нежели внутренних факторов¹⁵. Подобные взгляды, системно изложенные исследователем в статье «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа», были встречены резкой критикой со стороны большинства кавказоведов, и М.М. Ковалевский больше уже не обращался к изучению горского феодализма.

Пожалуй, одним из самых значимых достижений Ковалевского-кавказоведа стало его объяснение происхождения родовых групп у горцев Северного Кавказа. Он акцентировал внимание на возможности искусственного происхождения таких союзов, когда вокруг выдающегося вождя группируется большее или меньшее число не всегда родственных между собой семей, которые по прошествии некоторого времени уже считают себя его потомками. В качестве

¹⁴ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. СПб., 1886. Т. 1–2.

¹⁵ Там же. С. 30.

дополнительного примера к данному тезису М.М. Ковалевский упоминает об аналогичных процессах и у северо-шотландских горцев¹⁶. Обращает исследователь внимание и на возможность «случайного включения в состав рода лиц и семейств, ищущих с ним общения», но не являющихся родственниками по крови¹⁷. Подобное «фиктивное» родство являлось одним из признаков многих горских народов, стоящих на аналогичной ступени развития.

В 60–70 гг. XX в. осознание необходимости отойти от европоцентристского подхода, а также нерешенность ряда теоретических вопросов привели к появлению целого ряда концепций «особенных феодализмов», среди которых центральное место заняли «восточный», «кочевой», «горский» и «скандинавский». Характерно, что теория «скандинавского феодализма», разрабатываемая главным образом А.Я. Гуревичем в целом ряде статей, призвана была на европейском материале показать неравномерность общественного развития даже в рамках одного субконтинента, а также неоднозначность категории «феодализм». Среди особенностей «скандинавского феодализма» А.Я. Гуревич называл замедленные темпы его развития, преобладающую роль в экономике мелкого хуторского хозяйства, сохранение крестьянами личной свободы и сосуществование различных общественных укладов¹⁸. Наиболее же близким типом к «горскому» исследователи «договорились» считать «восточный феодализм». Среди факторов, сближающих их, были названы сохранение основной массой производителей личной свободы и права на землю, управленческий характер господствующего класса и отсутствие у него в ряде случаев прав наследственной собственности на средства производства и личность производителя¹⁹.

Было дано определение и «горского феодализма». Справедливым представляется мнение одного из участников дискуссии, который заметил, что «вопрос о характере горского общества является частью более общей проблемы генезиса и типологии феода-

¹⁶ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 154.

¹⁸ Гуревич А.Я. О некоторых особенностях норвежского феодализма // Скандинавский сборник. Вып. 8. Таллин, 1964. Вып. 8. С. 257–274.

¹⁹ Мелекисвили Г. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975. № 6. С. 51–52.

лизма вообще»²⁰. Основными аспектами в ходе обсуждения проблемы стали факторы социального развития горских народов, роль общины в социальной структуре горского общества, а также отношения собственности и зависимости у горцев. Особое внимание было обращено на тот факт, что «горский феодализм» — это модель, которая может рассматриваться лишь в стадийно-типологическом, но не в хронологическом аспекте.

Характерно, что в британской историографии в 50–60 гг. XX в. также возникала концепция, призванная объяснить особенности развития горных регионов Шотландии в рамках феодального общества. Сторонники теории «гэльского феодализма» акцентировали свое внимание на военном аспекте северо-шотландского горского социума, считая его неперенным признаком феодализма, что позволило им сделать вывод о наличии на территории Северной Шотландии феодальных отношений. В настоящее время в шотландской историографии данная точка зрения также продолжает существовать, и целый ряд историков говорят о т.н. «агрессивном феодализме», подразумевая, что феодальные отношения проявлялись в форме военного характера общества²¹.

Помимо этого, британскими специалистами обращается внимание на факт существования на территории горной Шотландии разнообразных предпосылок для возникновения феодальных отношений. Среди таких условий «феодализации» региона называются: функционирование устоявшихся территориальных образований, в основе которых лежали общинные (клановые) земли; наличие у представителей клановой аристократии некоторых функций, характерных для высших членов феодального общества, а также присутствие среди общественных норм кланового горского сообщества целого ряда взаимообязательств, подготовивших переход к иерархизированному феодальному строю²². Ценность этого подхода заключается в том, что объясняется механизм перехода от родового к феодальному обществу. Однако там, где речь заходит о более позднем времени, и возникает вопрос о сохране-

²⁰ *Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 9.

²¹ *Bingham C.* Beyond the Highland Line. Highland History and Culture. L., 1995.

²² *Grant I.F., Cheap H.* Periods in the Highland History. L., 1987.

нии клановой организации Хайленда в период, когда в Британии шла модернизация, порой очень сложно ответить на вопрос о факторах такой консервации социальных структур. Категория родства является центральной в данном процессе, поскольку дает представление о целой системе взаимных обязательств, как вертикальных, так и горизонтальных, которые составляют основу и родового, и феодального социумов.

Одним из факторов, позволявших говорить о замедленности процессов феодализации в горском обществе, стал факт долгого сохранения родовой общины. Особо обращалось внимание на то, что сами феодалы, приспособляя ее к своим потребностям и нуждам, консервировали патриархальные отношения, укрепляя авторитет общины²³. Иными словами, речь идет об аналогичных процессах, характерных для шотландских и кавказских горцев, у которых происходил процесс наложения формирующихся, главным образом в области землевладения, феодальных норм на существующие традиционные социальные институты.

Факт сохранения общины, исходя из точки зрения о том, что феодализм зарождается в результате ее распада и выделения из нее аллодиальной собственности, позже сосредоточиваемой в руках зарождающегося господствующего класса, стал в 60–70-е гг. XX в. практически универсальным фактором, позволяющим говорить об особом пути развития феодальных отношений у горцев. Однако уже в середине 90-х гг. сама теория распада общины как предпосылки формирования феодализма была подвергнута критике А.Я. Гуревичем, настаивавшем на том, что «древнегерманская марковая община – это миф», а в средние века община не распадалась, а, наоборот, укреплялась²⁴. Это утверждение представляется интересным не только с точки зрения представлений о феодализме, но и в целом как признание того, что коллективные, а значит, и родовые связи определяли отношения и форму идентичности далеко не только в эпоху первобытности.

В целом, говоря об особенностях процесса феодализации горских народов, исследователи отмечали его заторможенность, что

²³ Невская В.П. Сельская община в процессе феодализации горских сообществ Северного Кавказа // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 60.

²⁴ Гуревич А.Я. Историческая наука и научное мифотворчество (критические заметки) // Исторические записки. М., 1995. Т. 1(119).

привело к неустойчивости форм личной зависимости и низкой степени эксплуатации. Феодалная собственность на землю не успела сложиться или не была юридически оформлена. Констатировалась также большая роль внешних влияний на развитие горских народов, подвергаемых воздействию со стороны модернизирующихся обществ, а также тот факт, что невозможно свести проблему особенностей феодализма у горских народов к отсталости, но целесообразно говорить о специфическом рациональном уровне культуры и быта²⁵. Это утверждение, очевидно, было признанием тупиковости попыток подогнать самобытные отношения у горских народов под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений европейской и российской истории. Своеобразным итогом дискуссии стало признание более обоснованным для характеристики общественного уклада горцев употребление термина «протофеодалные отношения»²⁶.

Говоря о факторах развития феодализма, исследователи обращают внимание на то, что в большинстве горных регионов, в том числе в горной Шотландии и у горцев Кавказа, феодальный уклад, по-видимому, возникает благодаря активному внешнему вмешательству. Разные темпы формирования феодальных отношений объясняются, очевидно, различными факторами. В частности, большой успех хайлендерской политики шотландских монархов, по сравнению с кавказской политикой Российской империи, объяснялся меньшей территориальной протяженностью северо-шотландского горного региона, где родовые объединения располагались более компактно и, соответственно, появлялась возможность с большей степенью интенсивности влиять на общественное развитие Хайленда. Кроме того, этническая мозаичность Кавказа также способствовала иным темпам его феодализации.

Концепция «горского феодализма» не удовлетворила большинство кавказоведов, которые в 90-е гг. XX в. предприняли новую попытку объяснить специфику развития горских сообществ, введя концепт «горской цивилизации».

²⁵ *Пронштейн А.П.* Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 25–26.

²⁶ *Меликишвили Г.* Указ. соч. С. 52.

В основу изучения этого феномена практически всеми исследователями был положен географический фактор, определяющий, по мнению Х.Г. Тхагапсоева, наличие многотипного и разноукладного хозяйства²⁷. Среда обитания, в условиях социального освоения которой происходило приспособление к обитанию в горных районах, предопределила жизненные ресурсы, технологию жизнеобеспечения и повлияла на формирование структурной организации социальной системы, мировоззрения и ценностной ориентации народов горских регионов²⁸, иначе говоря, «структур повседневности», воплощаемых в образе жизни.

Определяющую роль среди субстанциальных основ горского сообщества играла особая идентичность. Указанное понятие, наибольший вклад в разработку которого внес американец датского происхождения Э. Эриксон, несмотря на порой чрезвычайно широкую его трактовку, обозначает «твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем многообразии отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “Я” независимо от изменения “Я” и ситуаций»²⁹. Возникший в психологии термин «идентичность» уже в 60–70 гг. XX в. переключался и в социальные науки, породив целый ряд интересных исследований, выполненных на стыке исторической психологии, психосоциологии и собственно истории.

Формирование идентичности, особенно в традиционном обществе, чаще всего осуществлялось в рамках дихотомии «Мы – Они», в которой осознание своего «Мы» формируется посредством сопоставления себя со своим иным «Они», то есть осознание того, кем «Мы» являемся на самом деле, достигается лишь посредством понимания того, кем «Мы» не являемся. «Они» являются той социальной общностью, которую «Мы» не являемся³⁰. Очевидно, что осознание своего «Мы» может происходить только в случае объективного существования «Они». Иными словами, несмотря на относительно изолированный характер

²⁷ Тхагапсоев Х.Г. Экологические аспекты в смысловом пространстве культуры этноса // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001. С. 58.

²⁸ Дамениа О.Н. Переоткрытие культуры // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001. С. 89.

²⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12.

³⁰ Дамениа О.Н. Указ. соч. С. 87.

существования любых сообществ, их контакты с представителями соседних этнических групп являются безусловными и более того, играющими, в некоторых случаях, решающую роль в развитии. Помимо образа жизни, фактором, способствующим формированию идентичности в рамках горской цивилизации, являлось совместное структурирование горскими народами своего общего социокультурного смыслового пространства, в пределах которого складывалось общее мировоззрение, система ценностной ориентации, менталитет, обычаи, верования, традиции, коммуникации и т.д. – все это являлось духовной субстанцией, на базе которой формировалось самосознание горских народов³¹. Горцы Шотландии очень четко идентифицировали себя не только со своим родовым коллективом и с территорией, им занимаемой, но и осознавали свою «особенность» в противовес жителям равнинной части королевства.

Рядом исследователей в ходе дискуссии был поставлен вопрос о роли этнического фактора в процессе формирования цивилизационной идентичности. Признавая точку зрения сторонников конструктивистского подхода, считающих, что в традиционном обществе этничность не является объективной данностью, но проявляется как результат деятельности, заметим лишь, что в рамках любого, а не только горского социума, осознание собственной идентичности является процессом сопоставления негенетических и в целом биологических показателей, поскольку этноидентичность не присутствует у ребенка, но представляет собой целый ряд взаимосвязанных компонентов (язык, идеалы, ценности, символы, историческая судьба и т.д.), в которых анализируется опыт этноса в саморазвитии и понимании окружающего мира – факт, который уже сам по себе отрицает объективную заданность. Именно в процессе деятельности происходило «самосознание» горцев и формирование их идентичности.

Характерной чертой всех разрабатываемых концепций горской цивилизации является то, что проблема особенностей форм собственности, социальных и властных отношений и в целом хозяйствования называется равной в череде равнозначных ей факторов, таких как ландшафт, идентификация и т.д. Это, очевидно, является реакцией на теорию «горского феодализма», сто-

³¹ Дамениа О.Н. Указ. соч. С. 89–90.

онники которой акцентируют внимание, главным образом, на факторах социально-экономического и политического порядка. Ставя этот вопрос, большинство специалистов акцентируют внимание лишь на разнообразии форм и укладов хозяйственной деятельности и на негосударственных (но не догосударственных) формах самоорганизации³².

И, наконец, последнее. Признавая факт определяющего значения традиции, которая представляет собой своеобразную сеть, систему связей настоящего с прошлым, при помощи которой совершается определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, затем опять воспроизводимых³³, своеобразный аналог культуры, мы должны, очевидно, согласиться с тем, что этот выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулировался и воспроизводился из поколения в поколения, чаще всего в горских сообществах подвергался трансформации под воздействием внешнего влияния. Несомненно, что северо-шотландское клановое сообщество в изучаемый период представляло именно такой социальный организм, более того, реагирующая на «вызов» со стороны модернизирующейся шотландской государственности хайлендерская клановая система вынуждена была вырабатывать особые методы и рычаги сохранения собственной идентичности.

На протяжении многих столетий горское сообщество конструировало уникальные механизмы поддержания мира в регионе и урегулирования разного рода конфликтов. В этих условиях любое вмешательство грозило разрушить устоявшиеся традиционные нормы взаимоотношений. В свою очередь, уничтожение традиционных социальных институтов, таких как, например, сельская («горская») община, составлявшая базовую основу той социокультурной системы, которая была исторически обусловлена, имело глубокие последствия, поскольку происходило оно не как результат естественного распада, а как искусственное, насильственное воздействие на общество³⁴.

³² Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 32.

³³ Чистов К.В. Традиция, «традиционные общества и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105.

³⁴ Дамениа О.Н. Указ. соч. С. 72.

Таким образом, и теория «горского феодализма», и концепция «горской цивилизации», признавая факт относительно изолированного существования горских сообществ, а также специфику природно-климатических условий, в рамках которых последние функционировали, обращают внимание на определяющее значение экологических факторов в формировании экономической системы, характеризующейся многоукладностью и преобладанием общинных форм организации производства. Община у горцев была тем формообразующим элементом, которым детерминировалось их общественное развитие. Будучи составленной из целого ряда родовых групп, сельская община определяла как хозяйственную деятельность, так и социокультурные нормы в рамках горского сообщества. Фактором, способствующим разрушению традиционного уклада жизни горцев, является внешнее вмешательство, которое не только изменило характер общественной организации горских народов, но и способствовало значительным геополитическим изменениям в регионе. Причем особо следует подчеркнуть, что это вмешательство осуществляется со стороны уже модернизирующихся обществ, которые пытаются трансформировать традиционные горские социокультурные нормы, главным образом, стремясь разрушить родовую и общинную солидарность, мешающую, по их мнению, становлению рыночного общества. Общей чертой, в большей или меньшей степени изученной представителями обеих концепций, является убеждение в особой роли отношений родства в горском обществе, не подверженном разрушению вплоть до Новейшего времени.

Современный этап развития историописания характеризуется тем многообразием парадигм и концепций, которое не только породило различные новые методы и направления исследований, но и привело к пересмотру, казалось бы, устоявшихся категорий исторического анализа. Одним из примеров такой ревизии является категория «родство» и «родственные отношения», являющиеся основополагающими при изучении шотландской истории периода Нового времени. Сегодня, к счастью для историков, стало уже общепризнанным то утверждение, что в целях понимания социального места индивида исследователь должен выяснить как различные группы, в том числе и родственные, окружающие человека, дефинируют отношения между своими членами и их роли.

Значительные эвристические возможности в этом смысле несут рассмотрение категории «родство» в рамках такого нового направления гуманитарного знания, как историческая антропо-

логия, которая сегодня отстаивает свою исследовательскую нишу не только в западном, но и в российском историописании. Как и всякое новое течение, оно сталкивается со множеством проблем и методологического, и методического плана, преодолевая которые, формирует собственное исследовательское поле.

Думается, что наиболее продуктивным было бы рассмотрение исторической антропологии как особого направления междисциплинарных исследований, предметом которых является внутренний мир человека, восприятие им окружающего пространства, порождаемое определенными социокультурными условиями. Центральным понятием, подвергаемым исследованию при таком подходе, является идентичность – возрастная, гендерная, классовая, религиозная, групповая, национальная и т.д.

Использование концепта «идентичность» для изучения представлений о родстве дает возможность поставить ряд важных вопросов, основной среди которых, пожалуй: каков был механизм формирования клановой идентичности и каковы были факторы, оказывающие влияние на этот процесс?

Вопрос о факторах представляется далеко не праздным, поскольку в проблеме трактовки идентичности сформировались два основных направления. Сторонники первого из них, которое можно озаглавить как «экзистенциальное», рассматривают мироощущение человека как некую внутреннюю сферу жизни, развивающуюся относительно независимо от внешних факторов. Подобный подход кажется далеко не бесспорным, так как в его рамках игнорируются исторические обстоятельства, в которых развивается личность.

Второй подход – социокультурный, – не отрицая значения внутренних факторов, акцентирует внимание на роли социокультурного окружения и его влиянии на формирование идентичности. Здесь представляется возможность учитывать всю совокупность обстоятельств, в которых функционирует индивид и коллектив, начиная от экологических и заканчивая собственно историческими.

Родство – явление, которое не единожды подвергалось анализу в конкретно-исторических исследованиях, посвященных ранней истории человечества и, хотя и в меньшей степени, периодам средневековья и Нового времени. Не была категория родства совсем обойдена вниманием и со стороны теоретиков, которые, особенно в последние годы, в рамках все той же исторической антропологии рассматривали это явление, пытаясь внести некую определенность в это довольно сложное понятие. Начало теоретичес-

кому осмыслению родства как социокультурного феномена было положено в 60-е гг. XX в., и, возникнув в США, Великобритании и Франции, новая дисциплина затем распространилась по всему ученому миру, став одним из направлений исторической антропологии.

Однако, думается, что основная проблема здесь заключена в столкновении «биологических» и «социокультурных» концепций родства, и в том, что, даже провозглашая отказ от рассмотрения родства как биологического феномена в пользу его культурной или, скорее, социокультурной трактовки, зачастую исследователи в той части своих работ, где речь заходит о конкретных фактах прошлого, вольно или невольно изменяют заявленному принципу.

О том, что родство следует рассматривать не как биологический факт, а как способ осмыслений социальных ролей, написано уже немало, в целом ряде работ нет-нет да и прорывается его определение как отношений, основанных на браке или свойстве³⁵. Складывается впечатление, пишет Б. Юссен, что биология оказывает на научную систематику гораздо более сильное влияние, чем можно было бы ожидать исходя из теоретических постулатов³⁶.

Результатом такого «биологоцентризма» становится и разделение родственных отношений на «действительное» и «псевдорodство», первое из которых основывается на кровнородственных, брачных либо же свойственных отношениях, в то время как второе присваивает определенные роли членам социума иными путями. В Шотландии представления о кровном родстве членов кланов и их происхождении от общего предка оформились позже благодаря произведениям бардов, хранящих и воспроизводящих клановые мифы, создавая и поддерживая тем самым родовые генеалогии³⁷. И уже начиная с XIX в. клан рассматривается как «сообщество, состоящее из вождя и его клансменов, связанных определенной степенью родства, общим именем, а также особой иерархией во главе с вождем, являвшимся наследником некоего прародителя, с чьим именем была связана территория проживания клана»³⁸.

³⁵ Юссен Б. Родство искусственное или естественное? Биологизм в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и востоке Европы (до начала Нового времени). М., 2000. С. 86.

³⁶ Там же. С. 89.

³⁷ Donaldson G. Scotland: The Shaping of a Nation. L., 1993. P. 161.

Разделение родства на «истинное» и «фиктивное» было бы абсолютно совершенным, но оно не учитывает того важного обстоятельства, на которое указывает Д. Кроненфилд в статье «Терминология родства». Суть замечания состоит в том, что в большинстве культур обычная коммуникативная информация, которая передается в обычных разговорных ситуациях посредством терминов родства, гораздо более связана с чувствами и поведенческими ожиданиями, нежели с генеалогическими связями как таковыми³⁹.

Дэвид Уоррен Сэбиан является одним из тех, кому посчастливилось выйти за рамки категорий собственной культуры в области представлений о родстве. В цикле исследований, посвященных родству в Неккархаузене, деревеньке, расположенной примерно в двадцати километрах от Штутгарта, изучению которой он посвятил около тридцати лет своей жизни, Д. Сэбиан, для того чтобы понять стратегии жизнеобеспечения и социального воспроизводства, рассматривает функционирование как генеалогических, так и брачных, и крестнических отношений, представляя их как три различные техники, которые пересекались, соединялись, подкрепляли и дополняли друг друга⁴⁰.

Как правило, при изучении родства специалисты используют микроисторические методы, позволяющие, словно в «социальный микроскоп», разглядеть процессы, происходящие в рамках клановых и других родовых сообществ. Современная история обнаруживает вполне отчетливую тенденцию к изучению малых групп. В настоящее время исследователи не ограничиваются обобщением данных, полученных по целой стране, крупному региону, провинции, а пытаются проникнуть глубже, изучая состав, функционирование и изменения в рамках тех коллективов, в которых проходила жизнь человека в разные исторические эпохи. Микроистория создает, по замечанию А.Я. Гуревича, почву для сближения социально-экономического исследования с исследованием ценностей, норм поведения, коллективного сознания, «картины мира, заложенных в сознание людей их культурой»⁴¹.

³⁸ The Tartans of the Clans and Septs of Scotland. 2 vol. Edinb., 1856.

³⁹ Kronenfeld D. Kinship terminology // Encyclopedia of Cultural Anthropology / Ed. by D. Levinson. N.Y., 1996. Vol. 2. P. 682–686.

⁴⁰ Sabeian D. Kinship in Neckarhausen 1700–1870. Cambridge, 1998.

⁴¹ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 38.

Этим методам соответствуют и особые источники, главные среди которых – это списки жителей населенных пунктов, переписи населения и церковные книги, то есть записи рождений, крещений, венчаний и отпеваний, которые велись клириками в приходских церквях⁴². Огромное количество актового материала, относящегося к истории отдельных кланов, дает возможность проследить динамику клановой географии и трансформацию родственных связей. Однако и другие типы источников зачастую применяются при анализе представлений о родстве, в частности, там, где речь идет о компаративных исследованиях, большую роль играют нарративные материалы.

Источники, использованные для создания этой книги, собраны из коллекций ряда британских библиотек, таких как: Библиотека Британского музея, Национальная библиотека Шотландии, библиотеки Эдинбургского и Страйтклайдского университетов, а также из собраний Национального архива Шотландии (г. Эдинбург). Среди материалов, относящихся к более ранним страницам хайлендской истории, главную роль, пожалуй, играет актовый материал – многочисленные документы, отражающие движение клановой собственности, королевские указы и грамоты. Из нарративных материалов этого периода истории внимания заслуживают так называемые «клановые истории», основанные и на легендах, и на семейных преданиях, но очень часто предоставляющие вниманию исследователя и репрезентативный материал, особенно в тех частях, где речь ведется о клановой географии и вождах.

Более поздний исторический период освещен источниками несравненно лучше – эпистолярными, документальными, фольклорными памятниками блестяще обеспечен, например, период якобитизма. Последующая эпоха «умиротворения» нашла отражение в законодательных и документальных источниках той поры, а записки современников способны пролить свет на восприятие процессов «очисток», сгонов и клановых экспроприаций. К тому же там, где речь идет о XIX в., неоценимое значение имеют материалы периодических изданий.

Обращают на себя внимание интересные факты, связанные с публикацией источников по истории Горной Шотландии в Брита-

⁴² Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбума. СПб., 2004. С. 9–10.

нии. Массовое их издание приходится на вторую половину XIX в., когда они выходят в свет благодаря исследователям, публикующим документы, связанные с историей их собственных кланов. Были изданы целые серии, снабженные подробными указателями имен, топонимов, достаточно полными предисловиями, в которых давалась, как правило, развернутая критика источника. Широкое распространение тогда получила практика публикации источников в качестве приложений к исследованиям, посвященным истории соответствующих кланов. В частности, обширная подборка, посвященная клану Доналдов, была помещена в монографии Р. Макдоналда. Выходили источники и отдельными изданиями, но, как правило, посвященные отдельным кланам. Активной издательской деятельностью занимались и продолжают заниматься различные исторические и этнографические общества и клубы, в разное время публиковавшие как документальные, так и другие виды источников. В частности, коллекция документов по хайлендерской истории была издана Клубом Иона в 1889 г., а подборка «Хайлендерских сказаний» – кельтским обществом Шотландии. Все это во многом показательные факты, свидетельствующие об изменении отношения к клановому родству: если ранее оно воплощалось в военном противостоянии кланов, то теперь, в эпоху модернизации, трансформировавшей весь комплекс социокультурных связей, нашло свое отражение в исторических исследованиях и культивировании собственного прошлого.

Традиционно принято считать, что становление рыночного общества вытесняет прежние корпоративные социальные институты, в том числе трансформирует и широкие родственные группы. Однако вернее было бы говорить, что наступающая модернизация не разрушает, реструктурирует родовые отношения и изменяет характер взаимоотношений в крупных родовых группах. В уже упоминавшихся исследованиях, посвященных Неккерхаузену, Дэвид Сэбиан аргументировано доказывает, что в период наступающих буржуазных отношений значение родственных связей для социальной интеграции деревни не уменьшалось с течением времени, а, наоборот, увеличивалось. Более того, в социальной практике, испытывавшей процесс ломки устоявшихся стереотипов отношений, именно родство стало тем каналом, который зачастую адаптировал новые нормы и облегчал процесс социализации.

Эрнест Геллнер на страницах уже упоминавшейся книги приводит забавный пример о том, как еще в 1956 г. в Марокко, только

что получившем независимость, создавались современные политические партии, и представители горных племен вступали в них по старинке – так, как прежде они присоединялись к религиозным движениям, а именно: всем миром, с принесением клятвы и жертвы. Таким образом, ряды социалистической партии пополнялись не индивидами, а родовыми кланами, и, по крайней мере, один вол должен был лишиться жизни по ходу этого действия⁴³.

Одним из свидетельств «заимствования» старых патриархальных норм новыми отношениями стал и институт «патронажа». В Германии, например, в начале XIX в. люди считали одной из главных причин их тяжелого положения существование так называемых «семейных партий», которые совершали многочисленные злоупотребления, контролировавшие кредитные и налоговые отношения. А политическую ситуацию, сложившуюся в городах и селах герцогства Вюртембергского на рубеже XVIII–XIX вв., они характеризовали словом «*vetterleswirtschaft*» – дословно «хозяйство кузенов»⁴⁴. Тот же самый процесс мы увидим и в Шотландии, где под патронажем могущественных Аргайлов многочисленные ветви клана Кемпбелл продвигались по службе в составе Британской империи. В XIX в. от родственных отношений фактически оставалось лишь только имя, связывавшее людей узами родства и объединявшее их в родовую группу, но именно оно и сохраняло клановую солидарность, облегчая адаптацию к новым рыночным отношениям.

Родственные связи, таким образом, не исчезали в процессе модернизации, а лишь трансформировались, позволяя более мягко интегрироваться в новые рыночные отношения, сохраняя, по крайней мере, на протяжении XIX в. элементы традиционной культуры.

В этой связи верхней хронологической границей предлагаемого исследования стала середина XIX в., когда в Шотландии завершился промышленный переворот и произошла полная интеграция Хайленда в Британскую империю, разрушившая клановую организацию, но еще сохранявшая представление об общности горской культуры и хайлендерскую идентичность, ставшую частью идентичности британской.

⁴³ Геллнер Э. Указ. соч. С. 123.

⁴⁴ Сэбиан Д.У. Взаимовыручка и кумовство: родственные связи в Неккерхаузене // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколла, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбума. СПб., 2004. С. 245.

**ЭКОЛОГИЯ ХАЙЛЕНДА:
НАСЕЛЕНИЕ И ПРИРОДА**

К концу лета 83 г. н.э. большая часть Каледонии представляла собой жалкое зрелище: опустевшие поля, заброшенные хозяйства и разграбленные амбары с трудом могли прокормить население этой земли. Римляне, пришедшие с юга в составе более чем 20-тысячной армии, оккупировали земли вплоть до подножья гор. И лишь север оставался еще не подчиненным войскам Рима. Для защиты своих границ от нападений воинственных племен римляне построили два оборонительных вала, пересекавших остров с запада на восток: Антониев, проходивший по территории современной Шотландии, и немного южнее Адрианов, расположение которого примерно совпадает с границей Англии и Шотландии. Уже тогда римляне отметили сходство жителей шотландской равнины с народом Северной Англии и одновременно их разительное отличие от пиктов, которыми был заселен север острова – та часть, которую римляне и прозвали Каледонией.

Это, пожалуй, первое из сохранившихся письменных свидетельств, фиксирующих отличия между северными горными и южными равнинными районами страны. Сейчас сложно говорить, что в первую очередь привлекло внимание Юлия Агриколы – языковая дистанция между племенами, населяющими Шотландию, культурная или социальная; в последующие столетия и одно, и другое, и третье станут фактором разграничения, а порой и конфликтов между каледонцами.

В IV в. Аммиан Марцеллин опять упоминает два племени, которые он называет «великими народами»: на севере – каледо-

нии, к югу от них – меаты. А пройдет еще десять столетий и в конце XIV в. шотландский хронист Джон Фордун вновь обратится к этой теме с тем, чтобы уже окончательно заявить о несовместимости культурных традиций севера и юга.

Какие же реальные различия существовали между хайлендерами и лоулендерами?

Хотя наиболее ранние следы обитания человека в Шотландии относятся примерно к девятому тысячелетию до н.э., с большей или меньшей степенью уверенности мы можем говорить о рождении производящего хозяйства в форме скотоводства в Каледонии лишь спустя пятьдесят столетий. Некоторые археологи предполагают, что эти люди, населявшие север Британских островов в то время, были великими строителями, возводившими каменные сооружения – крепости и могильники. Из уст в уста на протяжении многих столетий передавались легенды о строительном мастерстве древних жителей Каледонии, которые становились в ряд от каменоломни до места, где строили, «и всяк передавал камни вперед своему соседу, покуда не достраивали крепость»¹. Одной из разновидностей таких построек являются кайрны – сакральные сооружения в виде небольших холмов, но не обязательно связанные с захоронениями, до сих пор сохранившиеся в некоторых частях Северной Шотландии. Узкий вход в это сооружение был расположен таким образом, что в день зимнего солнцестояния закатные лучи солнца попадали прямо на противоположную от входа стену.

Стремясь обеспечить себя территориями для выращивания зерновых культур и пастбищами для домашнего скота, население севера Шотландии очищало большие области земли от леса, обычно огнем, и так создавались характерные ландшафты вересковой пустоши, которых так много в современной Шотландии.

Эти первые фермеры основали постоянные поселения, некоторые из которых, подобно хорошо сохранившейся деревне Скара Брэ на Оркнейских островах, были расположены около моря, позволяя жителям пополнять свой рацион рыбой и овладевать мастерством строительства лодок. Редкое поселение на территории Шотландии находится более чем в 20 милях от моря или

¹ Шотландская старина. Книга сказаний / Пер., сост. и ком. С. Шабалова. М.–СПб., 2001. С. 15.

судоходного пути к нему, поэтому рыбный рацион как в древности, так и сегодня, составляет неотъемлемую часть шотландского стола. Эти поселения не были так изолированы, как раньше предполагалось: геологические исследования показали, например, что камень, используемый для изготовления топоров, найденных на Гибридах, происходил из Северной Ирландии.

Примерно в IV тысячелетии до н.э. туда из Северной и Центральной Европы прибыл «народ кубков» – тот загадочный народ, который был римлянам известен под названием «пикты», а кельтам – как «круитни». В римских источниках они впервые упоминаются в 297 г. И у Беда Достопочтенного, и у Гальфрида Монмутского пикты выводятся откуда-то из Скифии². Тот же вариант воспроизводит и англосаксонская хроника³. Однако все источники, очевидно, смешивают Скифию и Скандинавию (на языке англосаксов *Scedenig*) из-за схожего написания этих топонимов. У Гальфрида Монмутского содержится рассказ о том, что «некий король пиктов по имени Родерик, прибыв с большим флотом из Скифии, высадился в северной части Британии, которая зовется Альбанией, и принялся разорять страну. Собрав свой народ, Марий пошел против Родерика и, вступив с ним в битву, убил его и одержал решительную победу. В память своего торжества над врагами он поставил впоследствии камень в том краю, который по его имени нарекли Вестмарией... После гибели Родерика Марий всем его прибывшим вместе с ним и потерпевшим поражение воинам предоставил для поселения в ней часть Альбании, которая зовется Катанезией. Была эта земля пустынной, и никто ее испокон веку не обрабатывал. И так как пришельцы, у которых не было жен, стали домогаться у бриттов, чтобы те отдали за них своих дочерей и родственниц, возмущенные этим бритты наотрез отказались сочетать своих женщин браками с ними. Тогда же, встретив отказ бриттов, они переправились на остров Ибернию и, обзаведясь там женами, привезли их с собою и благодаря народившемуся у них потомству увеличили свою численность»⁴. Беда Достопочтенный говорит о том, что скотты,

² Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2003. С. 11; Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. С. 75.

³ Из «Англосаксонских хроник» (период до 750 г.) // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2003. С. 220.

⁴ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. М., 1984. С. 47–48.

населявшие Ибернию, дали им жен с тем условием, что «королей они должны выбирать не по мужской, а по женской линии»⁵, что на долгие годы закрепило особый порядок престолонаследия среди пиктов, а отголоски этой системы были слышны еще и в средние века. По крайней мере, еще в XIX в. у горцев Шотландии была в ходу поговорка: «Никого не назову братом, кроме сына моей матери»⁶.

Эти краткие рассказы привлекают внимание тем, что являются редкими письменными источниками, упоминаящими пиктов, а также локализирующими их на Британских островах. Катанезия, называемая Гальфридом, – область на северо-востоке Шотландии, ныне составляющая графство Кейтнесс, действительно, и ранее, и сейчас, небогатая природными ресурсами, – могла с трудом прокормить сколько-либо значительное население.

Возможно, что пикты были одной из ветвей древнейшего иберийского племени, населявшего Европу, а поселившись в Шотландии, смешались со скоттами-кельтами. Так или иначе, вопрос о происхождении пиктов до сих пор остается загадкой.

«Это легион, – писал император Клавдий, – который сдерживал дикого скотта и изучал рисунки, сделанные железом на лице умирающего пикта». Кельтское название пиктов действительно переводится как «раскрашенные», «узорчатые», что в какой-то степени объясняет свидетельства древних авторов о «расписанных бриттах», которые, очевидно, наносили себе татуировки. До сих пор, правда, не ясно является ли слово «*pictus*» названием, присвоенным римлянами враждебным им племенам Северной Британии, или же это их самоназвание.

Согласно хроникам, в 843 г. королем Пиктии становится Кеннет Мак Альпин, чьим отцом был скотт, а матерью – дочь пиктского вождя. С его именем традиция связывает исчезновение пиктов.

Название же «скотты» происходит из легендарной традиции, ведущей этот народ от египтян. В ней дочь фараона Скота была отдана в жены Нелу – одному из прародителей ирландцев⁷. Первый скотт прибыл на Западные Острова Шотландии из Ирландии, очевидно, в IV в. н.э., а около 470 г. великий король Фергус Мор

⁵ Беда Достопочтенный. Указ. соч. С. 11.

⁶ Шотландская старина. Книга сказаний. С. 75.

⁷ Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1991. С. 80.

переселил свой народ племени Дал Риада на территорию Шотландии, отчего первое королевство скоттов и получило такое же название. «И как только римляне, распрощавшись с намерением когда-либо вернуться сюда, отплытии с острова, с кораблей снова высаживаются укрывавшиеся в Ибернии... премерзкие ватаги скоттов, пиктов и норвежцев... и захватывают всю Альбанию до самой стены»⁸. Скотты, завоевавшие Шотландию, говорили на Q-кельтском – аналоге современного гэльского языка.

По поводу отношений пиктов и скоттов тоже далеко не все ясно. Традиционно принято считать, что вторые истребили первых, однако Нений – еще один британский историк – не единожды говорит о том, что «скотты, которые обитают на западе, и пикты, поселившиеся на севере, объединившись, дружно и непрерывно нападали на бриттов, ибо те жили, обходясь без оружия»⁹. Мирную картину сожительства народов, населяющих Британию, рисует и Беда Достопочтенный, который на страницах, относящихся к 30-м гг. VIII в., пишет, что «пикты ныне заключили мирный договор с англами и радуются единению со Вселенской церковью в католическом мире и истине. Скотты, живущие в Британии, довольствуются своими землями и не замышляют никаких козней или вероломства против народа англов...»¹⁰.

Старая легенда, однако, гласит, что в последней битве между скоттами и пиктами, древнейшее население Шотландии потерпело поражение и из всего народа осталось в живых только двое – отец и сын. Когда их привели к королю скоттов, тот потребовал от них открыть древнейший пиктский секрет изготовления верескового эля, хранившийся в строжайшей тайне и передававшийся из поколения в поколение. Старик-отец неожиданно согласился, но поставил перед правителем скоттов одно условие: чтобы тот убил его сына:

*Сначала сына убей,
И я рассказать готов,
Как мы варим наш эль
Из вересковых цветов.*

⁸ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 61.

⁹ Нений. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984. С. 175.

¹⁰ Беда Достопочтенный. Указ. соч. С. 190.

Когда же удивленные скотты все же выполнили это условие, старик, увидев мертвого сына, высоко подпрыгнул и закричал: «Теперь делай со мной что хочешь. Сына моего ты мог заставить, ибо был он только хилым юнцом, но меня ты не сможешь заставить никогда!».

*А мне костер не страшен.
Пукай со мной умрет
Моя святая тайна –
Мой вересковый мед!*

Этот сюжет лег в основу баллады Р.Л. Стивенсона «Вересковый мед»¹¹.

Король же решил, что самым большим наказанием старику будет, если его оставят в живых. И тот прожил много лет, пока не стал глубоким старцем, неходячим и слепым. Согласно другой легенде, отец после смерти сына бросился со скалы и разбился. Традиция говорит, что это произошло на скалистом побережье, где жили последние пикты¹².

Сегодня далеко не все ученые единодушны в том, что пикты не оставили после себя потомков. Некоторые авторы говорят, что «пикты и скотты, которые были сродными племенами через общее происхождение и говорили на сходных языках, с легкостью срослись». Да и Гальфрид упоминает о том, что, смешавшись с бриттами, пикты навсегда остались в Альбании¹³. Хотя земли, в которых они обитали, историк XII в. уже называет Скотией – страной скоттов. Среди пяти народов, населяющих Британию, он, писавший в 30–40 гг. XII в., называет, в том числе, и пиктов¹⁴. Таким образом, то, что в крови горных шотландцев смешана кровь пиктов и скоттов, можно считать достоверной истиной, что выразилось в названии горных шотландцев, которых в V–VIII вв. именовали «гэльскими пиктами»¹⁵.

Следующие несколько столетий истории были ознаменованы постоянными межплеменными войнами, причина которых заключалась не только в нехватке земли, но и стремлении военных

¹¹ Стивенсон Р.Л. Вересковый мед // Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1981. Т. 5. С. 393–395.

¹² Шотландская старина. Книга сказаний. С. 23.

¹³ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. М., 1984. С. 50.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Шотландская старина. Книга сказаний. С. 25.

слоев общества демонстрировать свое мастерство. В этой связи постоянные межклановые противостояния периода позднего средневековья в горной Шотландии не являют собой ничего нового.

XII–XIII вв. идет борьба языков между северной формой английского, который развился в язык, который мы сегодня называем шотландским и гэльским Q-кельтским языком природных шотландцев. Средневековые шотландцы называли свой язык «*Inglis*» и чаще использовали название «*Scottis*» или «*Ersch*» для обозначения гэльского. Многие равнинные шотландцы были билингвистичными, используя и шотландский, и гэльский языки.

Заключительная добавка к этой этнической смеси, уже сформировавшейся в Шотландии, была также некельтского происхождения – где-то с начала IX в. начали прибывать норвежские переселенцы, оседая в основном на северо-востоке и на северных островах.

Реальное же норманнское влияние на Шотландию началось с проникновением норманнских поселенцев из Англии в XI–XII вв. Маргарита, английская жена Малколма Канмора, приехав на родину своего мужа и найдя шотландцев дикарями, способствовала проникновению норманнских, в первую очередь, христианских идей «ради спасения церкви и государства». Эта же волна, кстати говоря, принесла и феодализм в равнинную Шотландию, имена многих героев которой, в том числе и Уоллеса и Брюса, имеют норманнские корни. Нам еще не раз придется говорить о роли внешнего фактора в шотландской вообще и хайлендерской истории, в частности, вторжение же кельтов-скоттов и нашествие норманнов были лишь первыми этапами иноземного воздействия, неизменно приносившего что-то новое в горные районы страны.

О количестве гэльского населения горных районов Шотландии и его соотношении с населением других частей страны судить достаточно сложно, особенно это касается ранних периодов истории. Данные, относящиеся к 1689 г., то есть времени, непосредственно предшествующему активной модернизации региона, свидетельствуют, что от 25 до 30 % шотландцев считали себя гэлами, однако особо оговоримся, что критерием такого выделения является языковой признак – эти люди говорили на гэльском языке, который был распространен в то время в северо-западных частях Шотландии, в то время как восточным Хайлендом уже овладевал язык скоттов. К 1806 г. количество гэллогворящих шотландцев снизилось до 19 %, а в 1981 г. их было всего лишь 2 % от общего населения Шотландии. К слову сказать, сегодня

большая часть тех, кто знает гэльский язык, проживает в районе Страйтклада, в том числе и в Глазго, а не на Западных Островах или Скае, как это можно было бы предположить.

Информация, предоставленная Вебстером из отчетов всех приходов Шотландии, относящаяся к 1755 г., опубликована Джемсом Кидом в 1975 г. в, пожалуй, самом авторитетном и популярном демографическом справочнике Шотландии. Данные, приводимые в исследовании, относятся к тому периоду, когда были завершены наиболее жестокие репрессии горцев, последовавшие за Великим Восстанием 1745 г. К этому времени путешествовать по стране стало гораздо безопаснее, в связи с чем предпринимаются успешные попытки исследований, в том числе и демографических, горных районов страны.

По данным Вебстера, в 1755 г. в Хайленде проживало шестьсот пятьдесят две тысячи человек, что составляло 51 % от общего населения Шотландии, а плотность населения была 31 человек на квадратную милю. Для сравнения, в Центральной части плотность населения составляла 110 человек на квадратную милю (37 % общего населения), а в Лоуленде – 36 человек (11 %) ¹⁶ (см. табл.).

Динамика численности населения Хайленда в XVIII–XIX вв.

Район	Численность населения (тыс.)	Численность населения (%)	Плотность населения (на кв. км)
1755 г.			
Хайленд	652	51	31
Центральная часть	464	37	110
Лоуленд	149	11	36
1861 г.			
Хайленд	1020	33	48
Центральная часть	1769	58	414
Лоуленд	273	9	65

Еще одной чертой демографической ситуации в Хайленде было то, что население гор в середине XVIII в. было очень молодо, например, в поместье Барисдэйл 32 % его жителей составляли дети в возрасте до 10 лет. Женщины также значительно преобладали, что, очевидно, стало результатом событий 1745 г. ¹⁷

¹⁶ *Scottish Population Statistics* / Ed. by James Gray Kyd. Edinb., 1975. P. XVIII.

¹⁷ *McLean M. The People of Glengarry: Highlanders in Transition, 1745–1820.* Montreal, 1991. P. 26.

В 1861 г., в период, когда модернизация горных районов развивалась активными темпами, демографические показатели выглядят несколько иначе. Население Хайленда составляло 1 млн 20 тыс., то есть 33 % от общего числа шотландцев, плотность – 48 человек на квадратную милю. В Центральном районе – 1 млн 769 тыс. (58 %), при плотности 414 человек на квадратную милю. А в Лоуленде – 273 тыс. человек (9 %), плотность населения – 65 человек на квадратную милю¹⁸. Таким образом, динамика численности населения напрямую зависела от процесса модернизации, в условиях которой возрастает удельный вес промышленных районов страны, в то время как горные сельскохозяйственные регионы теряют в процентном соотношении. В середине XX в. в шотландских горах проживало 20 % населения страны.

Наиболее значительные демографические изменения происходили в Шотландии, в том числе и ее горных районах в XIX в. Период 1810–1880-х гг., известный как «чистки», или «улучшения», когда тысячи крестьян были согнаны со своих земель, изменил ее практически до неузнаваемости. Если в 1811 г. в Шотландии было 250 тысяч овец, то в 1840-х гг. их было уже более миллиона. Слова Томаса Мора о том, что «овцы поедают людей» с полным основанием могли бы быть отнесены и к Хайленду XIX столетия. Часть населения Хайленда вынуждена была переселиться в равнинные районы страны, другая – искать службу в имперских структурах, третья – покинуть Британию, чтобы основать шотландские колонии во всех частях света. Шотландские эмигранты оставили свой след практически в большинстве отраслей мирового хозяйства, зарекомендовав себя как удачливые торговцы и предприниматели, юристы и военные. Только с 1760 по 1790-е гг. на северо-американский континент эмигрировало сорок тысяч хайлендеров, поскольку экономика северной Шотландии не оставляла им места у себя на родине.

Подобно динамике населения и климат горной Шотландии развивался и менялся с ходом истории. Современные жители тех мест шутя говорят, что за один день у них сменяется все четыре времени года, в прежние же времена все это сулило большие неудобства каледонцам.

По сравнению с другими регионами Шотландии – Равниной и лежащей между ними Центральной частью – Хайленд занимает

¹⁸ Scottish Population Statistics / Ed. by James Gray Kyd. Edinb., 1975. P. XVIII.

самую большую площадь – двадцать одну тысячу триста тридцать квадратных миль, при общей площади страны двадцать девять тысяч семьсот девяносто пять миль. То есть соотношение между частями Шотландии выглядит как 5:1:1 в пользу горных районов.

Особые природно-климатические условия в огромной степени определили характер развития региона, одной из особенностей которого стала не только своеобразная изоляция Хайленда в целом, но и разобщенность, хозяйственная автономность отдельных его частей и хозяйств, каждое из которых на протяжении долгих столетий вело свое замкнутое натуральное хозяйство, функционируя как «род изолированной колонии». С другой стороны, специфика географического положения определила не только изолированный характер жизнедеятельности социума, но и основные направления экономического развития в рамках указанного региона, особенности хозяйственной деятельности на его территории.

Утверждение о том, что любое традиционное общество очень сильно зависит от окружающей среды, пожалуй, стало уже аксиомой. В то же время характер взаимоотношений в нем в значительной степени детерминирован обычаем и нормами, складывавшимися в социуме на протяжении исторического развития, причем в особенной степени это, наверное, относится к механизму идентификации – процессу определения человеком своего места в окружающей его системе взаимоотношений, к тому, что мы сегодня часто называем идентичностью.

Северные горные районы Шотландии, состоящие из узких горных долин, окруженных со всех сторон мрачными серыми скалами, ветер, высокая влажность и бурая растительность, под которой скрывается тонкий слой малоплодородной почвы, – все это обуславливало очень сомнительную хозяйственную привлекательность Хайленда. А в период с 1550 по 1700 гг. климат стал еще более ветреным и холодным, что привело к тому, что даже ранее обрабатываемые участки земли были заброшены или, чаще, превращены в пастбища, следы которых в виде бесконечных каменных оград, покрытых мхом, сохранились в Хайленде до наших дней.

Даже само разделение Шотландии на северную и южную имеет не только этническую или социокультурную, но и географическую, в том числе и геологическую основу. Северная Шотландия отделяется от южной цепью Грамплианских гор, порой прерываемых долинами – гленами, протянувшимися с северо-востока на запад. В рамках самого Хайленда не менее значимым представляется разделение на западный и восточный, тоже обуслов-

ленное и геологическими, и социокультурными условиями. Для ранних периодов истории такие естественные границы были чрезвычайно значимыми, как бы, возможно, сложно нам это не было признавать. Воин VI или VII вв. из горной Шотландии описывался своими современниками как пришедший «из-за Банага» – так на гэльском называлась группа холмов на границе центральной и горной части Каледонии. А в VIII в. пиктский король был назван правителем «страны гор», что подтверждало особое положение Моррзя, откуда он происходил, по сравнению с другими частями Шотландии. В этой связи не приходится удивляться тому, что и политическое разделение часто следовало за географическим.

Еще одной особенностью природы Шотландии является огромное количество островов, расположенных, главным образом, у северо-западного ее побережья, некоторые из которых объединены в группы – Оркнейские, Гебридские, Шетландские. Всего их насчитывается 787, но обитаема лишь незначительная их часть.

Одним из мифов о природно-географических особенностях Шотландии является утверждение, будто бы она была сплошь покрыта лесами. Очевидно, что леса были истреблены здесь, в том числе и в горах, задолго до наступления средневековья в целях организации пастбищ. Деревьев хватало лишь на постройку жилищ и уже средневековые описания страны свидетельствуют, что «лесов в Каледонии нет»¹⁹. В 80-е гг. XIX в. леса, населенные дикими оленями, составлявшие площадь два миллиона акров – десятую часть Шотландии, расположенные, главным образом, в северных прибрежных районах, стали даже фактором социального напряжения, поскольку из-за дефицита земель крестьяне требовали их вырубки, на что правительство никак не шло, поскольку разведение диких оленей сулило немалую прибыль при минимальных затратах труда. Если вплоть до XV в. на территории Хайленда лишь единицы домов были построены из камня, то в период XVI–XVII вв. количество каменных жилых строений увеличивается, и они становятся относительно постоянными местами обитания жителей гор. В прежние времена такое встречалось относительно редко и жилища из торфяных блоков, покрытые вереском и приспособленные, главным образом, для нужд пастухов, имели временный ха-

¹⁹ The New Penguin History of Scotland. From the Earliest Times to the Present Day / Ed. by R.A. Houston, W.W.J. Knox. L., 2001. P. XXV.

ракти. Вересковые пустоши, сегодня являющиеся одним из символов Шотландии, также, очевидно, стали продуктом сравнительно недавней человеческой деятельности и появились в течение последних 200–300 лет, а в средние века были характерной чертой пейзажа лишь в районе Чевиотского нагорья.

Распространенное мнение, что ландшафт северной Шотландии не менялся вплоть до периода модернизации XVIII–XIX вв. представляется далеко ошибочным. И хотя экономическая трансформация была более динамичной, чем изменения ландшафта, уже первые поселенцы, как мы видели, приспособливая природу под свои потребности, обрабатывали землю, строили каменные сооружения, вырубали немногочисленные леса. Не говоря уже о том, что начиная с периода средних веков, а, возможно и ранее существовали торговые связи, в которые были втянуты и горцы, в частности, пикты, обладавшие большим флотом. Гильдас говорит, что «ужасные полчища скоттов и пиктов тут же высадились из своих курук, на которых плавали как через проливы, так и в далекие моря»²⁰.

Несомненно одно. Трансформация ландшафта, происходившая в процессе осознанной деятельности шотландских горцев, имела своей целью поиск интенсивных форм хозяйственной деятельности, которые в довольно ограниченных условиях окружающей среды воплотились в своеобразный комплекс отраслей хозяйства.

И чем сложнее было приспособиться и выжить, тем более значимыми являлись эти преобразования для формирования идентичности народа, тем неотделимее процесс хозяйственной деятельности от процесса исторического восхождения народа к этапу национального развития. В этой связи освоение территории сравнимо по значимости с написанием истории народа, которая неотделима от земли, на которой он проживал. Здесь нам не раз еще придется возвращаться к теме неразрывности клановой истории и неотделимости самого понятия «клан» от территории, заселенной им, и изменений, происходящих на этой земле.

Таким образом, вся «естественная» история Хайленда являет собой смешение разных народов, которые переплавлялись в этом общем котле «горской идентичности». На протяжении целого ряда столетий горцы осваивали заселенную ими территорию, создавая и преобразовывая ландшафт, который наиболее интенсивной обработке подвергся в эпоху модернизации.

²⁰ Гильдас. О разорении Британии // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2003. С. 216.

II

ХАЙЛЕНДЕРСКИЕ КЛАНЫ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И РОДОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

- ◆ Хайлендерские общественные связи
- ◆ Камероны: история одного клана в «Век набегов»
- ◆ «Гэльский феодализм» и начало социальной трансформации

Хайлендерские общественные связи

Среди наиболее важных проблем истории Хайленда в контексте изучения клановой системы этого региона первоочередное внимание должно быть уделено самой категории «клан». Кроме того, необходимо, очевидно, рассмотреть роль клановой системы в общественной организации горной Шотландии, поскольку важна проблематика и сама постановка вопроса, – «система» объясняется многофункциональностью и неоднозначностью таких категорий, как «клан» и «род», учитывая, тем более, что эти понятия не были статичными категориями. Кроме того, интересна и проблема трансформации социальной структуры северо-шотландского общества в период модернизации, осуществление которой и в Шотландии в целом и в горных ее районах, в частности, имело ряд особенностей.

В этнографической литературе существует целый ряд определений понятия «клан», однако они крайне обобщены и неоднозначны. Чаще всего, говоря о клане, имеют в виду коллектив родственников, ведущих свое происхождение от одного предка. Так, в ходе дискуссии о соотношении родовой и клановой организации, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» в 1967 г., был представлен ряд мнений на этот счет. Интересной представляется точка зрения Дж. Мердока, приведенная в работе М.В. Крюкова¹. По мнению Мердока, следует

¹ Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса) // Советская этнография. 1967. № 6.

различать три типа родственных групп: «родственные группы, связанные общностью проживания» – к ним автор относит, например, семью; «кровнородственные группы», включающие род и его подразделения; и, наконец, промежуточные родственные группы, к которым относятся объединения, состоящие из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка. Такие социальные группы, которые Мердок называет «кланами» (в отличие от рода), характеризуются, по его мнению, следующими признаками: однолинейность счета родства; территориальное единство (клан совпадает с локальной группой); существование социальной интеграции внутри клана². Несколько другую характеристику дал в свое время Р. Ферт. Он среди отличительных черт клана выделил следующие: сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола; иерархическое соподчинение входящих в клан ячеек; домохозяйство как основная ячейка внутри такой группы; каждая такая группа в принципе локализована³. И, наконец, еще одна интересная точка зрения на этот счет. М.В. Крюков считает, что можно отождествить понятия «клан» и «патронимия»⁴. Под патронимией понимается определение, данное еще М.О. Косвеню, суть которого, в самом сжатом виде, заключается в том, что это – объединение нескольких семей, возводящих свое происхождение к общему, хорошо всем известному предку.

В западной историографии этому вопросу уделяется тоже крайне мало внимания, однако особенность современного подхода у англосаксонских исследователей к изучению этого вопроса заключается во внимании к субъективному восприятию родства и к переносу акцента на изучение родовой идентичности и форм ее реализации.

Думается, что хайлендерские кланы были не просто объединениями, структурированными вокруг родовых, реальных или вымышленных связей и лидеров, иными словами, этот феномен невозможно объяснить лишь с точки зрения его социальной организации. Клановые связи как социальный институт могли реа-

² Крюков М.В. Указ. соч. С. 86.

³ Семенов Ю.И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М.В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации») // Советская этнография. 1968. № 4. С. 84.

⁴ Крюков М.В. Указ. соч. С. 88.

лизываться лишь в том случае, если в основе их лежали отношения владения определенной территорией, порождающие такие понятия и явления, как «клановая собственность на землю», «межклановая вражда», а позже и новые социальные группы землевладельцев и крестьян – все это подтверждается категориями того времени, когда клан без земли считался «разбитым кланом», а его члены – «разбитыми людьми» (*broken-men*). Иначе говоря, и социальная организация клана, и его место в общественной структуре горского социума основывались на праве кланового землевладения. То, что кланы были основаны не только и, наверное, не столько на родовых связях, сколько на факте контроля над землями, свидетельствуют также имена некоторых кланов, в своей основе имеющие как родовые прозвища, так и название территорий, например, Макдоналды Кепочи, Камероны Локхил и др. Подобный тип владения, связанный с территориальной наследственной клановой собственностью, назывался «*duthchas*», и, очевидно, даже учитывая то, что выражал он лишь претензии на усиление роли вождя клана, способствовал консолидации общества на основе единого права земельного наследования.

Сам принцип владения землей, на которую распространяются родовые структуры вождества и с которой связывают себя все члены клана, лежит, как представляется, в основе любой до-, прото- или государственной системы, со временем же юрисдикция клановых вождей могла распространиться и на территориальные союзы, с которыми связывал себя любой представитель хайлендерского социума, ощущая свою взаимосвязь с собственным родовым коллективом. Примером такого расширения родовых связей было государство Лордов Островов, включавшее в себя целый ряд территориальных клановых владений, расположенных на островах, и просуществовавшее вплоть до 1492 г., когда было поглощено шотландской монархией. Однако характерной чертой общественной организации Хайленда XVI–XVII вв. было не только отождествление себя с определенной территорией или с клановым коллективом, но сосуществование различных типов идентичности членов родовой организации, среди которых можно выделить четыре основных типа. Причем хайлендерская идентичность может быть определена как сумма разных идентичностей, которые представляли собой идею некой целостности «Я» (индивида или группы) по отношению к дру-

гим⁵. Причем, как замечает Йорн Рюзен, было бы неверно заметить термин «идентичность» каким-то другим, указывающим на разнообразие вместо целостности. Идентичность является отношением между этими различными «идентичностями», которое характеризуется тем минимумом связанности (как вида соотнесенности), который необходим индивидам и группам, чтобы иметь возможность продолжать свою жизнь»⁶.

Во-первых, так называемый вертикальный, или патронимический, тип идентичности, когда все члены клана ассоциировали себя с предками, ведущими свое происхождение от единого прародителя. Такая диахронная идентичность фиксирует внимание на изменении самого себя и своих отношений к другим в ходе исторического развития. В этом отношении идентичность является концептом непрерывности тождества самому себе, в условиях каких угодно изменений в окружающем мире. Во-вторых, так называемая горизонтальная, или синхронная, идентичность, заключавшаяся в том, что, ощущая свою зависимость от родового организма, клансмены связывали себя со своими братьями и кузенами. В синхронном измерении идентичность интегрирует различные отношения коллективного «Я» к другим в единство, в котором конкретное «Я» осознает себя. Хайлендерское общество в Новое время представляло собой агнативный социальный организм, поскольку, хотя родовые связи по материнской линии и играли в нем определенную роль и родственники жены или матери включались в состав родовой структуры клана, все же наиболее активную часть клана составляли сыновья или двоюродные братья по отцовской линии. Персональный же статус в рамках такого организма и влияние на политическое развитие клана зависели от степени интегрированности, от места в родовой структуре, главным образом, исходя из счета родства по мужской линии. Этот второй тип механизма идентификации осуществлялся через осознание собственной оппозиционности соседнему родовому организму. Самосознание подобного типа, присущее, как представляется, всем традиционным народам, реализовывалось в Хайленде во многих, в том числе и символических, формах, таких как гербовые отличия и цветовые гаммы

⁵ Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 45.

⁶ Там же. С. 46.

тартанов⁷. Кроме того, клановые имена являлись консолидирующим и, с другой стороны, обособляющим фактором в рамках горского социума. Связи в рамках родового сообщества основывались, как уже говорилось, на разветвленной клановой структуре, включающей в себя родственные группы, объединенные вокруг фигуры вождя и являющиеся ветвями родового дерева, корнями уходящего к некоему основателю – первопредку. В данном случае решающую роль играло имя клана, поскольку оно символизировало преемственность в историческом развитии и, следовательно, служило залогом права собственности на определенную территорию.

Относительно происхождения клановых имен следует сказать, что очень часто кланы присваивали себе происхождение от мифических или легендарных героев, удревяя свою природу, а главное, повышая тем самым свой статус. Часть кланов вели свое происхождение еще от кельтских богов. Так, имя Маккензи восходит, например, к гэльскому «Маккониш», что означает «Сын Света» – обозначение языческого бога Карнанноса, который часто представлялся с оленьей головой и оленьими рогами. Это объясняет и то, что на щите вождя, как правило, изображалась оленья голова⁸. Выявить истинные корни большинства кланов очень сложно, поскольку достоверные сведения о них появляются лишь в конце XII–XIII вв.

В условиях когда клановая география менялась настолько часто, что иногда клан не успевал освоить недавно завоеванную территорию, имя играло решающую роль в процессе конструирования идентичности. Но, с другой стороны, в этом случае диахронная и синхронная идентичности неизбежно вступали в конфликт. Если в первом случае статус определялся через наследование, исторически сложившееся право проживания на определенных территориях, идущее от предков, то во втором – преимущественно из-за столь распространившейся практики завоеваний новых земель и, соответственно, из-за образования огромного количества боковых ветвей, оспаривавших право относительного первенства, наоборот, происходило разрушение патронимического принципа идентификации, и на первый план выступает идентификация себя лишь с именем клана.

⁷ Clans and tartans. Glasgow, 1995.

⁸ Ibid. P. 200.

Тот факт, что владение землей обуславливало не только внутреннюю структуру клана, то есть обеспеченность его ресурсами, в том числе и людскими, но и статус родового организма в целом в рамках социума зависел от права землевладения, приводил к необходимости постоянной территориальной экспансии в Хайленде, в результате чего политическая карта горной Шотландии довольно часто перекраивалась, особенно в регионах, где сталкивались интересы наиболее сильных кланов, таких как Камероны, Макдоналды, Макинтоши и другие.

В целом на севере Шотландии сложились следующие основные пути расширения клановых территорий. Во-первых, это установление своеобразного покровительства, когда вождь либо брал под контроль наследника или главу младшей ветви клана, при этом заключая договор своеобразной вассальной зависимости, либо часть территорий клана передавалась во владение сыновьям или младшим родственникам вождя, связанных с ним как родственными узами, так и отношениями личной преданности. Младшая ветвь, таким образом, функционировала вокруг и под опекой своеобразной «баронии», во главе которой стоял сам вождь. Второй путь расширения клановых территорий реализовывался тогда, когда заключались договоры о своеобразном покровительстве мощных и влиятельных кланов более мелким и слабым родовым организмам⁹.

Шотландская монархия, выступая в качестве арбитра, стремилась поддерживать равновесие сил в горной Шотландии, не допуская усиления различных кланов. В особой степени эта ее роль была велика в регионах, где пересекались интересы наиболее влиятельных кланов. Одной из таких территорий был район к западу от Локхи (так называемый Лохабер), где, с одной стороны, сталкивались противоречия Камеронов и Макинтошей, издавна оспаривавших право занимать эти земли, а с другой — здесь же входили в конфликт притязания Аргайлов и Хантли, которые были представителями короны на севере.

В этой связи история клана Камерон являет собой блестящий пример социального организма, испытывавшего на себе все основные противоречия Северной Шотландии в целом, поскольку недаром, наверное, территория, где располагались владения этого клана, получила название «*Хайленд внутри Хайленда*». Изу-

⁹ *Dodgshon R.A. From chiefs to landlords. Edinb., 1998. P. 33.*

чение истории этого региона может пролить свет на характер функционирования всей общественной системы северо-западной Шотландии, поскольку и в географическом расположении, и в социальных отношениях Лохабер обнаруживает множество сходных черт с тенденциями развития Хайленда в целом, являя собой весьма репрезентативный пример для исследования общественного развития горной Шотландии не только XVI в., но и более поздних периодов истории. Пример Лохабера показателен еще и с той точки зрения, что именно здесь модернизация XVIII и XIX вв. осуществлялась наиболее активными темпами, и ее результаты были ощутимы уже в середине XIX столетия. И, наконец, представленный регион будет одним из тех, чьи представители в годы Великого восстания примут наиболее активное участие в борьбе за ущемленные интересы Стюартов.

Изучение истории клана в эпоху, названную историками «Век набегов», являет собой пример микроисторического анализа, того, что А.Я. Гуревич называет «движением в глубь материала» – к исследованию тех социальных образований, в которых собственно протекает жизнедеятельность индивидов, где «общественные отношения осуществляются не обезличенно и анонимно, но сохраняют форму прямых межличностных связей», иными словами, где социальный анализ «предполагает индивида». В этих словах, как подмечено М.Н. Смеловой и А.Л. Ястребицкой, обозначена методологическая позиция того направления исторических исследований, которое сегодня в массовом профессиональном сознании сопрягается с понятием «микроистория», порождая новое дискуссионное поле вокруг проблемы соотношения понятий «микро-» и «макроистория»¹⁰.

Клан Камерон во главе с вождем, не знающим, казалось, равных себе и в течение нескольких десятилетий наводивший страх на противников не только в Хайленде, но и во всей Шотландии, испытывавший на себе все основные противоречия эпохи, бросавший вызов короне и ее представителям, затем, всего лишь за несколько лет, распался на отдельные ветви и растерял все свое бывшее могущество, которое напоминало о себе лишь в балладах и преданиях. Потомки вождя растратили авторитет, некогда объединявший клансменов

¹⁰ Смелова М.Н., Ястребицкая А.Л. Введение // Культура и общество в средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998. С. 6.

да и сами воины, порой, не знали, кого из претендентов на вожество поддерживать. Клан со временем все более погружался в хаос, преодолеть который потомки Ивена Камерона уже не могли, все более становясь заложниками обстоятельств.

Эскалация напряженности достигает своей высшей точки в этом регионе Западного Хайленда с падением государства Лордов Островов в 1492 г. Государство Лордов Островов, или Лордство Островов (The Lordship of the Isles), возникло после того, как правнуки Олафа Красного, последнего короля Мэна, разделили земли, некогда принадлежавшие их предкам, и один из них, Доналд, в 1164 г. наследовал не только титул Лорда Островов, но и территории клана Доналдов: Гленко, Гленгарри, земли боковых ветвей клана: Раналдов и Макянов. Возникновение Лордства Островов было результатом борьбы корон Мэна, Норвегии и Каледонии за контроль над островами, прилегающими к западному побережью Шотландии, а также брачного союза, заключенного между дочерью Олафа и Сомерледом, потомком одного из островных вождей Джодфри Мак-Фергюса. Хотя феномен Лордства Островов практически не изучен в историографии – ни отечественной, ни британской, думается, что по своему характеру это было протогосударственное образование, обладавшее влиянием в Хайленде и сглаживавшее основные противоречия в регионе. На протяжении нескольких столетий геополитическая ситуация в регионе характеризовалась тем, что главы родов, проживающих на территории Хайленда, обязаны были приносить присягу главе Лордства и становились танами, то есть наместниками, неся ответственность за порядок на своих землях.

Упадок государственного образования, существовавшего на северо-западе Шотландии с конца XII в., привел к резкому снижению влияния Макдоналдов, которые на протяжении всего существования Лордства Островов олицетворяли его силу и могущество. Некогда могущественное и независимое государственное объединение распадается на многочисленные кланы и ветви кланов, оспаривающие лидерство, что явилось основой межклановой борьбы и кровопролитий, развернувшихся в Хайленде в XVI столетии.

На смену Макдоналдам приходят графы Аргайлы, в течение XVI и первой половины XVII вв. сконцентрировавшие в своих руках земли, значительно превышавшие территории, подконтрольные Макдоналдам, и подчинившие себе кланы, проживающие на этих территориях. Своей цели Аргайлы добились путем заигрыва-

ния с одними вождями, политикой уничтожения непослушных кланов, а также посредством использования сеньориальных прав. В Северной Шотландии начиналась эпоха «беззакония и набегов», когда каждый клочок земли, поросшей бурой растительностью, был обогрен кровью соседних враждующих кланов.

Шотландская корона не создавала специальных отрядов, которые могли бы являться гарантом сохранения мира в Хайленде. В случае необходимости таким блюстителями порядка являлись знать и вожди, должны умирять наиболее непокорных. Однако эта же знать, известная как королевские Лейтенанты, использовала свои полномочия как для того, чтобы поддерживать интересы короны, так и в целях реализации своих собственных интересов, и от имени короны подчиняла неугодных себе соперников. На эти должности назначались представители двух кланов: на западе Хайленда это были могущественные графы Аргайлы, вожди клана Кемпбеллов, известные в горной Шотландии как *MacCailean Mor*, а в северо-восточной части Горной Шотландии это был граф Хантли, вождь Гордонов, или, как его еще называли, *Cock o' the North* (Северный Петух). Корона заигрывала с обоими, используя их друг против друга и производя постоянный передел земель, контроль над которыми они осуществляли в том случае, если власть одного из них чрезвычайно усиливалась. Значительная доля политического противостояния в Хайленде сформировалась на основе противоречий этих двух партий, называемых в горах Шотландии миротворцами, а жертвами «миротворческой» политики становились кланы, проживавшие на смежных землях.

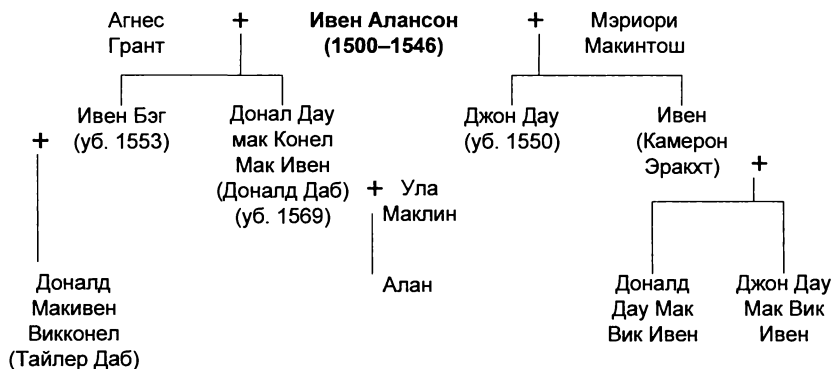
Камероны: история одного клана в «Век набегов»

В «Книге Судебных разбирательств Шотландии» под 27 сентября 1550 г. значится неприметная запись, каких на страницах, посвященных XV–XVI столетиям множество: «Урожденный Макдоналд Макивен Капитан Гленкамерон Доналд Макалан Макан и четырнадцать других совершили нападение и убийство Джона Рая Макалана Маккола или Стюарта и Джона Дау Макивена или Камерона»¹¹. И среди убийц и среди жертв числятся имена представителей одного из самых могущественных и воинственных кланов Горной Шотландии – клана Камеронов, олицетворявшего тот воинственный и непримиримый дух горцев Шотландии, что снискал им громкую славу воителей не только среди жителей Британских островов, но и других европейских народов. Один из убитых – Джон Дау Макивен Камерон – был сыном Ивена Алансона (1500–1546 гг.) – вождя, на время правления которого приходятся годы наивысшего расцвета клана, а сразу после его смерти наступает время, когда в результате целой серии загадочных убийств клан погрузился в пучину междоусобиц. Вскоре, став объектом притязаний со стороны враждебно настроенных соседей и короны, он был завоеван, а земли его отошли тем, кто так долго добивался смерти могущественного соседа.

Причины и мотивы серии убийств, потрясших Лохабер – самое сердце Горной Шотландии во второй половине XVI в., довольно трудно установить частично из-за того, что они не нашли

¹¹ Criminal Trails in Scotland / Ed. by R. Pitcairn. Edinb., 1883. Vol. 1. P. 355.

достаточного отражения в источниках, а большей частью из-за огромного количества слухов и сплетен, окружавших их и не позволяющих рассмотреть сквозь это марево легенд реальную историческую подоплеку тех событий (см. рис.).

Клан Камерон в XVI в.

Проблемы для Камеронов начались неожиданно, когда Колин, третий граф Аргайл, в 1517 г. был назначен Лейтенантом островов регентом Джоном герцогом Албанским, который правил в период малолетства короля Джеймса V. Примерно в это же время брат Аргайла, сэр Джон Кемпбелл Калдер, значительно усилил влияние Кэмпбэлов на западе и, в конце концов, получил грамоту на земли Локхил, которые до этого в 1461 г. были дарованы Лордом Островов Джоном в знак своего расположения Камеронам, и эта грамота была подтверждена Джеймсом IV в 1494 г. Камероны вместе со Стюартами Аппинскими, находившимися в подобной же ситуации, сопротивлялись силой оружия попыткам Калдера установить свой контроль над землями западнее Локхи, и после года-двух сопротивления Джон Калдер считал более целесообразным передать спорные земли своему брату, занимавшему государственную должность. В данных обстоятельствах Камероны сочли невозможным далее продолжать сопротивление, поскольку война с Аргайлом была равносильна войне с короной. Так, Аргайлы стали сеньорами Камеронов, хотя, поскольку не чувствовали в себе достаточно сил, не устанавливали силового контроля над своими новыми вассалами. В то же время Джон Кэмпбэл требовал компенсации за земли, переданные Аргайлу. Суд Лордов Королевства, удовлетворив его требование, передал ему часть земель Камеронов, оставив последним, учитывая их заслу-

ги перед короной столетней давности, когда в 1429 г. те стали на сторону короля против мятежного Лорда Островов Александра, земли, дарованные Джеймсом I Камеронам в вечное владение.

Однако через некоторое время удача поворачивается лицом к Камеронам. В 1527 или 1528 г. Джеймс V, правящий теперь страной самостоятельно, дарует Доналду Ивену Макалану грамоту на спорные земли Гленлой и Локхаркаг, принадлежавшие ранее Макинтошам. На первых порах, правда, Камерон должен был быть лишь юридическим держателем вновь приобретенных земель¹². Макинтоши тем временем могли лишь в который раз утешаться мыслями о возмездии.

Ивен Макалан стал тем вождем, при котором фортуна начинает благоволить Камеронам. Он, Доналд Ивен Алансон, родился и был признан в качестве наследника в 1500 г. В двадцать лет он женился на Агнес Грант, выполнив, таким образом, условия брачного контракта, заключенного отцом. Согласно неписаному закону Хайленда, независимо от того была ли свадьба освящена церковью или нет, брак считался состоявшимся лишь в том случае, если по истечении года и одного дня в семье рождался наследник мужского пола.

Очевидно, что все необходимые условия были соблюдены и Ивен Бэг, занявший после казни своего отца в 1546 г. место кланового вождя, упоминается в документах под 1545 г. как сын Доналда Эвансона и прямой наследник Ивена Алансона.

Примерно в это же время Ивен получает конфирмационную грамоту на земли Локхил и Росшир, Локхалш и Локхаррон, объединенные в три баронства Локхил. В этом случае феодальные владения как бы совместились с владениями кланово-патриархальными. Тремя годами позже ему была пожалована королевская грамота на земли Инверлоха, где он получал право «построить дом с залой, кухней, кабинетами, комнатой для детей, фруктовым садом и парком, изгородями и другими необходимыми приспособлениями в соответствии с особенностями земли». Кроме того, особым пунктом оговаривалась обязанность Ивена «поддерживать порядок» на полученных землях. Ивен построил дом не на этих землях, а неподалеку, там, где до этого в течение многих десятилетий находилось укрепленное сооружение, принадлежав-

¹² Grant of Lands in Lochaber, Kishorn, Lochalsh and Lochcarron to Ewen Macallan // John Stewart of Ardvorlich. The Camerons. A History of clan Cameron. Sterling, 1974. P. 23.

шее, очевидно, бывшим хозяевам – Лордам Островов Макдоналдам. Новый замок был назван, как и прежний форт, – Торкасл (Torcastle). Возможно, еще в XIV в. им владел Алистер Макдоналд, а позже какое-то время и Макинтош, укрепивший его рвом – tor, отсюда и название замка. Земли Макинтошей располагались в непосредственной близости от территории Камеронов, а покровителем их был сам герцог Хантли. Значит, вражда с Макинтошами неизменно обозначала конфликт с могущественным Хантли. Конформационная грамота, полученная Ивеном, вновь и вновь сталкивала интересы заклятых врагов, обреченных на постоянное соседство, – Камеронов и Макинтошей. Успехи одних неизменно оборачивались потерями для других. Вождь Макинтошей пытался воплотить в реальность свои планы о возмездии, совершая набеги на соседние территории, и в результате графу Сюзерленду лорду Форбер и Лават вместе с капитаном клана Камерон был выдан мандат на истребление соперников. Макинтоши были разгромлены, а женщины и дети были посажены на корабль и отправлены в Норвегию¹³.

Однако Западный Хайленд в это время живет не только войной. В 1532 г. Ивеном Алансоном была выписана сумма за снабжение лесом и другими материалами для артиллерии и подвоз всего этого товара к шхуне. Годом раньше мастеру Андро Райту, шкиперу корабля из Кинхорна была уплачена сумма за доставку лесоматериала для изготовления оружия. В марте 1538 г. двум корабельщикам из Дэнби было оплачена фрахтовка двух кораблей, которые должны были привезти в Лохабер лес для строительства галер.

У Ивена был сын Доналд, получивший от своего друга Георга Гордона, четвертого графа Хантли, в вечное владение «60-пенсовые земли в Киндарте и 10 мерк земли в Гленневисе»¹⁴. В этой грамоте Доналд зовется «Достопочтенный Доналд Камерон Алансон или Макалан Локхил»¹⁵. Доналд умер в 1537 г. Безутешный отец отправляется в паломничество в Рим, однако, прибыв в Голландию и почувствовав там, что силы оставляют его, решил отправить вместо себя в Италию своего духовника Макфайла. Тот, получив аудиенцию Папы, вернулся в Шотландию и передал Ивену наказ понтифика, что во имя спасения души Доналда

¹³ John Stewart of Ardvorlich. The Camerons. A History of clan Cameron. Sterling, 1974. P. 24.

¹⁴ Ibid. P. 267.

¹⁵ Ibid. P. 25.

необходимо возвести шесть часовен, которые и были построены во владениях Камеронов.

Со смертью малолетнего наследника Ивена связана еще одна примечательная и жуткая история. Чрезвычайно тяжело переживая смерть сына, воспринимая ее как расплату за все свои злодеяния и прегрешения, совершенные в жизни, и пытаясь постичь причину своей жизненной трагедии, Ивен приглашает к себе ведьму Мой, известную в округе прорицательницу и целительницу. Колдунья приказала ему прийти в полночь на развалины Тай Гарма, старого дома в холмах Инверлокха, где пообещала открыть ему тайну спасения его души. Епитимья Ивена состояла в том, что он должен был прийти на луг, называемый Dail a'chait, построить там хижину, развести в ней огонь и, проткнув принесенного с собой кота шестом, держать его над огнем до тех пор, пока не почувствует, что все темные силы, которыми он одержим, испарились из его души. После этого все его грехи будут прощены. Желание Ивена избавиться от грехов было столь велико, что он истрепил всех котов в округе, и животные бежали прочь, лишь заслышав человеческий голос.

В год смерти сына Ивен получил от короля грамоту, согласно которой все земли Локхила переходили в наследственное пользование его и наследников. Этот шаг короны, очевидно, возбудил зависть соседей, и с того года начинается вражда Камеронов и Доналдов, с одной стороны, и Фрэйзеров и Грантов – с другой. Одна из стычек между враждующими сторонами произошла в 1544 г. и получила название «Битва Рубах», поскольку бой происходил в жаркий летний день, и его участники сражались в одних лишь рубахах. Победив в этом сражении, Камероны совершают набеги на богатые земли Фрэйзеров и Грантов. В документах Грантов отражены потери от этих нападений, согласно их сведениям Гранты лишились 200 боллов овса, 100 боллов ягод, 100 коров, 40 из них молочных, 100 телят, 10 годовалых бычков, 4 молодых лошадей, 149 овец. Кроме того, из владений Грантов был вывезен ящик, содержащий 300 фунтов монет, а также 20 артиллерийских снарядов. Хантли как Лейтенант территорий, на которые были совершены набеги, настаивал на жестком наказании для Камеронов и Доналдов и их капитанов. Мнение Хантли было решительно поддержано Макинтошами. Однако после казни Ивена Камерона, совершенной по приговору Суда Лордов в 1546 г., Чаттаны недолго оставались в фаворе и были наказаны за выступления против Хантли.

О казни Ивена известно чрезвычайно мало. Одно из немногих свидетельств умоинает лишь приблизительную дату – октябрь 1546 г. (Register of Retours, Inverness, 6th Dec., 1608). Можно только предполагать, что, находясь на пике своей славы и могущества, клан переступил границу интересов более могущественных соседей либо тех, кому покровительствовали влиятельные силы. Учитывая то, что за несколько месяцев до казни произошел конфликт с Грантами, последние представляются наиболее вероятной причиной смерти Ивена Камерона.

Ко времени его смерти Камероны являлись влиятельнейшим и признанным кланом Западного Хайленда и многие более мелкие рода, такие как Макмартинсы, Макгилонсы, Максорлисы, были включены в состав этого родового организма. А такие кланы, как Макмилансы, Макфизы и Макфайлисы, время от времени селились на землях Камеронов¹⁶. Все эти кланы подчинялись капитану клана Камерон и по первому зову его рожка собирались в условленном месте.

Ивен был женат дважды. От брака с Агнес Грант у него осталось два сына Ивен Бэг, унаследовавший власть в клане после казни своего отца, и Доналд Дау Мак Конел Мак Ивен. Однако после того как умерла первая жена Ивена, он женился на Мэри-ори, дочери Лакхлана Макинтоша и сестре Уильяма, тринадцатого вождя клана. Очевидно, к этому времени вражда между кланами поутихла, и вожди надеялись достичь мира таким матримонимальным союзом. От этого брака родилось два сына – Джон Дау, упоминаемый в документах под 1545 г. как сын Ивена Алансона, и Ивен, о котором известно еще меньше – он носил имя отца и среди родственников был известен как «Слайогд Йогхен Мик Йогхен», или Камерон Эракхт. Согласно традиции, именно эти два брата оспорили право Ивена Бэга, которому перешла власть в клане после смерти отца, что и явилось причиной нового этапа кровавого противостояния в Горной Шотландии.

Правление старшего из сыновей Ивена Алансона было недолгим – он был убит в 1553 г. Но в годы своего правления он должен был решить сложнейшую проблему – обеспечить передачу власти наследникам своей ветви клана.

Шотландские кланы представляли собой социальные организмы, включавшие представителей нескольких поколений и семей.

¹⁶ John Stewart of Ardvorlich. Op. cit. P. 31.

На завоеванных территориях часто образовывались ветви кланов, находившиеся под управлением одного из сыновей или родственников вождя, часто оспаривавшего лидерство в родовом организме. Случалось и так, что незаконнорожденные дети вождя, претендуя на вождество, основывали клановые ветви, давая им собственные имена. Такое «ветвление» клановых организмов, неизбежное в условиях господства патриархального права, вступающего в конфликт с насаждаемыми сеньориальными отношениями, являясь характерной чертой общественных отношений в Хайленде XVI в., порождало особые противоречия внутри кланов. С такими сложностями столкнулся и наследник Ивена Алансона – Ивен Бэг. Убийство 1550 г., открывшее череду кровопролитий внутри клана Камеронов, было попыткой решения этой проблемы. Жертвой стал старший сын Ивена Алансона от второго брака Джон Дау, пытавшийся оспорить право Ивена Бэга на вождество в клане и основавший ветвь Камеронов Кинлокхелов. Смерть самого Ивена Бэга при невыясненных обстоятельствах тремя годами позже продемонстрировала, что потомки боковой ветки Камеронов не готовы мириться с потерей власти. Но до поры их попытки были тщетны.

После смерти старшего из сыновей Ивена Алансона власть в клане перешла его второму сыну от первого брака Доналду Дау, известному как Доналд Даб. Но в 1564 г. он вместе с Джоном Грантом Фреочи был заточен в тюрьму в Эдинбурге, а его клан объявлен вне закона. Очевидно, в период его заточения его сводные братья Доналд Дау Мак Вик Ивен и Джон Дау Мак Вик Ивен, сыновья Ивена Эракхта, воспользовавшись его отсутствием, решили захватить вождество в клане, возможно, заодно они рассчитывали разорить и земли Гранта, поскольку три года спустя, в 1567 г., лэрд Грант обратился за помощью против «Клан-камрона и Кланраналда», пытавшихся разграбить Уркхарт и Гленмористон. В 1569 г. по выходу из тюрьмы Доналд Даб был убит Джоном Дау Мак Вик Ивеном. А вскоре от руки этого же убийцы пал и его родной брат – Доналд Дау Мак Вик Ивен.

И хотя некоторые современники тех событий утверждали, что Доналд Даб стал жертвой покушения нескольких своих же клансменов, тот факт, что в предшествующий период он активно враждовал с Камеронами Гленневисскими, которые использовали потомков Ивена Эракхта как орудие для достижения собственных интересов мести, свидетельствует, что месть внуков Ивена Алансона достигла своей цели.

Со смертью Доналда Даба клан погрузился в период безвластия, продолжавшийся в течение восьми лет, оказав непосредственное влияние на события последующего столетия.

Очевидно, Ивен Эракхт, самый младший из сыновей Ивена Алансона, к этому времени был уже стар и не мог помешать кровопролитию между своими сыновьями. Традиционно принято считать, что Ивен Эракхт был убит Доналдом Макивном Викконелом, более известным как Тайлер Даб, который, будучи сыном Ивена Бэга, отомстил за смерть своего отца, произошедшую, как он считал, из-за подстрекательств Эракхтов. Хотя следует заметить, что ряд свидетельств указывает на Доналда, старшего сына убитого вождя, называя его виновником кровопролития. Это, думается, маловероятно, поскольку очевидных мотивов для такого убийства не было, да и большая часть источников указывает на Тайлера Даба.

В 1572 г. по требованию Джона Дау Макивена, по подозрению в убийстве его брата, Доналда Дау Макивена, были арестованы несколько приятелей Доналда Макивена Викконела во главе с Ивеном Маканом¹⁷. После этого убийства у Доналда Дау остался сын и наследник в период малолетства которого, по некоторым сведениям, его опекуном был назначен дядька – Джон Дау. Однако при таком количестве «Джонов Дау», фигурирующих в этой истории, решить наверняка проблему опекуна над малолетним Аланом представлялось невозможным.

Еще одна загадка этой истории – мотивы всех убийств. В убийстве Доналда Даба возможны, как представляется, три причины. Во-первых, Эракхт хотел получить вождество в клане. Поэтому руками своего сына Джона Дау Мак Вик Ивена и убивает соперника, строя, возможно, планы лишения жизни его наследника Алана. Во-вторых, представляется вполне вероятным, что за этим убийством стоит фигура Уильяма Макинтоша – вождя могущественнейшего в том регионе Хайленда, вождя, оспаривавшего у Камеронов земли Гленлой и Локхарг. Будучи заинтересованным в присоединении указанных территорий, он руками своего зятя устраняет противника. Возможен и третий вариант. Вероятно, что Эракхт считал себя жертвой обмана со стороны Локхилов, основывая свои претензии на том, что брак Ивена Алансона и Агнес Грант был недействителен, а Доналд, соответственно, являлся незаконнорожденным. Вероятно, что, согласно христианскому пра-

¹⁷ Criminal Trails in Scotland. P. 33.

ву, этот брак, действительно, не мог считаться состоявшимся, поскольку не был скреплен церковью, представитель которой так и не благословил его, однако с точки зрения родового права все законы были соблюдены. Столкновение двух правовых систем, патриархальной и феодальной, становилось причиной многочисленных споров о наследовании земли, имущества, права вожества, приводя к жесточайшим кровавым столкновениям.

Но даже несмотря на это, факт бастардства Доналда Дау представляется весьма сомнительным по следующим причинам. Крайне сложно представить, что весь клан поддержал Доналда или его сына Алана в праве наследования права вожества, будь он незаконнорожденным. Тайлер Даб, сын Ивена Бэга, в этом случае становился бы безусловным претендентом на наследование титула вождя, тем более, что он был человеком, доказавшим свои способности военачальника и доблестный характер. Кроме того, женой Доналда Дау была Ула, дочь Гектора Мора Маклина Дурта, и сложно представить, что столь могущественный вождь отдал бы одну из своих дочерей за незаконнорожденного младшего сына кланового вождя.

Очевидно, мы должны помнить и том, что идея бастардства проходит через всю эпоху средневековья, являясь одним из самых распространенных орудий в политическом противостоянии различных партий. Возможно, в данной истории мы имеем дело как раз с таким приемом политической борьбы. Осознавая, что наследник Доналда Дау не будет в безопасности до тех пор, пока не достигнет совершеннолетия и станет вождем клана, родственники отослали Алана в клан его деда по материнской линии.

То, что клан в этот период находился в состоянии хаоса, свидетельствует соглашение, подписанное между несколькими его представителями. Доналд Макалан Макивен из Манора, Джон Макалан Макан и другие в 1570 г. заключают договор о взаимной поддержке до тех пор, пока в Лохабере не появится законный вождь, наставник или правитель, которому все они могли бы полностью доверять¹⁸.

Это соглашение оказывало благоприятное воздействие на ситуацию в Лохабере вплоть до 1577 г., когда Алан, сын Доналда Дау, будучи уже, очевидно, в дееспособном возрасте, был поддержан ло-

¹⁸ Contract between Donald McCallan McEwin and John McCallan McAne and others. 1570 4-th April // John Stewart of Ardvorlich. The Camerons. A History of clan Cameron. Sterling, 1974. P. 279.

альной ему частью клана в его претензиях на возврат «правления в Лохабере». В соглашении о примирении, которое было тогда заключено между ним и Макинтошем, Алан упоминается как капитан клана Камерон и обязывается не преследовать ряд некрупных, очевидно, относящихся к так называемым «разбитым кланам» родов, находящихся под покровительством Макинтошей. В этом же документе сыновьям Джона Дау давалось право на владение землей. Подписан договор был «Аланом Камроном, Лэрдом Локхила». Таким образом, юный Алан становится во главе клана или, по крайней мере, той его части, которая поддерживала его претензии на лидерство начиная еще с 1569 г., когда был убит его отец.

В том же 1577 г. вновь всплывает убийство Доналда Дау Макивна. Алистер Дау Макалан Макивен и его брат, одноглазый Джон Ком, были заключены в тюрьму за различные преступления графом Атолом. Над ними было учинено следствие, на котором интересы подсудимых представлял их дядя Ивен Макан, капитан Инверлох. Оба обвиняемых были признаны виновными в убийстве Доналда Дау Макивена, но были выкуплены у графа Атола Аргайлом, являвшимся королевским Лейтенантом в Западном Хайленде, заплатившим в качестве отступной тысячу мерк и показавшим себя сторонником Локхилов.

В том же 1577 г. был составлен договор в Мариетте – своеобразное обязательство Аргайлу, данное от имени «Доналда Макдонала», иначе Тайлера Даба и Джона Дау Макивена, являвшихся до тех пор заклятыми врагами. Что могло их объединить в этой присяге одному человеку? Возможно, что Аргайл, будучи наместником шотландской короны в той части Хайленда, просто потребовал подобных обязательств, дабы сохранить мир. Кроме того, вероятно, что эти двое могли объединиться, принеся присягу Лейтенанту в целях создания союза против Алана Макконела. Ситуация вскоре была осложнена и тем, что в результате интриг Аргайла в 1585 г. был казнен Джон Камерон Кинлокхил, сын Джона Дау Макивена, убитого Ивеном Бэгом в 1550 г.

О роли, которую во всех этих событиях сыграл Тайлер Даб, один из двух, наряду с Джоном Дау Мак Вик Ивеном, оставшихся в живых к этому времени виновников кровопролития тех лет, можно только догадываться. Представляется вполне вероятным, что, пользуясь авторитетом в клане, он мог в годы малолетства Алана отстаивать его интересы и даже спасти клан от притязаний Эракхтов. Однако столь же вероятно, что после такого своеобразного периода «регентства» Тайлер Даб, возжелав власти, заклю-

чил с последним соглашение. Как бы то ни было к концу 70-х гг. XVI столетия Доналд Макивен находился в оппозиции Алану, и вскоре после заключения договора в Мариетте между Тайлером Дабом и Макинтошем было составлено соглашение, по которому последний передавал в качестве держания Вик Конелу половину своих земель в Гленлой и Локхаркаге. По некоторым сведениям, подтвердить которые чрезвычайно сложно, Алан убил Тайлера Даба. Согласно другим версиям, Алан заставил своего соперника покинуть Лохабер, где столкнулись их интересы, и тот основал новую ветвь клана – Камеронов Ковалов, известных как Макинтайлеры, или просто Тайлеры. Характерно, что в противостоянии Алана и Тайлера последнего поддержал и Аргайл, испугавшийся, очевидно, усиления в регионе позиций Локхилов, которых он еще совсем недавно поддерживал. Роль противовеса, должного не допустить усиления какой-либо из сторон, ему чрезвычайно удалась.

Начало 90-х гг. XVI в. – это время обострения борьбы Камеронов и Макинтошей. В 1590 г. Алан заключает союз с лордом Хантли и вторгается в пределы земель Макинтошей и Грантов. В результате этого набега был убит 41 человек из клана Макинтошей и 23 крестьянина Грантов. Со стороны Камеронов был убит один человек. Помимо этого, к приобретениям Камеронов можно отнести то, что они получили крепость в центре земель Макинтошей.

Однако в 1597 г. правительство издает указ, согласно которому вожди и капитаны кланов были обязаны явиться в Эдинбург для подтверждения права владения своими землями. Алан, понимая, чем это может ему грозить, предпочитает не ехать в столицу, а заняться укреплением владений, дарованных ему лордом Хантли.

Помимо этого, Алан оказывается втянутым в конфликт на западных границах своих владений, где был убит представитель Макянов, обрученный с его дочерью. Убийца нашел убежище у Макнилов, но вскоре был убит Макдоналдами, отстаивавшими честь своих давних соратников. Маклины выступили инициаторами судебного процесса, и в результате земли Камеронов в Локхил перешли судье Александру Хай, который передал их Гектору Маклину. Но хотя Алан и утратил право на землю, он не лишился верности людей, проживавших на его землях. Это была потеря феодальная, но не поражение патриархальное. Маклин продал свои права на Локхил Аргайлу за 4 тысячи 100 мерк, в результате чего последний окончательно утвердился на землях, формально ему принадлежавших с 1522 г. Однако такое усиление Кэмпбэлов при-

шлось не по душе лорду Хантли, и он поднимает восстание, активное участие в котором принимают Камероны.

Правительство сделало все, чтобы подавить это восстание, и обнародовало грамоту, согласно которой Камероны объявлялись вне закона. За голову капитана клана объявлялась награда в 1000 фунтов, жизнь же его сторонников была оценена в пятьсот фунтов. Земли к западу от Локхи, некогда принадлежавшие им, были поделены между Гордонами, Хантли и Макинтошами. Все мужчины последних от шестнадцати до шестидесяти лет, согласно королевскому декрету, должны были вооружиться и преследовать своих кровных врагов, воплощая тем самым в реальность давнюю мечту о возмездии и символизируя одновременно тот факт, что патриархальные законы мести все еще торжествуют в западной части Хайленда над феодальными правами и используются сеньорами для реализации своих политических интересов.

История клана Камеронов несколько противоречива. С одной стороны, само месторасположение клана в районе Лохабер – сердце горной Шотландии, где сходились интересы, экономические, политические, геополитические, большинства субъектов взаимоотношений не только Хайленда, но и всей Шотландии – делает его несколько необычным кланом, которому пришлось испытать на себе все противоречия, характерные для королевства. И немного можно привести примеров столь насыщенной политической биографии родового организма¹⁹.

Очевидно, именно поэтому политическая история клана нашла довольно полное отражение в исторических источниках. Хотя и по крупницам, но документальные свидетельства дают возможность шаг за шагом восстановить историю вражды тех дней, умолкая зачастую там, где должны прийти на помощь нарративные источники. Таковых, к сожалению, практически нет. В XIX в., когда историописание в Шотландии приняло форму издания клановых историй и в свет вышли многочисленные и объемные истории кланов Фрезеров, Грантов, Макдоналдов и т.д., авторами которых, как правило, были представители самих же исследуемых родовых объединений, Камеронам не посчастливилось. То ли потому, что фортуна благоволила этому клану слишком недолго и он не успел оказать выдающегося влияния на развитие региона и тем не вписал свое

¹⁹ *Апрыщенко В.Ю.* Ивен Алансон Камерон и его потомки: обычные вожди необычного клана // *Человек второго плана в истории.* Ростов н/Д, 2005. Вып. 2.

имя в число выдающихся, то ли потому, что и в те недолгие годы, и потом, когда слава его уже неминуемо шла к закату, это клан был постоянным источником конфликтов и его члены из раза в раз оказывались в рядах оппозиции власти. Так случилось в XVI в., когда Камероны противились попыткам «цивилизования» горских районов страны – политике, проводимой Джеймсом VI; то же повторилось и на рубеже XVII–XVIII вв., когда в стране формировалось «общественное мнение» в преддверии готовящейся Унии парламентов; таким же было отношение Камеронов в годы якобитского движения первой половины XVIII в. и особенно Великого Восстания 1745 г. Именно Камероны до конца оставались верными и идее лояльности Стюартам, и независимости Шотландии от притязаний Британской короны. История показала, что лишь немногие, даже горские кланы, столь последовательно отстаивали идею шотландской независимости. Неминуемо они должны были оказаться в лагере «проигравших», а потому их судьбы лишь фрагментарно отражены в источниках. История любит и хранит имена победителей.

В то же время социальные реалии, свойственные для Камеронов, не были чем-то выдающимся, и это делает их типичным кланом Горной Шотландии. И они постоянно сталкивались со многими проблемами, характерными для региона в целом. И ветвление клановых организмов (то, что некоторые этнологи называют сегментацией), и, как следствие, вражда между отдельными ветвями, осложнявшая внутриклановые отношения и приводившая к борьбе за власть; и конфликты между Аргайлами и Хантли за так называемые спорные территории, приводившие к тому, что кланы, проживающие на этих землях, становились жертвами то одной, то другой стороны, каждая из которых пыталась поместить на искомые земли верных себе сторонников; и столкновения Камеронов и Макинтошей, обусловленные тем, что оба клана вынуждены были покидать исторически сложившиеся территории их расселения и осваивать земли своих противников; и политика короны, не оставшейся в стороне от ситуации в горах и пытавшейся, не давая усилиться ни Аргайлам, ни Хантли, самостоятельно контролировать ситуацию, поддерживая одни кланы против других; и, наконец, политика клановых вождей, пытавшихся оказывать покровительство так называемым «brokin-men» – выходцам из уже уничтоженных кланов, а также покровительствовать мелким кланам взамен на военную службу и территории – все эти процессы особенно обострились в XVI в., когда власть в клане находилась в руках Ивена Камерона и его потомков, которым, как и многим другим

кланам, в полной степени пришлось на себе испытать «век беззакония». И в выработке «стратегии» поведения они оказывались, с одной стороны, детерминированы общественными структурами, а с другой – та система, которая существовала в Хайленде, была очень подвижной, и нельзя, очевидно, объяснить деятельность кланов и их вождей, лишь используя категорию «запрограммированности» поведения. Они всегда находились в состоянии выбора.

История клана Камеронов свидетельствует, что именно непосредственность нормативных систем и, следовательно, фрагментарность, противоречивость, плюрализм точек зрения, которые любую систему делают подвижной, открытой определяли развитие Горной Шотландии, поэтому изменения и динамика функционирования как отдельных кланов, так и региона в целом происходили благодаря стратегии и выбору, сделанному огромным числом «маленьких людей», что становилось возможным вследствие характера самих некогерентных нормативных систем, сочетающих порой весьма противоречивые ценности и установки.

Пример клана Камеронов, как мы уже заметили, являет собой свидетельство всех основных групп противоречий, характерных для Хайленда.

Во-первых, это конфликты между крупными кланами из-за обюдных их претензий на определенные территории. Подобные столкновения имели в своей основе как экономические интересы, так и геополитические, поскольку сам факт владения землей обуславливал место клана в рамках социума. История взаимоотношений Камеронов и Макинтошей – пример этих противоречий. Клань не рассматривали себя вне территории, на которой они проживали и с которой были связаны исторически. В этом смысле не клань владели землей, а земля – клань, поскольку, утратив ареал обитания, родовые организмы утрачивали право на само существование.

Во-вторых, конфликты в рамках отдельных кланов, между ветвями и их лидерами, вызванные, главным образом, политическим фактором и претензиями на главенство в клане. Формирование этой группы противоречий было вызвано изменением условий жизнедеятельности Хайленда, который, привлекая внимание шотландской короны, все более становился объектом эдинбургской политики.

Наконец, третья группа противоречий была связана с политикой короны в Хайленде, стремившейся сохранить *status quo* в регионе, не давая усилиться отдельным кланам. На этой третьей группе противоречий мы остановимся более подробно далее, по-

скольку вопрос о роли политики шотландских монархов, являвшейся, своего рода, катализатором общественных процессов в Хайленде, требует более пристального внимания.

Однако политика территориальной экспансии не только формировала основные группы противоречий в Горной Шотландии, но и способствовала динамизму общественной системы, которая вынуждена была приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям клановой географии. Многие кланы, в течение долгих лет проводившие политику набегов и расширявшие свои территории, неизменно сталкивались с проблемой управления новыми землями. В XVI в. проблема решалась предоставлением завоеванной земли членам семьи вождя, которые тоже носили его имя. В результате этого связи вождя распространялись в зависимости от расширения клановых территорий, что приводило к появлению новых ветвей клана, и на новых землях образовывались своеобразные их «филиалы». Такая ветвь, а не клан в целом, может быть, вероятно, определена как кровно-родственная община, члены которой вели общее хозяйство и составляли часть обширного кланового организма. Как представляется, в рамках Хайленда можно выделить следующие основные социальные общности.

Во-первых, это собственно кланы, занимающие обширные территории, причем подобного расширения земель нельзя было достигнуть только завоеванием. Очевидно, нужна была более тонкая политика: иногда прибегали к завоеванию, иногда – к межклановым бракам, иногда – в результате пожалований короны утверждались кланы на новых землях. Территории подобных объединений располагались не обязательно локально, но среди них можно выделить некое ядро, то есть земли, неизменно принадлежащие какому-либо клану, что, как правило, фиксируется в топонимах. На карте Хайленда ряд кланов (Макдонеллы, Фрэзэры и др.) расположен в разных местах. Клан Доналдов имел 17 ветвей²⁰, являвших собой пример второго уровня родовой структуры, развитие которой было ограничено имеющимися в распоряжении всего клана землями. Изучая ее, мы находим здесь многие черты если не рода, то, по крайней мере, кровно-родственной общины, поскольку общность производства и потребления была характерной чертой подобных групп. Перспектива экспансии со стороны таких общностей была ограничена, поскольку они находились под влия-

²⁰ Whyte I.D. Scotland before the Industrial Revolution. L., 1995. P. 256.

нием, с одной стороны, и под защитой – с другой, более крупных общностей и, следовательно, могли выступать лишь как подразделение клана. Однако в то время как кланы имели тенденцию к разделению, более мелкие родовые общности как раз и появлялись в результате такого распада. В подобной ситуации женщины выходили замуж внутри общины, в то время как мужчины, наоборот, стремились брать жен из других – подобное обстоятельство позволяло сохранять земли, а при удачном браке даже расширять территорию. Основное различие этих двух уровней блестяще, на наш взгляд, сформулировано М.М. Ковалевским. По его мнению, если экономическую основу клана составляла общность владения, то хозяйственным базисом общины (Ковалевский рассматривает кровно-родственную или семейную общину) была общность труда и, значит, общность потребления²¹. Кроме того, существует еще одно немаловажное различие, касающееся происхождения и счета родства в рамках общины и клана, которое в самом общем виде может быть сформулировано следующим образом. Если мы говорим о клане, то в нем мы имеем дело с мифическим либо иногда историческим родоначальником, в то время как в общине существовал реальный предок (выделено нами. – В.А.), которого, возможно, могли помнить или, по крайней мере, иметь о нем достоверные сведения, живущие еще члены общины.

Такая ветвь состояла из семей, члены которых вели свое собственное хозяйство, подчиняясь главе клана и в случае необходимости будучи готовыми по первому зову его рожка встать на защиту интересов клана. Именно эти домохозяйства являлись еще и основными производителями сельхозпродуктов, неся определенные виды ренты, о которых речь идет в другой части работы. Этот уровень социальной структуры был связан и с наследственным хозяйственным статусом в своей основе, как правило, имеющем род профессиональных занятий. Внутри многих кланов существовали семьи наследственных трубачей, арфистов, бардов, кузнецов, оружейников и т.д., чье ремесло передавалось из поколения в поколение и ревностно охранялось.

Очевидно, что ни этот третий уровень, представляющий собой все же семью, являющуюся частью общины, ни первый, хотя и ведущий свое происхождение от общего предка, но не ставший локальным поселением и, следовательно, не представляющий со-

²¹ Ковалевский М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905. С. 57.

бой производственной единицы, не является родом и даже кровно-родственной общиной. Скорее всего, средний уровень этой структуры, так называемые *селты*, представляющие собой эндогамный коллектив родственников, объединенных общностью происхождения, проживающих на одной территории и являющихся единым хозяйственным организмом, и есть кровно-родственная община, то, что чаще называют родом. Именно существование подобных «ветвей», возникавших в результате военных действий с захватом новых территорий, является одной из особенностей хайлендерского клана, однако уникальность ее не стоит абсолютизировать, поскольку подобная многоступенчатая социальная структура находит свои параллели и в некоторых других регионах.

Аналогичной была и общественная структура южных славян, описанная М.М. Ковалевским, включавшая в себя три основных элемента. Во-первых, это семейная община у разных народов называлась по-разному (у сербов – задруга, у хорватов – скупщина, у герцеговинцев – дом). Во-вторых, это собственно род, называемый чаще братством, в рамках которого можно выделить три группы отношений. Первое: братство – это личный союз, второе: братство – это объединение кровных родственников, и третье: братство – это территориальное объединение. И, наконец, последний элемент общественного строя южных славян – племя, представляющее собой разветвленный и усложнившийся род, «разветвившееся на колена братство». При этом, по мнению М. Ковалевского, численный состав племени может колебаться от 30–50 до 700–800 членов²². Очевидно, что место греческой фратрии и племени, описанного у М. Ковалевского, в Хайленде занимает клан. Однако следует помнить, что разделение клана на ветви вовсе не обязательно, и в этом случае понятие «клан» действительно становится синонимом кровно-родственной общины.

Все описанные изменения, связанные с трансформацией клановой географии, в общественной структуре горского общества Шотландии происходят в XVI–XVII вв. – в период, когда идет ломка устоявшихся социальных институтов и формируются основы будущей модернизации. Долгое время общественные отношения в Хайленде строились по традиционной схеме «вождь – клансмены», однако XVI в. внес свои изменения, и социальная структура общества начинает меняться в сторону усложнения и расширения.

²² Ковалевский М. Указ. соч. С. 21.

«Гэльский феодализм» и начало социальной трансформации

Активная военная деятельность, связанная с межклановой враждой, со стремлением отстоять собственные земли, а также с экспедициями на территорию равнинной Шотландии способствовала формированию особого слоя клансменов, специализирующихся исключительно на военных предприятиях. В состав этой группы хайлендеров входили те представители кланов, которые были наиболее удачливы и боеспособны, а также члены так называемых «*broken clans*», то есть разбитых, потерпевших поражение кланов. Эти люди (*broken men*) принимались в состав клана при условии выполнения двух условий. Во-первых, они обязаны были принять имя клана, тем самым увеличивая состав его и численность воинов, причем в некоторых случаях за это даже выплачивалось вознаграждение²³, а во-вторых, они участвовали во всех клановых экспедициях. Как представляется, в условия хайлендерского малоземелья в состав родового организма могли быть интегрированы лишь те, кто был способен принимать участие в военной деятельности клана. Подобный механизм адаптации практиковался во многих общественных системах традиционного общества. Родовые организмы могли включать до четверти чужеродных элементов, тем самым расширяя свою социальную основу и увеличивая военную мощь.

²³ Bingham C. Beyond the Highland Line. Highland History and Culture. L., 1995. P. 96.

Помимо этого, численный состав воинов расширялся за счет вновь присоединенных земель, как завоеванных кланов, так и вошедших под покровительство своих более мощных соседей.

Вновь включенные в состав родового организма воины, будучи связаны с вождем уже не родственными узами, а отношениями личной преданности и пользуясь его покровительством, становились таксменами, представляя, по мнению Уайта, своеобразное «клановое джентри», основным источником существования которого были походы и участие в механизме престижной экономики. Причем шотландский историк акцентирует внимание на том, что они владели землей на наследственной основе с несением военной службы и выплатой ренты²⁴. Признавая наследственный характер земельного владения землей, следует, правда, учитывать, что она *de jure* продолжала считаться собственностью клана и вплоть до середины XVIII в. свободное распоряжение ею было невозможно. Понятие «джентри», довольно часто встречающееся в трудах шотландских исследователей данного периода, следует трактовать как особую категорию, возникающую в любом маргинальном обществе, то есть переживающем ломку общественной системы и характеризующемся появлением новых социальных групп.

Представители этой своеобразной социальной прослойки, принимавшие наиболее активное участие в процессе редистрибутивного обмена, вместе с вождем осуществлявшие функцию регулятора в процессе престижного обмена и контролирующие ресурсы клана, обладали многими поведенческими характеристиками, присущими рыцарскому сословию эпохи классического средневековья. Постоянная забота о собственном боевом престиже, дух соперничества, мужество, наряду со мстительностью и жестокостью – все эти черты являлись неотъемлемой особенностью рыцарского этоса, они же получили, в той или иной степени, распространение в среде хайлендерских таксменов. Характерно, что уже в этот период формируется то, что польская исследовательница М. Оссовская называет «классовым братством»²⁵, то есть идет процесс своеобразной консолидации правящей элиты кла-

²⁴ Whyte I.D. Op. cit. P. 341.

²⁵ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987. С. 85.

нов на уровне хайлендерского социума, что находило выражение, в частности, в престижных пирах, являвшихся одной из форм горизонтальной редистрибуции.

Этот же слой стал и той социальной базой, в рамках которой были заложены и основы модернизации. Таксмены, которые, сохраняя кровные узы с клановыми вождями, в XVII–XVIII вв. арендовали у них земли в обмен на обязанности военной службы и лояльности, что было чрезвычайно важно в условиях политической нестабильности в горах, постоянной войны между родами и восстаний горцев, затем полученные земли сдавали в субаренду уже крестьянам, которые несли натуральные ренты и повинности и составляли основу воинского ополчения клана. Вождям клана подобная система, помимо обеспечения военной стабильности, давала еще и возможность, сосредоточив и сохранив в своих руках значительные ресурсы, налаживать экспорт сельхозпродукции в Англию.

В этой связи те изменения, которые начиная с 30-х гг. XVIII в. стали происходить в положении таксменов, непосредственным образом сказались на динамике всей социальной структуры общества. Политика умиротворения Хайленда, ужесточение которой приходилось именно на вторую четверть XVIII в., приводила вождей к осознанию того факта, что в таксменах как в военной прослойке уже нет необходимости, а их редистрибутивная функция может быть передана непосредственно вождю клана – процесс, в перспективе приведший к разрушению традиционной структуры кланового организма.

На смену древним институтам приходят новые рычаги влияния и управления, связанные с утверждением системы патронажа, которая заимствовала исконно-гэльскую традицию покровительства лидера определенной территории и населению, проживающему на ней. С 40-х гг. XVIII в. патронаж развивается наиболее активно, хотя со временем утрачивается его военная составляющая, являющаяся признаком уходящего традиционного общества, на смену которой приходит покровительство в делах коммерческих и политических, осуществляемое в Лондоне. Таким покровителями являлись крупные аристократы – как правило, те же графы Аргайлы или Атоллы. Когда герцог Аргайл во время своего путешествия на север останавливался в Глазго или Эдинбурге, городской совет, дабы показать свое расположение к покровителю, демонстрировал ему все портреты

представителей клана Кемпбелл, какие только находились в городе²⁶.

В центре системы патронажа стояли политические связи между Лондоном и Шотландией, осуществляемые небольшой группой аристократов, верных короне, которая сформировалась еще в тот период, когда только делались первые попытки приручить Хайленд. Развитие структуры патронажа облегчалось тем, что система управления Шотландией XVIII в., и, в частности Хайлендом, не создала жесткой вертикали власти, а механизм управления заключался, скорее, в назначении на юридические и административные посты лояльных короне выходцев с севера. В Лондоне был даже специальный министерский пост, который отвечал за то, что все шотландские административные посты будут занимать лояльные правительственной политике деятели. Кроме того, министр использовал свое влияние в Кабинете для лоббирования шотландских в целом или отдельных представителей аристократии интересов. Некоторые могущественные шотландцы использовали свое влияние для лоббирования системы выборов, правда, в этом случае требовалась поддержка высокостоящих лондонских политиков. До 1725 г. существовавший пост Государственного Секретаря по делам Шотландии отражал интересы лишь части шотландской аристократии – так называемого Эскадрона. Однако премьер Уолпол связывал свои интересы с Аргайлом, а не с Эскадроном, поэтому Секретариат был упразднен. Пост Секретаря был восстановлен в 1742 г. специально для зятя премьера Картерета – Твидейла, однако последовавшее вскоре последнее якобитское восстание и бездействие Секретариата привели вновь к его упразднению, теперь уже более чем на столетие, что, безусловно, было в интересах Аргайла, который отныне мог активно способствовать развитию системы патронажа в Хайленде и во всей Шотландии.

Парадоксально, но после событий 1745 г. таксмены были одновременно и наиболее выигравшей частью общества от перемен, поскольку, лишившись своего экономического положения и не будучи связанными земельной собственностью, они стали наиболее мобильной частью хайлендского общества, получив возможность мигрировать и в составе Британии, и в ее колониях, и за пределами «Британского мира»; но с другой стороны, они ока-

²⁶ *Mitchison R. Lordship to Patronage: Scotland, 1603–1745. L., 1983. P. 162.*

зались и самой незащищенной и невостребованной частью хайлендерской социальной культуры²⁷.

И, наконец, самое важное, благодаря этой прослойке, ранее всего включившейся в процесс формирования новых отношений, клановая система Горной Шотландии обязана своей жизнеспособностью. Именно таксмены приспособили горскую экономику с ее крайне своеобразным укладом к новым требованиям модернизации и формирующейся рыночной экономике. Они сумели, используя родовые механизмы регуляции, сочетая архаические принципы и мотивации поведения, дрейфуя от вождеского характера земельного держания к фермерскому, совместить их с капиталистической конъюнктурой, тем самым обеспечив трансформацию всей клановой системы.

С другой стороны, формирование социальной прослойки, специализировавшейся преимущественно на военном ремесле, способствовало высвобождению части клансменов, в предшествующий период обязанных принимать участие в подобных экспедициях. Эта категория хайлендеров все более оседает на земле и составляет основу формирующегося слоя крестьян, связанных со своим землевладельцем родственными узами и владеющих на основании устного соглашения с вождем небольшими участками земли, являющимися источником их существования. Именно они, будучи сосредоточенными в хозяйствах, во главе которых стояли либо родственники вождя, либо таксмены, занимались сельским хозяйством, в большинстве районов преимущественно скотоводством, и имели обязательства по отношению к клановой элите, среди которых основными были уже не участие в военных рейдах, а обязанности, носящие, главным образом, натуральный характер. При этом обращает на себя внимание тот факт, что клансмены, осознавая родственную связь с вождем, воспринимали все обязанности скорее как дань традиции, как обязательство, но не как повинность — обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствующее о прочности родовой структуры, все еще определявшей сознание горцев.

Наконец, высший слой клановой организации также претерпел некоторые изменения, связанные, главным образом, с нача-

²⁷ *McLean M.* The People of Glengarry: Highlanders in Transition, 1745–1820. Montreal, 1991. P. 17.

лом разложение родового принципа землевладения. Традиционным для родовой организации в целом и для Хайленда, в частности, являлось так называемое коллективное наследование, которое состояло в узаконенном праве поселения на территориях, находившихся под защитой и покровительством вождя и элиты кланов, включавшей в себя глав септ, которые в мирное время выступали как советники вождя, а в военное – как его Лейтенанты. В этом случае личная власть вождя и правящей элиты, бывших в роли опекунов клана, признавалась всеми клансменами – обстоятельство, свидетельствующее о том, что подтверждение и принятие власти вождя происходило снизу и изнутри самого родового организма.

Однако из-за все расширявшейся практики дарования хартий со стороны короны и, с другой стороны, в условиях увеличивавшейся с каждым годом территориальной экспансии ряда наиболее могущественных кланов, в которой главную роль играли вожди и военные отряды, связанные с последними персональным соглашением, но не родством, клан обеспечивал свой социальный статус лишь благодаря политической, дипломатической и военной мудрости вождя, получившего первостепенное право распоряжения вновь приобретенными землями. Особую роль в этом процессе играли королевские грамоты, подтверждавшие право землевладения и иногда противоречащие уже сложившейся клановой географии. В таком случае корона пыталась разрешить спорную ситуацию посредством своих Лейтенантов на севере – графов Аргайлов и Хантли, при этом окончательное решение оставалось за вождем, который мог либо подчиниться королевской воли, либо, наоборот, вступить в конфликт, ввергнув клан в кровопролитие. Вожди, таким образом, выступали не только как главы родовых организаций и военные предводители, но были и своеобразными гарантами спокойствия на территории своих кланов, неся ответственность перед королевскими Лейтенантами и непосредственно перед короной, что приводило к оформлению уже не коллективного права землевладения, а индивидуального, личного, подтвержденного не сородичами, а королем. Иначе говоря, начинался важнейший процесс институционализации власти вождя и правящей элиты как держателей на основании условного владения, а не как опекунов-управляющих, действующих во благо всего клана.

Таким образом, хайлендерская общественная система в изучаемый период представляла собой совокупность самых различных

структурных составляющих и включала в себя элементы, свойственные как для общества разлагающихся родовых отношений, так и характерные черты феодального уклада, и даже рыночных отношений. Вождь, стоявший в центре этой системы и выполнявший как одну из главных функцию перераспределения прибавочного продукта, что, по мнению Н.Н. Крадина, является характерным признаком вожества как разновидности позднепервобытного предклассового общества²⁸, одновременно являлся и феодальным сеньором, получавшим конформационные грамоты, подтверждающие право клана на землю.

Что касается развития феодальных отношений, то особенностью генезиса феодального уклада в Горной Шотландии, как представляется, было то, что развитие раннеаллодиальных отношений шло в рамках кланово-родового сообщества, в то время как, согласно наиболее распространенной схеме, становление феодализма происходит в результате распада свободной территориальной общины, из которой выделяется личная свободно отчуждаемая земельная собственность, сосредоточиваемая в руках феодала, что в будущем и составит основу его условного наследственного земельного держания. В результате сохранения кланового землевладения, когда члены родового коллектива именно себя считали собственниками земли, с одной стороны, и зарождения персонифицированного принципа наследования общинно-клановых земель вождем – с другой, в Горной Шотландии идет процесс формирования наследственного земельного держания, принимающего благодаря вмешательству короны в дела горцев условный характер. Зарождение подобных структур значительно облегчалось тем, что отношения в рамках северо-шотландского социума традиционно базировались на всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости, носившей коллективный характер. Формирующееся феодальное общество, будучи, в первую очередь, корпоративным социальным организмом, заимствовало эти отношения зависимости, трансформировав их, правда, в индивидуализированные общественные связи, в основе своей имеющие традиционные обязательства клансменов, превращающихся в крестьян, к своему вождю-землевладельцу.

²⁸ Крадин Н.Н. Вожество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 11.

Однако феодальные отношения, еще не до конца сформированные в Хайленде, сразу же начали подвергаться проверке на прочность со стороны все более капитализировавшегося юга. Элементы рыночного уклада стали еще одним фактором формирования специфической клановой системы, совмещавшей в себе и элементы патриархальности, и черты феодализма, и ростки буржуазных отношений.

В политической области в рассматриваемый период в Хайленде идет и процесс становления отношений господства и подчинения, составляющих основу феодального принципа вассалитета-сюзеренитета. Становление вассально-ленных отношений нашло свое выражение и в перераспределении земельного фонда, усложнившем социальную структуру горского общества, между представителями клановой элиты, являвшихся, как правило, родственниками вождя либо связанных с ним отношениями личной преданности и постепенно превращавшихся в условных землевладельцев, эксплуатирующих труд лично свободных крестьян.

В то же время этот процесс, затронувший, главным образом, сферу производства и распределения, практически не коснулся области родового сознания, которое к условиям перманентной войны в Горной Шотландии, ведущей к укреплению оппозиции «свой – чужой», лишь упрочнялось на уровне родовой идентичности. Этому способствовал, очевидно, и тот факт, что и таксмены, и крестьяне владели землей на основании устного соглашения с вождем-землевладельцем, и, несмотря на это распространение реннеаллодиальных прав в рамках линиджей, большинство таксменов и многие из крестьян считали себя, в первую очередь, клансменами, владеющими землей, согласно родовому праву, а лидеров кланов – вождями, а не лэнлордами. Одновременно, в условиях господства родового сознания вождь, даже получив право передавать свой титул по наследству, мог делать своими наследниками лишь родственников по мужской линии. Подобное право иногда воплощалось и в условном дарении определенной части клановых земель, которые могли передаваться по наследству – так называемое «тэксе» (*tacks*), откуда и произошло название таксмены. В подобных обстоятельствах патронимия способствовала укреплению фамильной солидарности в рамках хайлендерского общества и открывала доступ к дополнительным ресурсам для части общества.

Однако именно зарождение элементов нового уклада в Хайленде, которые вступали в противоречие с уже сложившимися отно-

шениями, и послужило основой для «века набегов», «периода беззакония», которые определяли характер общественных отношений в Северной Шотландии. Феодалные отношения, формировавшиеся, главным образом, под влиянием шотландской короны, первоначально не могли быть адаптированы горским сообществом в силу абсолютно различного понимания природы власти в зарождающейся и старой патриархально-родовой общественных системах. В родовой организации существовал анонимный принцип управления и социальной организации, где персональный статус и место в общественной структуре определяли право члена социума на владение землей. Вождь, таким образом, был обязан своим положением естественному праву рождения, которое никто не мог оспорить, поскольку глава клана олицетворял того первопредка, от которого вел свое происхождение весь родовой организм. Подобная невозможность признания в качестве главы родового коллектива не потомка вождя долгое время приводила к утрате полномочий центральной власти из-за развивающегося эффективного превосходства местных лидеров локально-родовых объединений. Более того, статус шотландского короля, признаваемого лишь в более поздний период, как представляется, был основан не на признании его легитимности на территории страны, а на его праве управлять людьми и признании его природного лидерства, его «отцовства». Этот факт обязывал представителей шотландской короны, бывших, в первую очередь, не монархами Шотландии, а королями скоттов, в своих действиях исходить лишь из общественных интересов и естественных прав, определявшихся либо долговременным владением, либо правом завоевания любого клана на ту территорию, которую он занимал.

Феодалная же система, наоборот, основывалась на особом искусственном механизме держания земли, от которого зависело персональное право и статус любого члена общественного организма. Право земельного держания, как бы распыленное между представителями феодалной иерархии в условиях перманентной войны, способствовало формированию землевладения, носившего характер, в первую очередь, условный и корпоративный. Перераспределение земельной собственности в условиях господства патриархального права в Хайленде приводило нового землевладельца к необходимости вновь и вновь сталкиваться с населением, проживающим на его землях. Правда, в истории Хайленда были случаи, когда корона, осознавая, что новый лендлорд в

процессе вступления во владение может столкнуться с сопротивлением со стороны своих новых вассалов, давала грамоту на владение землей вождю клана, занимающего определенную территорию, тем самым конформируя, подтверждая его право на земельное держание, а также на управление вождем занимаемыми землями. Сначала Лорды Островов, а затем, после их падения, шотландские монархи использовали этот механизм в целях приручения и феодализации северных территорий.

Таким образом, уже к середине XVI в. на севере Британских островов сложился совершенно особый тип клановой организации с характерным для него смешением родовых и феодальных форм собственности и права. И патриархальный вождь, и феодальный лэрд были ответственны за своих людей, за их поведение и те повинности, которые они обязаны были нести. В подобном случае «двойного подчинения» клансмены, присягнувшие на верность клановому вождю, облагались еще и феодальными повинностями, что являлось одним из факторов тех общественных потрясений в горной части Шотландии, которые характеризуют ее развитие в изучаемый период. Если хайлендерский вождь владел землей напрямую от короны, то он был в относительной безопасности, а его положение зависело лишь от степени реализации им интересов шотландского монарха в Хайленде, а также от лояльности его сородичей. В ином положении находился вождь, являвшийся условным держателем феодального сеньора и находившийся от него в вассальной зависимости. В этом случае оба лидера оспаривали право собственности на землю и боролись за верность клансменов.

Наиболее резко конфликт двух систем проявлялся тогда, когда в результате гибели крупного землевладельца вставал вопрос о наследнике земельных территорий. Более того, неупорядоченная система наследования в кланово-патриархальной организации, когда во вновь завоеванных землях вождь передавал право управления своим ближайшим родственникам, приводила к тому, что иногда наиболее древняя ветвь родового кланового дерева оказывалась наиболее бедной и слабой, в то время как боковые усиливались и могли оспаривать право на наследование власти во всем клане. Результатом этого становилось состояние войны не только между кланами за земли, но и внутри родовых организмов, между различными их подразделениями. На данный «вызов» родовой организации феодализм предлагал «ответ» в виде

более четкого и упорядоченного права майората, согласно которому власть вождя могла ограничиваться не только и не столько правом сородичей, но принципом старшинства при наследовании титула правителя, закреплявшимся в феодальной хартии.

Таким образом, в XVI–XVII вв. Хайленд испытывал процесс феодализации, в большей или меньшей степени затронувший все сферы жизни хайлендеров. Однако этот процесс, не носивший революционного характера и подготовленный предшествующим ходом исторического развития, в основе своей имел взаимоотношения, уже существовавшие в рамках кланового сообщества. Исторически сложившиеся клановые территории, общность взаимоотношений, когда патриархальное право «отцовства» трансформируется в иммунитетные права и целый комплекс обязательств клансменов по отношению к вождю превращается в обязанности по отношению к землевладельцу, изменения в социальной структуре, в которой начинается процесс дифференциации – все это составило комплекс внутренних предпосылок феодализации, значительно ускорившейся посредством вмешательства шотландской короны.

Все это не означает, что клановая система вступила в полосу распада. Мы можем говорить о кризисе, но лишь в том смысле, что результатом кризиса является некое новое состояние, и кризис – это всего лишь переломный момент, в результате которого социальный организм получает новую жизнь. И на протяжении XVII и XVIII вв. клановая система получает новые стимулы к развитию.

Новым стало то, что военная организация кланов на рубеже XVII–XVIII вв. находилась уже на спаде активности. Хотя правительственная и вигская пропаганда рисовала кланы как опасные и постоянно бунтующие организмы, на практике угоны скоты были характерны только для пограничного Хайленда и района Лохабер. Представление о том, что кланы находились в состоянии постоянной боеготовности уже для второй половины XVII в. представляется ошибочным. Последнее крупное клановое сражение произошло в 1688 г. у Спин-бриджа, за 50 лет до Каллодена. Вопреки устоявшемуся представлению, подавляющее большинство гэллов, принимавших участие в якобитском движении, никогда не участвовали в военных акциях до того. Интересно, что виконт Данди накануне сражения 1689 г. у Киллекранке волновался по поводу того, как будут вести себя неопытные клан-

смены в сражении²⁹. А Д. Дефо в своем «Путешествии через острова Великобритании» говорил о населении центрального Хайленда как о добром и благодаря своим вождям цивилизованном³⁰.

События же якобитского движения как раз и свидетельствуют о том, что клановая солидарность не разрушалась, а укреплялась, даже не смотря на то, что на отношения между элитами и крестьянами-клансменами стали оказывать влияние и коммерческие факторы. Клань никогда не были так важны для своих вождей как в период якобитизма. Выстоять социальному организму и реализовывать свои интересы как в Шотландии, так и в пределах Британии, можно было только с опорой на военную мощь. Необходима была лояльность арендаторов, но рассчитывать можно было только на членов клана. В одной из инструкций третий граф Аргайл пишет: «Я распорядился, чтобы каждый арендатор принес клятву верности и клятвенно пообещал никогда не бунтовать или не поднимать восстание против нынешнего Правительства»³¹. Очевидно, использование фактора родовых связей и солидарности в коммерческих интересах. Разорение и конфискации многих земель Маклинов и Камеронов – наиболее влиятельных соперников Аргайлов, после 1745 г. привели к тому, что население, некогда проживавшее на их землях, было вынуждено сотрудничать с Аргайлом. Они начинали заниматься хозяйственной деятельностью. Таксмены, проживающие на землях Кемпбеллов в конце XVIII в., эволюционировали от вождеского характера своих владений в сторону фермерских держаний, что свидетельствует об еще далеко не исчезнувших клановых отношениях.

Трансформация клановой системы в XVII–XVIII вв. коснулась и отношений горизонтальных – между представителями хайлендерской элиты. В этой сфере прежние контакты продолжали все также играть определяющую роль – могущественные Кемпбеллы продолжали использовать прежние связи и в новых рыночных условиях.

В обмен на поддержку лэрдов (военную и политическую) граф Аргайл, обладая практически не ограниченными возможностя-

²⁹ Devine T.M. The Scottish Nation, 1700–2000. L., 1999. P. 170.

³⁰ Ibid. P. 171.

³¹ Cregeen E. The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement. Edinb., 1996. P. 15.

ми, которые давала ему система патронажа, устраивал им должности как локального, как правило, судейские, так и государственного масштаба. Опираясь на них, Аргайл мог также проводить свои хозяйственные эксперименты и политику «улучшений». Тот факт, что в Инверрари вассалами Аргайла являлись практически все лэрды, обусловил, что именно этот регион стал объектом для наиболее масштабных (и успешных) хозяйственных преобразований Кемпбеллов. Основывая новые предприятия, в том числе и по добыче металла, например, в Лох Файне в 1754 г., Аргайл ставил во главе их прежних лэрдов.

Таким образом, начинающийся в Хайленде процесс модернизации не только не уничтожил окончательно кланы, но, наоборот, лишь трансформировал их роль и значение. Клановая система сумела приспособиться к новым реалиям рыночного общества. Вожди не просто сохранили свою власть над крестьянами-клансменами, но и сумели сделать эти земли совместным крестьянским держанием, тем самым сохранив экономическую общность клана. Однако наиболее прочным элементом клановой системы оставалась клановая идентичность. Горцы связывали себя непосредственно со своим родовым коллективом, а родство для них было условием выживания. Вряд ли целесообразно делить родство на «реальное» и «фиктивное», биологизм в объяснении феномена родства в традиционном обществе мало что способен принести. Важнее другое – каков был механизм конструирования отношений родства. Сложная социальная структура, клановая иерархия, разнообразные вертикальные социальные лифты, воплощенные в многочисленных обрядах инициаций, позволяли горцам адаптироваться к меняющимся условиям даже в эпоху начинающейся модернизации, а клановой системе придавали большую гибкость. Тезис о консерватизме клановой системе верен лишь в той степени, в которой он касается взглядов на нее современников, для которых она действительно была отражением дикости и варварства хайлендеров. На самом же деле изменения и постоянное развитие были необходимым условием жизни северо-шотландских горских кланов, вынужденных постоянно приспосабливаться к изменению клановой географии и постоянно ужесточавшимся требованиям со стороны шотландской, а позже и британской короны.

III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

- ◆ Традиционная экономика и формирование предпосылок модернизации
- ◆ Первые «приступы» модернизации
- ◆ Активная модернизация XIX в.

Традиционная экономика и формирование предпосылок модернизации

Проблема экономического развития Хайленда заключается не просто в характеристике отраслей хозяйства или формировании предпосылок модернизации XVIII–XIX в. Интересно и другое – каковы были мотивы экономического поведения людей в того времени, чем руководствовались вожди и клансмены, жившие в условиях кланового сообщества в процессе хозяйственной деятельности? Сейчас уже очевидно, что к пониманию хозяйственных отношений в традиционных обществах нельзя подходить с мерками «классического капитализма»: осуществляемые экономические операции не были безличными сделками купли-продажи, они не только зависели от экономической конъюнктуры, а их участники были озабочены отнюдь не всегда извлечением прибыли. Зачастую для них более важны были соображения престижа, религии, морали и любые хозяйственные операции, в том числе и военные набеги, ставшие символом северо-шотландской истории раннего Нового времени, непременно приобретали личностный характер, были обусловлены не только экономическими условиями, но и социокультурными процессами.

Марсель Мосс, один из основоположников экономической антропологии, чье исследование «Очерк о даре» показало универсальное значение обмена дарами в архаических обществах, полагал, что рынок со временем вытесняет систему дар – отдаривание. Для нас же важно проследить как рыночные отношения, возникающие в недрах архаического общества, уживались и переплетались с традиционным обменом дарами. Кстати, примени-

тельно к Франции XVI в., например, это наглядно продемонстрировано в работе Н.З. Дэвис, показавшей, в частности, как дар служил для скрепления сделок, в дополнение к заработной плате, ренте и т.д.¹ Элементы традиционализма и рациональности присутствуют всегда в любой экономике, но их конкретное соотношение меняется от эпохи к эпохе. И рациональное экономическое поведение, соответственно, сугубо исторично.

В этой связи чрезвычайно важным представляется замечание еще одного представителя экономической антропологии, американца К. Полани, который высказывает сомнения, что экономика как таковая существует в традиционном обществе. Можно ли говорить об исключительно экономическом (выделено нами. – В.А.) функционировании? Ведь весь процесс жизнедеятельности общества был не диверсифицирован, и одна отрасль детерминировала другую. Этот подход представляется еще более справедливым в отношении любого традиционного военного социума, для которого война стала не только одним из главных средств существования, основной «статьей» дохода, но и образом жизни. Хайлендерское общество представляло собой именно такой общественный организм, где экономическое и социальное было настолько взаимосвязано, что иногда сложно, а порой даже невозможно отделить одно от другого.

Среди повествовательных памятников, содержащих информацию об истории изучаемого региона примечательно свидетельство одного из путешественников, посетивших Хайленд в первой половине XVI в. и оставившего нам сведения об образе жизни горцев. По словам Джона Мэйджора: «Некоторые скотты рождены в лесах и горах севера, и их мы называем хайлендерами, но другие – лоулендеры. Первых иноземцы называют “дикими скоттами”, последних – “хозяйствующими” (housholding). Ирландский диалект используется первыми, английский – другими... В одежде, образе жизни, в морали, например, они [хайлендеры] идут далеко позади жителей равнины, однако они не менее, но скорее даже более стремительны в бою. И это потому, что рождены они в горах, их жилища в лесу, и воинственны они от природы... Часть диких скоттов в изобилии владеет скотом, овцами и лошадьми, и это, наряду с возможностью расширения собственных владений, делает их более послушными закону и королю. Другая часть населе-

¹ Дэвис Н.З. Дары, рынок и исторические перемены. Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994.

ния наслаждается охотой и жизнью в праздности; их вожди усердно подражают лихим людям, если только могут не трудиться; не испытывая боли, они добывают средства к жизни, существуя за счет других, и следуют своим никчемным диким вождям во всем дурном вместо того, чтобы заниматься честным производством. Все они враждуют друг с другом, и война, а не мир, – их естественное состояние»². Таким образом, интересно, что Джон Мэйджор определял Хайленд как особый регион Шотландии, отличающийся как по уровню развития, так и по образу жизни в целом. Кроме того, среди основных занятий горцев наблюдательным их современником выделяются охота и скотоводство. И, наконец, война, по мнению путешественника, не только стала фактором экономического развития, но и образом жизни хайлендеров.

Несмотря на то, что описания горцев Шотландии носят довольно поверхностный характер, поскольку, прежде всего, обращается внимание на внешние черты, отличающие хайлендеров от других жителей британских островов в быте, образе жизни и т.п., автор уловил и более существенные особенности, которые касались занятий горцев. Мэйджор делает акцент на двух основных видах деятельности населения гор: скотоводстве и охоте. Подобная информация согласуется с подавляющим большинством письменных источников, где мы находим крайне мало сведений о сколь-либо значительно развитой системе земледелия в Хайленде. Более того, в письме одного из иностранцев, некоего Педера Свейна, который посетил Хайленд в 1535 г., говорится, что дикие, как он пишет, скотты, «по примеру скифов не приемлют употребления хлеба»³. О чем может свидетельствовать такое сравнение? Во-первых, обращает на себя внимание слово «дикие», говорящее, очевидно, о том, что в сознании более цивилизованных современников, хайлендеры имели крайне варварский облик, хотя нам трудно судить наверняка, что являлось в данном случае приоритетным в такой характеристике горцев: внешний вид, образ жизни или все-таки род занятий, специфика хозяйствования.

² *Major John. A History of Greater Britain* (1521), editor and translator Archibald Constabl (Scottish History Society, 1892) // Donaldson G. *Scottish Historical Documents*. Scottish academic Press. 1970. P. 48–49.

³ *Peder Swane. Diary of Peder Swane* // *Early travellers in Scotland* / Ed. by Peter Hume. Edinb., 1891. P. 56.

И второй немаловажный в данном случае момент. Мы уже упоминали так называемую «скифскую версию» происхождения скоттов и обращали внимание, что эта точка зрения средневековых историков, занимавшая одно из центральных мест в европейской средневековой историографии, очевидно, основана на недостоверных историко-географических сведениях. Говоря о скифах, чаще всего принято ссылаться на четвертую книгу «Истории» Геродота, в которой он дает характеристику Скифии. Однако еще у Гомера и в «Илиаде» и «Одиссее» приводится характеристика скифов, которых автор называет «млекоедами», то есть питающимися исключительно молоком и продуктами животноводства. В тринадцатой песне «Илиады» поэт говорит об агаварах, которые, выдаивая кобылиц, питаются их молоком⁴. В.В. Латышев, анализируя текст «Одиссеи», приходит к выводу, что автор, описывая скифское племя массагетов, называет его мясоедами, подразумевая то, что скифы не знали хлеба⁵. Очевидно, именно в русле этой традиции британской историографии, ведущей скоттов от скифов, и рассуждает П. Свейн, сравнивая их образы жизни. Однако, по всей видимости, это сравнение не стоит абсолютизировать, понимая его буквально, в том смысле, что горцы вообще не знали хлеба. Более же вероятно, что земледелие у них имело вспомогательный характер и не получило развития из-за специфических природно-климатических условий, поскольку суровый сырой климат, горная местность не были идеальными для него условиями. По мнению ряда современных специалистов, даже в XIX в. лишь 10 % земель в Хайленде использовались в качестве пашенных угодий⁶, что может объясняться тремя факторами. Во-первых, многие земли находились высоко в горах, что затрудняло занятие земледелием. Во-вторых, богатые кальцием кислые почвы давали крайне низкий урожай. И, в-третьих, сам климат с влажными весной и летом, сильными ветрами и коротким сельскохозяйственным сезоном не всегда способствовал развитию сельского хозяйства, а в результате длинной и холодной зимы, зачастую, значительно понижалось и поголовье скота. В некоторых же частях Северной Шотландии су-

⁴ Гомер. Илиада. М., 1987. С. 147.

⁵ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник Древней истории. 1947. № 1–4.

⁶ Dodgshon R.A. From chiefs to landlords. Edinb., 1998. P. 21.

ществовали и вовсе экстремальные условия для занятий земледелием: нередко были ураганы, бурные разливы рек и т.д.

Признавая факт практической непригодности природных условий Горной Шотландии для земледелия, исследователь очевидно должен задаться вопросом о том, как, в таком случае, понимать слова путешественника, замечавшего, что жители Хайленда, «если бы они обрабатывали землю, то могли бы жить гораздо богаче»⁷? Объяснение этого, очевидно, кроется в том, что в силу традиции «горцы ничуть не тяготятся тем, что они не сажают садов, не возделывают фруктовых деревьев и не удобряют землю»⁸. Общеизвестно, что традиционные формы деятельности, будь то в образе жизни или в занятиях, сохраняются в народной памяти очень долго, репродуцируясь из поколения в поколение. Горское сообщество, в быту которого несравненно большее значение, нежели земледельческий труд, имели скотоводство, носившее отгонный характер, охота, рыболовство и военно-грабительские экспедиции, как думается, считало земледелие недостойным занятием. Решающим фактором в этих обстоятельствах, по-видимому, являлась специфика природно-климатических условий, которая способствовала развитию лишь определенных отраслей хозяйства. Лишь эйлажное скотоводство в данном климате могло обеспечить относительно достаточный жизненный уровень, в то время как для земледелия условий практически не существовало.

В Хайленде присваивающие отрасли производства преобладали как в масштабе всего региона в целом, так и в отдельных хозяйствах, где соотношения между ними варьировались в зависимости от характера условий местности. Как уже отмечалось, горный характер рельефа способствовал формированию экономики, основанной на принципах замкнутости и натуральности. Основным субъектом экономической деятельности были разрозненные хозяйства (*township*), входившие в состав владений какого-нибудь клана и имевшие площадь, в среднем, в две-две с половиной мерки. Поскольку в подавляющем большинстве случаев эти хозяйственные комплексы функционировали некомпактно, находясь в различных частях Хайленда, то они долгое время препятствовали формированию крупного землевладения под контролем одного лендлорда.

⁷ *Peder Swane. Diary of Peder Swane // Early travellers in Scotland / Ed. by Peter Hume. Edinb., 1891. P. 57.*

⁸ *Ibid. P. 56.*

Однако все такие хозяйства входили в состав территориальных владений кланов, земельные угодья которых являлись не столько основным средством производства, сколько индикатором положения в общественной структуре горского социума, в целом основывавшейся на контроле клановых сообществ над определенными территориями. Подобное явление приводило к тому, что вожди пытались извлечь как можно большую выгоду из факта владения землей, стремясь максимизировать ее социальный продукт и превратить его в гарантию устойчивого общественного статуса. Их логику в данном процессе использования земельных ресурсов можно представить примерно следующим образом:

- чем больше будет земледельцев на клановых землях, тем больше будет клансменов;
- чем больше будет клансменов, тем большим будет продукт, получаемый от них в процессе редистрибутивного обмена;
- большой объем получаемых продуктов и более эффективный над ними контроль приведет к распространению идеологического влияния вождя;
- рост влияния вождя будет способствовать расширению клановых территорий.

Данный механизм роста общественного влияния клана в регионе мог быть, очевидно, обеспечен лишь в случае существования его стабильной социальной организации, находившейся под управлением вождя и клановой элиты. В основе сохранения традиционной структуры, как представляется, лежал консерватизм, обеспечивавшийся существованием общности взаимобязательств одной группы населения по отношению к другой. Правда подобные взаимоотношения не были статичны на протяжении XVI–XVII вв., а постоянно развивались, генерируя новые формы взаимодействия и обязательств.

В северо-западной части Шотландии во второй половине XVI в. существовала и получила широкое развитие особая нерегулярная обязанность клансменов по отношению к землевладельцу, именовавшаяся *cuid-oidhche*, согласно которой первые должны были оказывать гостеприимство, выражающееся в предоставлении крова и пропитания вождю и его сопровождающим. Очевидно, это первая, имеющая наиболее широкое распространение, по крайней мере, в начале XVI в., форма обязательств, базирующаяся на традиции, в основе которой уже было заложено ядро будущей продуктовой повинности.

Одной из форм обязанности гостеприимства были пиры, организовывавшиеся по самым различным поводам, длившиеся зачастую по нескольку дней и являвшиеся, очевидно, средством повышения общественного статуса. В источниках описываются застолья, длившиеся более недели, организовывающиеся по самым различным случаям, в том числе и в честь инаугурации нового лэрда. Участники пиршеств восхищались щедростью господ к монахам, поэтам, бардам и музыкантам⁹. В одном из случаев, король, посетивший в 1506 г. клан Макгрегоров, был поражен размерами как дружины вождя, так и масштабами восьмидневного застолья¹⁰. Высокая функция пиров, сложившаяся исторически, сохранялась на протяжении многих десятилетий.

Исходя из годового объема продуктов, затраченных на *cuid-oidhche*, очевидно, производился первоначально расчет продуктовой повинности, которая, следуя стремлениям короны, должна была стать уже регулярным обязательством. На примере одной из частей западной Шотландии, Кинтайра, можно выделить три группы хозяйств, по составляющим их ренты для 1563 г. В первых, это очень небольшая группа хозяйств, уплачивавших в пользу шотландской короны весь объем ренты в денежном эквиваленте, в дополнение, правда, иногда платилась натуральная повинность, как правило, в виде овец. Вторая группа – это те хозяйства, чья денежная составляющая ренты равнялась примерно 10–15 % от общего объема платежа, остальная же часть включала в себя натуральный продукт, представленный мукой, сыром, солодом и скотом (овцами и свиньями). И наконец третья, маленькая, всего лишь из восьми хозяйств группа, плативших солидную денежную ренту (75–80 %), а остаток вносивших в виде муки, сыра и скота¹¹. Можно предположить, что натуральная составляющая этих платежей происходила от обычая гостеприимства, уже зафиксированного в объеме. Более того, несмотря на то, что в разных районах Хайленда как соотношение денежного объема платежей к натуральному, так и состав продуктовой ренты были разными и не оставались статичными в

⁹ *Dodgshon R.A. West Highland Chiefdoms, 1500-1745: A Study in Redistributive Exchange // Economy and Society in Scotland and Ireland 1500-1939 / Ed. by R. Mitchison and P. Roebuck. Edinb., 1988. P. 29.*

¹⁰ *Dodgshon R.A. «Pretense of blud» and «place of their dueling»: the Nature of Scottish clans, 1500-1745 // Scottish Society. 1500-1800. Cambridge, 1989. P. 173.*

¹¹ *Dodgshon R.A. From Chiefs to Landlords. Edinb., 1998. P. 58.*

процессе исторического развития, все же можно констатировать, что наиболее важной составляющей последней были платежи мукой, скотом и продуктами скотоводства, а также пивом.

По некоторым подсчетам в Западном Хайленде пивная составляющая натурального оброка варьировалась в объеме от 20 до 50 %, а платежи овсом – от 10 до 25 %. Согласно тем же сведениям, с 6 мерк земли собиралось сорок корзин овса и денежные платежи в размере 200 мерк шотландских денег¹². Соотношение шотландских мерк к английским фунтам составляет 3/2, то есть двести мерк равнялось ста тридцати фунтам. Кроме того, важным компонентом платежей был скот, и в некоторых районах Шотландии с каждой мерки земли в период с 1577 по 1595 гг. необходимо было уплатить три с половиной головы скота с каждой мерки земли. Причем характерно, что в разных районах Хайленда эта составляющая натуральной платы вносилась либо крупным рогатым скотом, либо овцами.

Еще одной составляющей натуральной ренты, особенно в районах, где хоть сколько-нибудь было развито земледелие, были масло и сыр. Масло включалось в состав платежа лишь там, где соотношение между земледелием и скотоводством было практически равным, в большинстве же остальных районов с явным преобладанием скотоводства получили распространение натуральные платежи сыром. Оба этих продукта использовались как традиционная плата в хозяйствах Арднамарчана, Санарта и Морверна в 1541 г.¹³ Особенностью этой составляющей ренты является то, что в ряде случаев она упоминается как повинность, тогда как в других – выступает в роли обычая или «древнего несчастья».

Наряду с указанными продуктами в состав натуральных платежей включались куры, яйца, виски, полотно. В одном из имений Маклеодов повинность продуктами птицеводства называется «летающая пошлина», а в других документах она обозначается как «рэйк хэнс», или «кэйн хэнс». Термин «*reik*» употреблялся в Хайленде с начала XIII в. и обозначал сумму в размере одного пенни, которая взыскивалась с каждого дома с трубой, в свою очередь, с каждого такого жилища в XVI в. бралась и «однопенсовая курица». Термин же «*kain*» («*cain*») был связан с появившимися в ранних документах упоминаниями об обязанности гос-

¹² Peder Swane. Op. cit. P. 63.

¹³ Dodgshon R.A. From Chiefs to Landlords. Edinb., 1998. P. 65.

теприимства. Отождествление этих двух понятий дает нам основание связывать их и сделать вывод о происхождении продуктовой повинности из обязанности гостеприимства¹⁴.

В XVI–XVII вв., помимо регулярных повинностей, существовали еще и однократные, некоторые из которых были довольно внушительны по размеру и весьма обременительны. Одна из них, так называемый грассум (*grassum*), представляла собой плату за ввод во владение наследством, осуществлявшуюся первоначально, как правило, скотом, а позже преобразованную в денежную плату, имевшую, правда, довольно гибкую форму.

Говоря в целом о натуральных платежах на территории Западного Хайленда, следует отметить ряд немаловажных особенностей. При оценке динамики этих обязанностей обращает на себя внимание тот факт, что, например, в Кинтайре, за период с 1541 по 1614 гг. их размер увеличился, в среднем, на одну треть, и подобные изменения были характерны для всего региона изучаемого времени, что является отражением бурных общественных процессов. Кроме того, характер и составляющие платежей сильно варьировались и определялись, главным образом, особенностью ландшафта, и, как следствие, преобладающим родом занятий населения того или иного района, чем, в свою очередь, объясняется преобладание в составе ренты, например, муки и пива, с одной стороны, или продуктов животноводства – с другой.

Данная рента, аккумулированная в хозяйстве вождя или лендлорда, была своего рода фондом, из которого, в случае необходимости, поддерживалось население клана и содержалось ближайшее окружение вождя. Кроме того, собранные продукты использовались в качестве материальной основы для проведения престижных пиров и организации военных набегов, иными словами, для усиления авторитета вождя.

Обязательства гостеприимства (*cuid-oidhche*), в некоторых источниках называемые иначе – «*конвет*», не были единственными в Хайленде в период XVI–XVII вв., однако дополнялись еще одной, без сомнения, уже ставшей традиционной формой консолидации общества, состоявшей в организованных набегах на территории соседних кланов, а иногда и на земли равнинной Шотландии. Это явление, ставшее, пожалуй, символом Хайленда изучаемого времени, в источниках получило собирательное название «*фичт*».

¹⁴ *Dodgshon R.A. Op. cit. P. 71.*

Одним из наиболее распространенных и часто упоминаемых в различных исторических памятниках преступлений в Хайленде в XVI и особенно в XVII вв. стал угон скота, сопровождаемый разорением домовладений и поместий, а, зачастую, и их сожжением. Как правило, подобные экспедиции совершались в составе отрядов из 40–60 воинов, ведомых представителями клановой элиты: очень редко самим вождем, а гораздо чаще – одним из его сыновей. Тот факт, что численность этих отрядов увеличилась в результате начала английской революции, свидетельствует, очевидно, и о политической подоплеке подобных экспедиций. Примечательно, что чаще всего во главе такой шайки стоял младший сын вождя, лишенный права наследовать титул и имущество своего отца, а в ее состав входили, главным образом, воины из состава *broken-men* – своеобразных социальных маргиналов, по разным причинам лишившихся своих собственных кланов и рекрутированных в состав чужого социального организма.

Выступая в качестве грабителей, члены таких отрядов специализировались на вымогательстве у жителей равнинной части Шотландии так называемый «*black mail*» – своего рода страховки, служившей залогом того, что на их домовладения не будет совершено нападения. С другой стороны, будучи прекрасными воинами, они очень часто нанимались теми же земледельцами с равнины, которые делали хайлендеров орудием в собственной вражде друг с другом. Однако подобные экспедиции в целях угона скота или связанных с ним вымогательством были самым примитивным и, как представляется, самым безобидным видом военной деятельности.

Еще одной разновидностью военных предприятий стали набеги на территории соседних кланов, преследующие цели территориальной экспансии и совершавшиеся отрядами «*sluagh*», численностью сто, реже, до трехсот человек. Исключение составляли единичные примеры, когда в такого рода набегах принимали участие все члены клана, в этом случае численность отряда могла достигать полутора тысяч человек¹⁵. В составе подобных банд, помимо опытных воинов, находилась молодежь – сыновья представителей клановой элиты со своими товарищами, для которых «*creach*» – военно-грабительская экспедиция с целью угона скота и захвата части земельной территории соседнего клана являлась

¹⁵ Macinnes A.I. Clanship, commerce and the house of Stuart, 1603–1788. Edinb., 1996. P. 32.

ритуальным инициационным действием, подводящим черту под предшествующим периодом подготовки перехода в разряд воинов клана, который включал в себя, помимо атлетических тренировок, также приобретение навыков в военном и морском деле. В случае успешного завершения подобных упражнений молодой воин переходил в категорию так называемых «*luchd-taighe*», иначе говоря, домовладельцев, являющихся еще, как правило, и членами постоянно действующих военных отрядов. В источниках практически не содержится упоминаний об участии в этих отрядах всех клансменов, что очевидно, позволяет говорить о превращении в конце XVI – начале XVII вв. военных экспедиций, бывших до этого обязанностью всех членов клана, в привилегию определенного социального слоя, основу которого составляли потомки клановой элиты и лица, связанные с ними отношениями личной преданности, в первую очередь, но не кровно-родственными узами. Именно этой цели, очевидно, должны были служить и нормы гостеприимства, согласно которым люди, лишившиеся опеки своего клана, из-за уничтожения или объявления его правительством вне закона, а возможно, и по другим причинам, и перешедших в категорию «*broken-men*» («людей, потерпевших поражение»), принимались в состав клана и, чаще всего, входили в отряды «*sluagh*».

Сопровождаемые различными символическими обрядовыми действиями предприятия подобного рода не рассматривались хайлендерами как собственно грабительские, а, в первую очередь, являлись ритуально-инициационными действиями, должными обозначить переход молодого воина в ряды полноправных членов клана. В особенной степени распространение таких экспедиций относится к территории Лохабера – наиболее воинственной части Хайленда, где жестокие междоусобицы стали повседневностью и где каждый клочок холмистой местности, поросший бурой растительностью, был обгажен кровью двух непримиримых противников – Камеронов и Макинтошей. В этой мрачной части Горной Шотландии, расположенной на западном побережье, грабежом считался лишь угон скота у соседей с равнинной территории, все остальные стычки проходили под знаком возвращения якобы попранных противником прав на землю.

Однако наиболее разрушительными и с точки зрения короны незаконными предприятиями являлись так называемые «*spreidh*», будучи самовольными военными экспедициями, инициатива которых чаще всего исходила не от представителей клановой элиты, а

от младших членов дружины вождя, состояли в среднем из нескольких человек, как правило, не более десяти. В наибольшей степени «*spreidh*» были характерны для того же Лохабера, являвшегося в целом сосредоточением всего того, с чем принято ассоциировать Хайленд периода раннего Нового времени – военно-грабительских набегов, угона скота, жестокой межклановой вражды.

Уже в XVI в. шотландское правительство пыталось поставить под контроль ситуацию и, защищая земледельцев Лоуленда, делало попытки наказывать нарушителей порядка в Хайленде. Полностью отдавая себе отчет в том, что никакие карательные меры не способны утихомирить горцев, а силовые меры воздействия могут привести лишь к эскалации напряженности и ответным акциям протеста со стороны хайлендеров, шотландская корона предпринимала попытки финансовыми рычагами регулировать ситуацию на Севере, для чего существовала целая система штрафов и вознаграждений. Так, вождь или, чаще, клановая элита, на территории которой проживали грабители либо было найдено украденное, обязаны были выплатить так называемый «*taskal*» – по крайней мере, половину стоимости похищенных продуктов или скота. Кроме того, выплачивалось щедрое вознаграждение за информацию, способствовавшую отысканию украденного, что также повышало доходы младших представителей клановой элиты, предоставлявшей зачастую ложную информацию о нахождении скота, который в это время пребывал в их собственных загонах¹⁶.

И военные экспедиции, и обычай гостеприимства, одной из форм которого были престижные пиры, и натуральные обязательства издавна существовали как нормы общественных отношений, но долгое время не воспринимались самими клансменами как обязанность или повинность. Более того, и гостеприимство, и пиры были не только и, наверное, не столько формами хозяйственной жизни, на первый взгляд, кажущимися добровольными, бескорыстными и спонтанными. На самом деле эти проявления клановой солидарности и проистекали как раз из статуса и положения членов общества, вызывая целую цепь событий (поскольку любой дар в архаическом обществе побуждает к дару ответному), охватывая множество аспектов, преследуя многие цели. В процессе этих сделок осуществлялся обмен и перераспределение товаров, в условиях общества, не имеющего товарных рынков, кроме того, такие пиры и

¹⁶ Macinnes A.I. Op. cit. P. 69.

обычай гостеприимства сохранял мир внутри кланового организма, препятствовал возникновению конфликта и силового принуждения со стороны клановой знати. Важным аспектом этих форм обмена было поддержание клановой солидарности, реализуемой в двух плоскостях. С одной стороны, набеги, в ходе которых происходила инициация молодых воинов, способствовали формированию и закреплению их нового статуса в рамках родового организма, а с другой – формировалась клановая идентичность на основе противопоставления «мы – не мы».

Подобная практика, распространенная, пожалуй, у всех архаических народов, свидетельствует о том, что любое действие, касающееся любой сферы человеческой деятельности в рамках традиционных социальных систем, не может быть сведено лишь к прагматическому смыслу, как-то: приобретение дополнительных материальных благ, завоевание новых территорий и получение власти. Более того, мы лишний раз подтверждаем заявленный тезис о том, что в архаических обществах экономика как таковая не существует, будучи неразрывно связана с социальными, политическими, духовными институтами.

Однако особый интерес данная проблема приобретает при изучении обществ, подобных нашему, переживавшему переходный период, и испытывало внешнее воздействие, стремящееся интегрировать его в рыночную экономику. В данном случае традиционные нормы отношений вынуждены приспосабливаться к новым условиям, поскольку, будучи не в силах противостоять наступающим требованиям капиталистической экономики, их носители не желали полностью расставаться с многовековыми традициями.

Основу теоретической разработки данного круга проблем положила уже упоминаемая статья Марселя Мосса «О даре», а дискуссия, длящаяся на протяжении уже полувека после ее публикации, свидетельствует о живейшем интересе к поставленным в ней вопросам. Многочисленные исследования, вызванные очерком «О даре», показали, что мнения специалистов по поводу взаимодействия экономических систем, в основе которых лежат отношения дарения, с одной стороны, и рыночных – с другой, существенно расходятся. Некоторые историки, считает Натали Земон Дэвис, по-прежнему принимают моссовскую «теорию стадий», суть которой в том, что в обществах с рыночной экономической отношения «дара–отдара» вытесняются рынком, и, как утверждает Клод Леви-Стросс, все, что остается от этого обычая, –

это подарки к празднику. Другие ученые, как, например, Клод Марешаль, отмечают, насколько широко торговые рынки существуют бок о бок с отношениями «дара–отдара», причем возникновение товарно-денежных отношений побуждает дарителей проявлять особую изобретательность в обмене дарами¹⁷.

Особенно важно было найти новые формы дарений в рамках вертикального обмена, когда в отношения вступают люди, занимающие разное социальное положение, одни из которых были заинтересованы в том, чтобы адаптировать традиционные формы обмена для наступающих новых отношений, а другие – формировали стратегию своего поведения, исходя из предложенного набора обстоятельств. Конечно же, этот выбор происходил неосознанно, с одной стороны, и менялся на протяжении жизни многих поколений – с другой. Наибольший интерес в этом контексте представляет теория «хабитуса», разработанная Пьером Бурдьё, под которым автором понимается определенный набор поведенческих стереотипов, из которых индивид выбирает один, наиболее ему подходящий. Таким образом, мы отходим от объяснения поведения индивида, как однозначно детерминированного, и одновременно учитываем изменение обстоятельств, в которых формируется стратегия его поведения.

Особенностью развития отношений «дар–отдар» в Хайленде было, очевидно, то, что вплоть до периода активной модернизации XVIII в. не осознавалось различия между ними и отношениями купли-продажи. Вряд ли целесообразно изучать чего было больше – прагматического расчета или традиционной системы ценностей. Гораздо интереснее посмотреть, как взаимодействовали старые и новые нормы, тем более тогда, когда появится сознательное их разграничение, и затем особые символы для реализации одного и другого регистра взаимоотношений.

В XVI столетии в Хайленде в связи с трансформацией социальной структуры общества, вызванной внешним со стороны шотландской короны вмешательством, характер хозяйственных связей начинает меняться. Теперь не только в силу естественной необходимости и исторически сложившихся норм взаимоотношений, но и в результате процесса социальной дифференциации традиционные отношения трансформируются и формируются уже принципиально иные, нежели ранее формы зависимости. Если

¹⁷ Дэвис Н.З. Указ. соч. С. 194.

прежде участие в военной экспедиции было обязанностью по отношению ко всему клану или обычай гостеприимства был распространен в равной степени на всех его членов, то теперь лишь вождь определял характер и время поступления повинностей. Иначе говоря, происходит персонализация субъектов общественных отношений: повинности, ранее приносившиеся всему социальному организму, теперь трансформируются в обязанность по отношению к конкретному носителю власти.

Очевидно, что описанные отношения, включающие и общественный характер землевладения, в рамках которого уже выделяются отдельные хозяйства (*township*) с представителями клановой элиты во главе, и целый ряд обязательств, традиционных, однако приобретающих со временем особый оттенок и возлагающихся на определенные группы населения, тогда как ранее они распределялись между всеми членами общественной структуры, и целая система набегов, основными участниками которой теперь становятся, главным образом, члены отдельного общественного слоя – все это свидетельствует о переходном характере общественного развития, о том, что хайлендерское общество переживало кризис устоявшихся традиционных отношений, и в его рамках зарождались принципиально новые структуры, вступавшие в противоречие с уже функционирующими.

Подобная форма общественных отношений, не являющаяся, как думается, уникальной, в исторической литературе получила название «редистрибутивной экономики». По мнению одного из специалистов в области социально-экономической истории Хайленда Р. Доджсона, одним из существенных элементов экономики этого региона следует признать редистрибутивный обмен между вождями и крестьянами¹⁸ (см. схему).

Среди продуктов престижного обмена, как уже говорилось, были мед, мука, сыр, масло, домашняя птица, овцы, другие продукты животноводства, а также рыба и эль. Этот тип обмена, проявляющийся в процессе реализации обязательств рядовых клансменов и крестьян по отношению к вождю, являвшемуся своеобразным аккумулирующим центром, в который поступали и откуда перераспределялись продукты, назовем его вертикальным, поскольку в нем принимали участие субъекты с разным соци-

¹⁸ *Dodgshon R.A. Op. cit. P. 30.*

кланов способствовал поднятию авторитета как самого вождя, так и повышению статуса всего социального организма.

Таким образом, отношения обмена, как вертикального, так и горизонтального, в которые были втянуты все представители хайлендерского социума, являлись индикатором социального расслоения и зарождения принципиально новых форм взаимоотношений. Дифференциация общества была связана с редистрибутивным методом эксплуатации, основанном на том, что за вождем признавалось право, в силу того, что он выступал как бы от имени всего клана, на использование ресурсов и продуктов, произведенных на его земле. Иначе говоря, вышеописанный метод эксплуатации заключался в том, что под него подводилась достаточно прочная основа в виде должностной или титульной собственности человека, стоящего в центре объективизированной (поскольку после смерти вождя система, чаще всего, не распадалась), пансоциорной (поскольку охватывала она весь социальный организм) редистрибутивной системы на землю общины. В результате этого вождь единолично либо вместе со своим ближайшим окружением, составлявшим своеобразную элиту, и в силу военного характера общества, являющуюся своеобразным прообразом дружины, пользовался правом эксплуатировать ресурсы, находящиеся на земле клана. В целом, думается, что эксплуатация в Хайленде представляла собой систему мер, направленных на добровольное и неосознанное подчинение исторически сложившимся нормам взаимоотношений между различными социальными группами.

Не стоит забывать и того факта, что эти ранние, скрытые или непризнанные формы эксплуатации, основанные, по преимуществу, на специфической логике родственных отношений, а иначе, в опыте и языке долга и традиции, должны изучаться с учетом их двойственной сущности – «беспристрастный взгляд, как пишет П. Бурдые, – который решительно сводит все эти отношения к их «объективной» истине, не менее ложен, чем взгляд, который, как у Ле Пле, замечет лишь субъективное, т.е. мистифицированное представление об отношениях. Незнание «объективной» истины отношений эксплуатации составляют часть полной истины этих отношений, которые могут осуществляться как таковые лишь в той мере, в какой они не признаются»¹⁹.

¹⁹ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 307–308.

Первые «приступы» модернизации

На рубеже XVII–XVIII вв. Шотландия была все еще крайне слабо экономически развитой страной, которую постоянно сотрясали кризисы, а ее стремление доказать свое превосходство или, по крайней мере, равенство с южной соседкой подчас лишь усугубляло кризисное состояние. Так случилось и со знаменитой «Дарьенской авантюрой», ставшей не только показателем экономического уровня страны, но и свидетельством национальных амбиций шотландцев.

По свидетельству ряда историков, «Дарьен» был вызван деградирующим чувством собственной национальной значимости в период после свержения Стюартов, а сама кампания прославилась под именем Шотландская Восточная Индийская Кампания²⁰. Основа этого предприятия была заложена в 1695 г. созданием Кампании шотландской торговли с Африкой и Индией. Ее возникновение связывалось с надеждами лондонских и эдинбургских купцов на разрушение монополии Английской восточной торговой компании. Во главе предприятия стоял Уильям Патерсон, известный как основатель Банка Шотландии, и на протяжении, как минимум, десятилетия до того осуществлявший неоднократные попытки способствовать продвижению шотландцев на Американском континенте. Однако на территориях южнее тропиков все его предприятия оканчивались неизменным провалом, также, как и немногочисленные

²⁰ *Insh G.P. The Company of Scotland. L., 1932.*

попытки его шотландских коллег. Но успех английских начинаний давал надежду и многим шотландцам, которые, рассчитывая извлечь прибыль из торговли с колониями и считая себя «не хуже, чем Англия, Голландия и другие страны Европы», запросили у Вильгельма патент на деятельность на Карибах²¹. Уже в 1690-е гг. среди многих влиятельных шотландцев было распространено убеждение, что заморская торговля – это «золотая бочка», которой пользуются европейские державы и которая способна быстро привести Шотландию к процветанию. Дарьен, общий капитал которого оценивался в 400 тыс. ф.ст., вызвал немислимый ажиотаж среди шотландцев, которые устремились «изо всех уголков королевства в Эдинбург, богатые и бедные, хромые и слепые». Но Кампания была не только амбициозным предприятием национальной экономики, это было еще и предприятие, призванное утвердить национальный дух, показать, что «варварский север» способен конкурировать не только с Англией и с другими развитыми государствами Европы, но и нести собственную культуру. Именно поэтому на судна, отправленные в первую экспедицию, помимо тюков с льняным полотном, шерстью и другими продуктами, которыми собирались торговать в Америке, было загружено полторы тысячи экземпляров Библии и два ревностных шотландских священника²². В этой связи Дарьен имеет непосредственное отношение и к хайлендерской истории, потому что, хотя среди его акционеров были лишь единицы хайлендеров, для горцев это был тот проект, который способствовал утверждению шотландского национального достоинства. Другими словами, это был первый шаг к единению всего населения Шотландии от гор до английской границы, когда горцы впервые ощутили свою принадлежность к общей нации.

Дарьенская авантюра и ее печальный итог свидетельствует о нескольких тенденциях развития шотландской экономики конца XVII в. С одной стороны, это экономический рост второй половины века, который позволил сформировать немалый капитал для заморского предприятия. С другой – большая часть экономики страны была связана с английскими производителями и купцами, а в категориях англо-шотландской дихотомии шотландцы выглядели как сторона, «догоняющая» своего южного соседа.

²¹ *Whatley C.A. Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, toward industrialization. Manchester–N.Y., 2000. P. 31.*

²² *Ibid.*

Даже по показателям экспорта одного из самых «шотландских» продуктов – шерсти шотландская часть составляла всего лишь 2 % от английской, а рыбы – 1 %²³.

Шотландское сельское хозяйство действительно развивалось и было способно обеспечить необходимым население страны. Но растущее производство зерна обеспечивалось усилением эксплуатации лендлордами крестьян и снижением уровня жизни последних, что способствовало расширению эмиграции. А расширение культивируемых земель наблюдалось, главным образом, на территориях, занимаемых крупными землевладельцами.

Шотландия все еще являлась в глазах современников сельскохозяйственной периферийной, маргинальной, главным образом, высокогорной страной с преимущественно сельскохозяйственным населением. Городское население росло, но из 1 млн 200 тыс. жителей, зафиксированных в Шотландии на 1691 г., девять десятых по-прежнему жили в деревнях, причем большая часть, занимаясь скотоводством, обитала в рассеянных поселениях гор и холмов²⁴. Английское городское население в 1700 составляло 18,7 % притом, что общая его численность была в пять раз больше шотландского. Однако представители шотландской знати и наиболее удачливые торговцы имели возможность пользоваться услугами заморского рынка, покупая в Лондоне китайские и японские товары и украшения притом, что товары аналогичного качества производились шотландскими ремесленниками²⁵. При этом хайлендерские вожди, интегрируясь в лоулендерское общество, старались уже не отставать от своих южных соседей.

Две военные экспедиции, посланные англичанами против Шотландии в 1698 и 1699 гг., положили конец Дарьену. Был потерян капитал в размере 153 тыс. ф.ст., что составляло четверть бюджета государства. Это привело к осознанию, что экономическая и геополитическая ситуация, создавшаяся на мировых рынках, делала очень проблематичным независимое самостоятельное процветание Шотландии. Шотландские амбиции резко стали снижаться, вместе с тем росло убеждение, что для успешного учас-

²³ *Whatley C.A. Op. cit. P. 32.*

²⁴ *Whyte I.D. Proto-industrialization in Scotland // Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution Britain / Ed. by P. Hudson. Cambridge, 1989. P. 230.*

²⁵ *Whatley C.A. Op. cit. P. 33.*

тия Шотландии в торговле ей необходима английская помощь. Если в середине 80-х гг. жители Брехина в Ангусе, что на границе Хайленда, могли сообща построить мост через Саутеск, то в 90-е гг. ситуация резко изменилась к худшему. Уровень внутренней торговли был чрезвычайно низким, в некоторых городах до трети населения и торговцев оказывались банкротами и вынуждены были покидать города²⁶. Однако двойственность ситуации заключалась в том, что Дарьен стал первым событием-катастрофой, вокруг которого формировалась шотландская идентичность. В связи с Дарьеном обвинения в сторону Англии в организации провала кампании соседствовали с осознанием невозможности дальнейшего раздельного существования государств-соседей.

Ограничения, наложенные Англией на торговлю между двумя частями королевства, со временем приводили к созданию внутренней базы ресурсов, ставших основной для своеобразного прорыва XVIII в. А события 1707 г. создали возможности для выхода шотландских, в первую очередь, сельскохозяйственных товаров на рынки Британии и Империи. Значительно усилился удельный вес отраслей, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства, таких как шерсть, кожа, мясо, лидерами в производстве которых были горные районы страны. Ежегодно в Англию из Шотландии перегонялось до тридцати тысяч голов скота.

Однако если в Лоуленде эти процессы происходили в условиях складывания социальной структуры, характерной для рыночного общества, то Хайленд с его патриархальной структурой вынужден был искать свои пути капиталистического развития. В значительной мере эта трансформация экономики происходила в условиях продолжающегося господства представителей клана Аргайлов, осуществлявших волю Лондона на севере.

Формирование их империи приходится на XVI–XVII вв., когда сначала было сокрушено Лордство Островов, чьи обширные территории составили основу земельного фонда Кемпбеллов, затем Маркус Аргайл, воспользовавшись финансовым ослаблением Маклинов, включил и их обширные земли в свою империю. К началу XVIII в. территории Аргайлов включали пятьсот квадратных миль, кроме того, граф был феодальным сеньором большинства вождей и лендлордов в одноименном графстве и части западного Инвернесса. Как наследственный шериф Аргайл представлял правовую

²⁶ *Whatley C.A. Op. cit. P. 38–39.*

систему Шотландии в западном Хайленде, а как лорд лейтенант осуществлял контроль над вооруженными силами.

Аргайлы были первыми из тех, кто почувствовали неотвратимость перемен в Шотландии, и уже в 1688 г. десятый граф Аргайл принес клятву новой династии.

В начале XVIII в. Кемпбеллу подчинялись более пяти тысяч человек, которые стали свидетелями разрушения традиционной социальной структуры, втягивания горцев в коммерческие отношения с Англией, появления новых рыночных отношений. Эти изменения стали не результатом событий 1745 г., когда шотландские войска были окончательно разбиты англичанами, а итогом более долгого развития.

Именно Аргайлы олицетворяли эти новые отношения. Граф построил крепость в Инверрари в неоготическом стиле, он строил города и деревни, дороги и каналы – основа «улучшений», получивших столь широкое развитие позже, таким образом, была заложена Аргайлом. Второй граф (1703–1743) кардинальным образом поменял систему держаний в своих землях. Сначала в Кинтайре около 1710 г., а потом и в других поместьях в 1737 г. он впервые выставил земли на открытый аукцион с открытым предложением²⁷. Этот процесс привел к коммутации ренты, а следовательно, шло втягивание держателей в рыночные отношения.

Растет и стоимость ренты. В 1779 г. рента в пяти приходах Кинтайра выросла на 250 % по сравнению с 1720 г. В Инвернесе в поместье Локхилов она повысилась с 560 ф.ст. в 1760-х гг. до 863 ф.ст. в 1774 г., увеличившись на 54 %, что было не пределом. В Гленгари рента с 1768 по 1802 гг. увеличилась на 472 %, что в абсолютных цифрах составило от 732 до 4184 ф.ст.²⁸ Рост ренты свидетельствует о том, что хайлендерская элита переподчиняет развитие своих земель интересам рынка и его новой конъюнктуре. Однако развитие экономики все еще сдерживалось старой социальной структурой.

Происходило и изменение структуры производства, в рамках которого все больший вес приобретало овцеводческое хозяйство. Однако сельскохозяйственный сезон для крестьян, как и прежде, начинался весной с высадки картошки, овса и ячменя. Развитие овце-

²⁷ *Cregeen E.* The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // *Scotland in the Age of Improvement.* Edinb., 1996. P. 11.

²⁸ *Devine T.M.* The Scottish Nation, 1700–2000. L., 1999. P. 173.

водства привело к росту числа безземельных крестьян и депопуляции населения. В 1779 г. в поместье Морверн осталось двадцать два человека, в то время в начале века проживало пятьдесят шесть²⁹.

В некоторых поместьях в период с 1755 по 1771 гг. расширяется количество крупного скота на 31 % с трехсот до трехсот девяноста трех голов³⁰. Наибольший процент расширения продемонстрировало поместье Саурлис, где количество скота увеличилось на 150 % (с 12 до 31)³¹. Количество овец росло еще более быстрыми темпами, и 90 % населения имело больше овец, нежели крупного скота. Но также, как и веками ранее, большую роль играл угон скота, продажа которого была единственным источником денег, уходивших, главным образом, на уплату ренты. Трехгодовалая корова стоила в Хайленде два ф.ст.

Новое хозяйство, ориентированное на рынок, не нуждалось более в крестьянах, живущих на клановых землях, в результате, сгон крестьян с земли стал частью процесса разрушения традиционной социальной структуры. Это было прямым нарушением «*датчас*» – обязанности клановой элиты обеспечивать безопасность и поддерживать жизненный уровень клансменов, проживающих на землях. Результатом стали «чистки» – процесс, известный по более поздним материалам и очень сложное как экономическое, так и социальное, и культурное явление. Чаще всего, он рассматривается как непосредственный результат насущной необходимости в пастбищных землях. Но сгон имел место и по другим причинам. Устранение посреднических звеньев социальной структуры, таких как таксмены, создавало землевладение крупного типа, на которое часто, особенно на северо-западе и островах, переселяли крестьян из долин и северо-восточных земель для того, чтобы они развивали производство картофеля³².

В 70-е гг. XVIII в. основным социальным процессом является снижение количества и социального значения таксменов. Деятельность графа Аргайла, направленная против джентри в 30-е гг., была необычным социальным явлением, однако пятьюдесятью годами позже процесс ликвидации таксменов как проме-

²⁹ Cregeen E. Op. cit. P. 13.

³⁰ McLean M. The People of Glengarry: Highlanders in Transition, 1745–1820. Montreal, 1991. P. 35.

³¹ Ibid. P. 35.

³² Devine T.M. Op. cit. P. 175.

жуточной социальной категории в системе землевладения становится повсеместным, варьируясь лишь в темпах от поместья к поместью. К середине XIX в. они стали наименьшей социальной прослойкой общества, а их исчезновение – основным знаком смерти старого гэльского общества³³. Появляющийся средний класс фермеров имел чрезвычайно мало наследственных и даже этнических связей с хайлендерами.

Еще одним следствием начавшегося процесса модернизации становится движение собственности, начало которому положило подавление Великого восстания 1745 г., и последовавшей Акт о почетной юрисдикции, согласно которому экспроприировались земли участников якобитского движения. Все конфискованные земли были распроданы новым владельцам, пришедшим из Лоуленда и Англии, которые в равной степени были превращены в землевладельцев, официально закрепив за собой бывшие родовые земли. В период 1744–1779 гг. из шестидесяти одной фермы Мулла (Mull) и Морверна тридцать девять сменили хозяев. Особенно большой размах этот процесс приобрел после 1770 г., когда парламент Британии принимает закон, в соответствии с которым шотландские землевладельцы получили право свободно распоряжаться своей землей, совершая любые коммерческие операции.

Для крестьян-клансменов это был двусторонний процесс: с одной стороны, изменение характера их держаний уничтожило целый ряд натуральных рент и повинностей, с другой – стимулировало процесс сгона с земли мелких арендаторов. Хотя это явление и имело систематический характер, вплоть до 60-х гг. XVIII в. оно протекало довольно медленными темпами и заключалось, прежде всего, в превращении больших пространств земли в овцеводческие фермы, практика же ведения зернового и скотоводческого хозяйства интенсивным способом была единична. Причины этого крылись в отсутствии крупных капиталов для покупки земли и интенсификации хозяйства. Результаты Великого восстания создали блестящую возможность внеэкономическими способами сосредоточить земли в руках новых владельцев, готовых начать процесс интенсификации производства и налаживания экспортно-импортных отношений с Англией.

Происходит и трансформация поселков (*township* или *bailie*). Эти групповые поселения фермеров, коттеров и крестьян начиная

³³ Devine T.M. Op. cit. P. 174–175.

с 60-х гг. XVIII в. быстро теряют свою роль и уже к 30-м гг. XIX в. практически исчезают. Земли, которыми владели фермеры, в наибольшем объеме сохраняются на территориях Аргайлов, в хайлендерском Пертшире и восточном Инвернесе, где существовали благоприятные природные условия для развития земледелия. На большей же части Хайленда формируется так называемое «ремесленное» сообщество, включающее западное побережье к северу от форта Уильям. Здесь на смену традиционным поселкам приходят индивидуальные незначительные по размеру участки земледельцев или ремесленников, собственниками которых являлись единичные крестьяне или общины.

Генри Баттер, бывший одним из комиссионеров, разрабатывавших программу «улучшений» Хайленда, в начале 1760-х гг. предложил построить каменные дома для всех жителей, поскольку «до тех пор люди будут жить в подобном жилье, никогда дух улучшений будет невозможен»³⁴. В каменных домах до того жили лишь некоторые хайлендерские джентри.

Поместье Локхилл Камерон – одно из крупнейших клановых владений в западном Хайленде, было разделено на несколько ферм. Находясь на важной торговой магистрали, оно испытало большее влияние со стороны экономики юга, однако вплоть до 1770 г. преобразования здесь проходили мягко. В 1750 г. в Локхилле очевидно проживало полторы тысячи человек или двести шестьдесят семей, а в 1801 г. – около двух тысяч трехсот человек.

В 1748 г. 25 % из двухсот шестидесяти семей Локхиллов были свободными фермерами, остальные три четверти населения – субарендаторами, коттерами и слугами, не платившими ренту напрямую лендлорду и жившими на фермах арендаторов или более крупных крестьян.

Тринадцать человек таксменов составляли следующий после вождя уровень социальной структуры. Крестьяне, владевшие двадцатью двумя локхильскими фермами напрямую от лендлорда – следующий уровень. Хозяевами одиннадцати ферм были единоличные крестьяне, выплачивавшие ренту до тридцати трех ф.ст. Другими одиннадцатью владели коллективные хозяйства, чьи участники выплачивали ренту в пределах двух ф.ст.³⁵

³⁴ McLean M. Op. cit. P. 33.

³⁵ Ibid. P. 44.

В 1758 г. Генри Баттер представил свой план улучшения Локхила – строительства каменных домов и оград для скота. Уже три года спустя он рапортовал Баронам Казначейства, что крестьяне построили дома и изгороди, и что эти постройки будут оплачены новыми поселенцами в случае их перемещения или обмена³⁶. Но на самом деле каменные дома были построены только на одиннадцати фермах и то силами самих крестьян, без обещанной помощи властей. Большинство крестьян продолжали жить в плетеных хижинах. Загоны же для скота были построены лишь на шести фермах. Строительство загонов вызывало наибольшее недовольство крестьян, для которых именно отгонное скотоводство стало традиционным. Были сделаны попытки расширения пахотных земель за счет увеличения площадей картофеля. Разведение картофеля – это, пожалуй, единственная инновация, удавшаяся в Локхиле и уже в 1772 г.

В 1765 г. решено было строить дорогу в Хайленде, поскольку отсутствие мостов и дорог делало путешествия через горные районы крайне трудным. Однако разливы рек и влажный климат приводили к необходимости постоянной перестройки уже готовых коммуникаций.

Эффективное использование лесов Локхила было также одним из направлений хайлендерских улучшений. Отчеты королевских служащих гласили, что леса вырубаются случайными людьми, и летом 1753 г. в центр Хайленда были посланы солдаты, которые должны были провести инспекционную проверку состояния лесов.

Намечен был и процесс социальных улучшений. В 1760 г. Баттер выступил с идеей о строительстве школы для обучения «принципам протестантской религии, хорошего управления и верности Его Величеству». Вскоре нашелся человек, который готов был стать школьным учителем. В 1762 г. Джеймс Макферсон был назначен на эту должность с содержанием шестнадцать ф.ст., что было выше чем обычно, поскольку учитывались сложные условия местности и характер жителей³⁷. Но надежды комиссионеров, назначивших протестанта-учителя, оправдывались чрезвычайно медленно, и большая часть населения в течение долгих лет еще оставались католиками, хотя римские священники, свя-

³⁶ *McLean M. Op. cit. P. 51.*

³⁷ *Ibid. P. 39.*

занные, как правило, с якобитами, были дискриминированы, и католицизм не долго оставался угрозой для правительства³⁸.

Заботясь о духовном здоровье хайлендеров, Комиссия по изъятию поместий четырежды за период с 1757 по 1765 гг. рекомендовала раздробить приходы, поскольку чрезвычайно большие размеры делают невозможным для священников регулярно вести службу. И комиссия, и комиссионеры считали, что религия и образование тесно связаны. Школы были обязаны учить английскому языку и чтению, без которых сложно было обучить принципам протестантизма. В 1773 г. школа в Килмайле насчитывала 140 учеников, которые справлялись с учебой, как рапортовал местный лендлорд. В школе было два учителя, которые обучали детей греческому и латыни, математики, чтению и письму на английском языке. Открытая в 1760 г. школа в Форте Уильям также обучала детей из Локхила.

Западный Инвернесс, как и Локхил, также испытывал влияние южных регионов. Большая часть земель здесь была удобна для развития сельского хозяйства. В 1750 г. семьдесят ферм поместья производили зерно и занимались скотоводством. Восточная часть этих земель была баронией Аббертарф, перешедшей в состав Гленгари от Фрезеров Лавват. Аббертарф, располагаясь по обеим сторонам реки Оич и будучи разделен на девять ферм разного размера, шестью из которых владели арендаторы Макдонеллы, включал в свой состав лучшие земли, производя лучшую пшеницу и мясо.

Еще одна часть поместья – Слишмин – лежала на Запад от Аббертарфа, в северной части Глен Гарри. Там было двенадцать ферм, восемью из которых владели Макдонеллы. В состав поместья, помимо этого, входили еще три части.

В 80-е гг. за счет расширения количество скота происходит некоторое улучшение экономической ситуации. Появились его новые породы, привезенные Генри Баттером. И в 1793 г. уже три четверти населения прихода Килмайл занималось разведением скота, в то время как четверть – все также продолжала практиковать его угон. Из всего поголовья животных шесть тысяч составляло крупный скот, пятьсот голов – лошади, тысяча – козы и шестьдесят тысяч – овцы³⁹. Крестьянское общество Хайленда, таким образом, волей или неволей впитывало идеи модернизации, которые являлись ком-

³⁸ *McLean M. Op. cit. P. 39.*

³⁹ *Ibid. P. 69.*

промиссом между коммерческим сельским хозяйством и традиционным хайлендерским экономическим укладом. Хотя еще и в первой половине XIX в. В. Скотт упоминает «жалобы» жителей шотландских островов на то, что со времени постройки маяков корабли перестали идти ко дну и им больше не чем поживиться!⁴⁰

Поместье Гленгари не перешло к короне по Акту Изъятия, несмотря на якобитские симпатии его жителей, поскольку вождь, тонко чувствующий политическую ситуацию, отказал Чарльзу в помощи, но все же был заточен в Эдинбургскую крепость, как, вероятно, симпатизировавший бунтовщикам. В период, последовавший сразу за битвой у Каллодена, пожалуй, самое кровавое время всего якобитского движения, дома крестьян и вождя были сожжены, клановые архивы исчезли. Поместье было занято новыми хозяевами, в то время как два наследника вождя находились в заточении. В 1746 г. в Гленгари проживала тысяча четыреста человек, большая часть которых были римскими католиками. В 1796 г. английские школы, из которых одна, содержащаяся за счет государства, и две – за счет общества Пропagанды Христианских знаний, посещало только меньшинство населения. Несколько детей, однако, получили английское образование, но гэльский язык и культура преобладали в повседневной жизни поместья.

Изменения происходили и на островах, непосредственно прилегающих к Хайленду. Остров Тайри (Tiree) – маленький островок из Гибридов, обдуваемый всеми ветрами, но славящийся своими плодородными легкими почвами и коротким сельскохозяйственным сезоном, после того как в 1680 г. был конфискован у Маклинов Дуартов, стал объектом экспансии таксменов Кемпбеллов, которые поселяли здесь своих арендаторов и друзей. Однако в связи с реорганизацией поместья на острове в 1737 г. часть участков была утрачена прежними хозяевами, а на некоторые стали возвращаться Маклины. Этот случай свидетельствует о том, что даже проникновение рыночных отношений и значительное влияние могущественных Аргайлов не могло уничтожить родовую солидарность, которая на протяжении еще многих десятилетий сосуществовала с буржуазными нормами и конъюнктурой.

После уничтожения института таксменов, в 1737 г., власть центральной администрации Аргайла еще более усилилась в отдельных землях, а многие мелкие крестьяне были переподчи-

⁴⁰ Олдингтон Р. Стивенсон: Портрет бунтаря. М., 1985. С. 38.

ны непосредственно управляющему в обход таксменов. В середине XVIII в. во главе каждой крупной части поместья стоял отдельный управляющий, выполняющий и функции реализации реформ и непосредственного хозяйственного управления. Он получал подробные инструкции, и со временем его роль становилась все более и более экономической. А к концу XVIII в. должности управляющих вообще стали занимать лица, не связанные с кланом родственными узами, а служившие на основании контракта. Как правило, это были юристы. Ежегодно в октябре Аргайл встречался со своими лендлордами в Инверрари, для того чтобы выслушать их отчет и дать соответствующие инструкции. Кроме того, агенты Аргайла вели многочисленную переписку с лендлордами, держа под контролем ситуацию в различных поместьях.

Начиная с 1737 г. и до конца века Аргайл попытался реализовать целый ряд мероприятий по «улучшению» на острове, среди которых были строительство новых дорог и ферм, возведение вала, защищающего земли от вымывания морскими приливами, мероприятия по интенсификации земледелия и внедрения новых культур, развитию рыболовства и местной индустрии. Часть этих мер удалась, например, строительство коммуникаций и ферм, и внедрение новых культур (картофель); другая, как например, строительство новых рыболовецких деревень – нет. Причем как удачи, так и провалы были в значительной степени непредсказуемы.

Хотя и основанные новые предприятия просуществовали не очень долго. Причины их недолговечности заключаются и в дефиците ресурсов на островах, и в недостаточно развитой системе коммуникаций, и часто в целенаправленной политике правительства по их разрушению. Так произошло, например, с производством спирта, ставшего одной из главных статей экспорта на острове Тайри и служившим одной из разновидностей ренты. Но в период активной коммутации спиртовое производство было свернуто, а вскоре исчезло совсем.

Играли свою роль и неэкономические факторы. Жители островов были крайне консервативны в своих занятиях и сопротивлялись инновациям со стороны Лоуленда.

Четвертый граф Аргайл (1770–1806) решил пойти по пути укрупнения поместий, поселив вместе несколько благополучных фермерских семей и создав им благоприятные условия для ведения хозяйства. Но идея, безупречная в теории, провалилась на практике из-за сопротивления крестьян.

Активная модернизация XIX в.

Конец XVIII в. стал временем величайших по значимости изменений в Северной Шотландии, коснувшихся почти всех сфер жизни общества. Фактически на протяжении жизни нескольких поколений в области хозяйствования произошел гигантский скачек от родового строя к развитому рыночному хозяйству. Интересно, что самой Англии на этот процесс понадобилось гораздо больше времени, а в другой части Британии – Ирландии – все еще продолжали господствовать патриархальные хозяйственные нормы.

К концу XVIII в. роль Аргайлов на севере Шотландии претерпела изменения. Якобитизм, как политическая сила, сошел с исторической арены и не угрожал более правительству Британии. А значит, необходимость в Аргайлах, как гарантах спокойствия в Хайленде, тоже отпала. Пятый граф Аргайл был первым за всю историю клана, который не занимал государственных должностей. К этому времени и сам характер клана значительно изменился. Усилия, направляемые предшествующими вождями, привели к тому, что практически все клановые и феодальные компоненты в его организации были утрачены. Крестьян, многие из которых основывали свое собственное хозяйство, как правило, на побережье, с землевладельцем уже связывали не столько родовые, сколько экономические отношения.

Да и многие землевладельцы Хайленда, не сумев приспособиться к новым условиям, стали банкротами. Один из агентов Аргайла писал ему в 1797 г. о «банкротстве многих старых се-

мей в графстве Аргайл, которые добросовестно несли службу и поддерживали во всем... Здесь Ваша Светлость потеряла множество наследственных капитанов...»⁴¹.

Да и дни могущества самого Аргайла были уже сочтены. С падением его политического влияния все больше власти сосредотачивалось в руках боковых ветвей клана. Вскоре Аргайл, слывший лучшим экспертом в хайлендерских делах, становится президентом только что основанного в 1784 г. Хайлендерского Общества, задачей которого было способствовать модернизации региона. Новая роль дома Аргайлов заключалась теперь уже в покровительстве всему Хайленду. Но в этой роли некогда могущественные властители Севера не достигли особых успехов. Аргайлы стремились превратить хайлендеров из воинов в носителей буржуазной культуры, но этот процесс протекал уже без их участия.

Несмотря на все изменения XVIII в., до 1800 г. хайлендерский земельный рынок развивался относительно медленными темпами, и его характерной чертой было снижение количества собственников. Так, в графстве Аргайл в середине XVIII в. зафиксировано двести земельных собственников, а в конце века – сто пятьдесят шесть⁴². Другой характерной чертой, как мы видели, стал тот факт, что большая часть движения земельного фонда обуславливается в XVII и XVIII вв. скорее политическими, нежели экономическими факторами.

Начало XIX в. принесло свои изменения. После 1800 и, особенно, после 1810 гг. процесс развивается в двух направлениях. Во-первых, резко возрастает количество продающейся собственности, а некоторые объекты продаются по несколько раз в течение короткого времени. Земли герцога Аргайла в 1819 г. были распроданы пятью частями и потом были поделены еще⁴³. И второе, после 1830 г. все новые собственники представляли интерес Лоуленда или Англии, лишь некоторые из них были связаны родственными связями с хайлендерами.

Джозеф Митчел, инженер, много путешествовавший по Хайленду, написал: «Я видел около двух третей хайлендерских по-

⁴¹ *Cregeen E.* Op. cit. P. 20.

⁴² *Devine T.M.* The Emergence of the New Elite in the Western Highlands and Islands, 1800–60 // *Improvement and Enlightenment* / Ed. by T.M. Devine. Edinb., 1989. P. 110.

⁴³ *Ibid.* P. 112.

местий, которые на моих глазах поменяли своих хозяев»⁴⁴. Митчел не ошибался. В 20–60 гг. XIX в. несколько крупнейших землевладельческих фамилий Хайленда сошли с исторической сцены. Многие земли, как, например, владения Макдоналдов, Кланрадалдов, были распроданы, а владельцы некоторых просто погибли во время наполеоновских войн. Территория западного Хайленда, где формировалась новая элита, практически полностью поменяла своих владельцев. Без преувеличения можно сказать, что это была социальная революция.

В 30-е гг. XIX в. уровень продаваемости земель в Хайленде был на несколько порядков выше, чем в целом по Британии. Многие земли продавались, потому что их владельцам грозило финансовое разорение. То есть, с одной стороны, идет процесс интеграции в британскую элиту и формирования новой элиты собственно в Шотландии, а с другой – разорения демонстрируют неспособность старой элиты интегрироваться в новые условия. Кстати говоря, этот факт позже станет основой для зарождения политического национализма. В XIX в. в целом в Британии было редкостью разорение крупных семей. Финансовые сложности старой элиты были особенностью Хайленда. Некоторые из них, пытаясь заслужить индульгенцию, отправлялись на войну с Наполеоном, бросив на произвол судьбы свои поместья. Многие, не имея средств, вынуждены были прибегать к займам. Лорд Макдоналд в середине века имел долг более ста сорока тысяч ф.ст.; Кланраналд в 1812 г. – более ста тыс. ф.ст.⁴⁵ Но долг не редкость и для хайлендерских поместий в исторической ретроспективе (те же Кланраналды в 1700 г. имели долг шестьдесят четыре тысячи) и в географической (многие британские семьи землевладельцев имели долги). Часто долг являлся следствием необходимости реконструкции поместья, а в других случаях долги наследовали. Из ста сорокатысячного долга лорда Макдоналда в 1846 г., восемьдесят четыре тысячи четыреста восемьдесят девять фунтов он унаследовал от отца и деда. При этом его годовой доход составлял одиннадцать тысяч двести шестьдесят девять фунтов, но лишь три тысячи двести девяносто восемь ф.ст. оставались свободными и могли пойти на уплату долга⁴⁶. Важно и другое – каково было соотношение между долгом и доходами? Хайлендерские зем-

⁴⁴ *Mitchell J. Reminiscences of my Life in the Highlands. L., 1883–1884. P. 114.*

⁴⁵ *Devine T.M. Op. cit. P. 115.*

⁴⁶ *Ibid. P. 118.*

левладельцы, учитывая экономическую и политическую конъюнктуру, прибегая к займам, рисковали больше своих английских коллег. Вариант решения иногда заключался в межклановых браках, договоры о которых составлялись еще в младенчестве детей.

Основным источником дохода хайлендерских землевладельцев были деньги, получаемые от продажи скота и добычи водорослей, шедших на изготовление лекарств, дополнительными источниками прибыли были овцеводческое хозяйство и, отчасти, рыболовство. В 20-е гг. возможности добычи водорослей были исчерпаны, и это производство перестает давать доходы. Многоотраслевая экономика Равнинной Шотландии и Англии более спокойно реагировала на изменения цен, а падение стоимости одних продуктов, приводило к ее повышению на другие, что давало большую свободу маневра для производителей. Сельскохозяйственная же экономика севера всецело зависла от цен на агрокультуры. Их падение приводило к кризису экономики в целом.

Выходом из кризисной ситуации становится оживление земельного рынка, что поставило на повестку дня изменение системы кредитования. Если ранее, в XVII в., в условиях господства клановой солидарности, изъятие земель у должника было невозможно (или крайне редко), а доходы землевладельца были результатом функционирования редистрибутивной экономики, в рамках которой клансмены содержали своего вождя, то теперь разрушение прежних социальных связей ведет к перестройке этой системы, и на Хайленд всецело распространяются нормы Британии, в том числе и банковская система. Теперь отказаться от долга или отсрочить его было гораздо сложнее, в этом смысле прежняя система была более выгодной.

В 20-е гг. XIX г. в условиях экономического и социального кризиса выросли цены на землю. Один из наблюдателей заметил в 1848 г.: «Взгляните на всю страну от Форта Августа до Форта Вильяма, заселенную богатыми английскими капиталистами...». Земли продавались на аукционах по ценам, которые были на несколько порядков выше начальных. Глентрон в Баденоке в 1835 г. было продано преуспевающему Бристольскому западноиндийскому торговцу Генри Байли за 7350 ф.ст., на две тысячи больше от начальной цены⁴⁷.

⁴⁷ Devine T.M. Op. cit. P. 122.

Однако годовые доходы даже самых преуспевающих поместий редко превышали 2,5–3,5 % в год от собственной стоимости. Это скорее был не источник дохода, а инвестиция в безопасность, своеобразный страховой фонд. Мелкие поместья, порой не посещаемые их хозяевами по несколько лет, находились в кризисе и подавно⁴⁸. В середине века только овцеводство давало относительно стабильный доход, а цены на шерсть с 40-х по 70-е гг. постоянно росли.

В этих условиях отсутствие необходимости содержать большое количество крестьян приводило к массовому сгону их с земли, к тому, что получило название «хайлендерские чистки», легшие в основу масштабной эмиграции. Большая часть горцев уезжала в Новый свет из-за экономических возможностей, открываемых там. Хотя Дж. Бамстед, современный исследователь, считает, что эмиграция 1770–1815 гг. была не результатом начавшихся «чисток», а скорее попыткой клансменов сохранить устоявшиеся традиции и социальную культуру, перенеся ее на новое место.

Те же, кто остался у себя на родине, попадали в очень сложное экономическое положение, становясь объектом многочисленных экспериментов по «улучшениям».

Относительно дешевые, по сравнению с остальной Британией, хайлендерские земли, в случае реформы их управления и экономических преобразований, могли стать источником дохода и страховым фондом, и те, у кого была возможность, скупали их, превращая в огромные пастбища. Гордон Клани, инвестировавший огромные капиталы в хайлендерские земли, к моменту своей смерти являлся обладателем земельной собственности на сумму от двух до трех миллионов ф.ст.⁴⁹ Таких примеров можно назвать несколько, хотя это и не было общей тенденцией.

В середине XIX в. произошло и открытие северо-шотландского региона для туристов, что в значительной степени стало результатом романтической революции, нового интереса к природе и дикости, которая стала рассматриваться как романтика, с которой связывались легенды и традиционные придания. Западный Хайленд обретает романтические чары и становится регионом, где возможна гармония природы и человеческого духа. В эти годы

⁴⁸ Gaskell P. *Morvern Transformed*. Cambridge, 1968. P. 37–46.

⁴⁹ Devine T.M. *Op. cit.* P. 126.

Горная Шотландия становится главным центром спортивной охоты, рыбной ловли.

Развитие туризма приводит к революции в средствах коммуникации, что, в свою очередь, ведет к притоку уже среднего класса туристов, а не только выходцев из высшего общества. И уже с 60-х гг. в Хайленде наблюдается резкий рост цен на земли. Во второй половине XIX в. 60 % земель занимали поместья, чьими хозяевами не были урожденные хайлендеры. Строительство дорог и коммуникаций, таким образом, способствовало интеграции региона в британскую систему хозяйственных связей, и носителями такой связи являлись учителя, полицейские, почтальоны и т.д., что в конечном итоге оказывалось чрезвычайно важным для формирования идеи общей британской идентичности⁵⁰.

Результатом реструктуризации сельскохозяйственного сектора региона стало то, что Э. Хобсбаум назвал «тремя столпами индустриализма», выходящими далеко за пределы самого сельского хозяйства. Во-первых, увеличилась производительность земли, и стало возможным прокормить большое промышленное население города. Во-вторых, огромная масса сельского населения была превращена в свободную подвижную наемную силу в целях удовлетворения потребностей несельскохозяйственного производства. И, наконец, сильно возрос внутренний рынок сбыта для промышленных товаров.

Модернизация Хайленда и островов заключалась во введении новых методов управления и новой системы хозяйствования путем замены устаревших и «антикварных» механизмов, характерных для тех отношений, которые уходили в прошлое. История этой модернизации – это не просто история жадных лендлордов, стремившихся к обогащению ценой разрушения старой архаической системы. Те, кто осуществлял преобразования, не стремились к искоренению прежних отношений, но логика модернизации такова, что ради нового приходится жертвовать старым.

Тем не менее это не была революция, в том смысле, что изменения были подготовлены задолго до XIX в., когда процесс преобразований вступил в решающую стадию. Трансформация системы взаимоотношений была заметана уже на исходе средневеко-

⁵⁰ Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Program, Myth, Reality. Cambridge, 1992. P. 80–81.

вья, когда под воздействием извне стали внедряться права собственности, взамен клановой принадлежности, и новые экономические ценности заимствовались из Лоуленда и Англии.

Особенностью процесса модернизации хозяйства было то, что осуществлялся он с опорой на родовые институты общества, которые, хотя и подверглись значительной трансформации, все же не были до конца уничтожены. Патриархальная социальная структура как бы совместилась с новыми слоями общества. Клан показал себя крайне жизнеспособным организмом.

Все эти факты, с другой стороны, свидетельствуют о двух важных вещах. Во-первых, историку, очевидно, нельзя ограничиваться эволюционной моделью исследования, сводящей все к замене старых явлений жизни новыми, к использованию категорий «устаревшие», «отжившие», «переходные» или, наоборот, «новые» и «прогрессивные». Некоторые явления социокультурной жизни не только сохраняют свою жизнеспособность на протяжении многих поколений, но и способны возрождаться в новых исторических условиях, принимая иные формы, по-прежнему играя важную роль в процессе формирования идентичности. А во-вторых, не стоит считать, что действующие лица «исторической драмы» всего лишь пассивные заложники обстоятельств, в которых их поставило провидение. Они активные актеры в этом спектакле, который мы называем прошлое. Другое дело, что мы, исследователи, обладая достоверной, на наш «просвещенный» взгляд, информацией о том, куда же привело это прошлое наш объект изучения, решаем, что было важно и кто был прав, отмечая ненужное, опять же наш собственный взгляд, забывая при этом, что сами люди прошлого способны были не только обладать различными взглядами и представлениями, но и манипулировать ими в сложных и полифоничных структурах прошлого, формируя свои модели экономического, и не только, поведения.

IV

ВНЕШНИЙ ФАКТОР: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

- ◆ Формирование идеологических основ хайлендерской политики
- ◆ Политика шотландской короны в Горной Шотландии в раннее Новое время
- ◆ Трансформация системы управления

Формирование идеологических основ хайлендерской политики

Факт абсолютно изолированного существования какого-либо сообщества, особенно в период Нового времени, является, пожалуй, исключением во всемирной истории. В Шотландии потребность в завершении объединения страны диктовала необходимость более активной хайлендерской политики, направленной на включение горных районов в механизм функционирования общегосударственной общественной системы. При этом основная сложность, с которой столкнулась и которую прекрасно осознавала шотландская корона, заключалась в значительной разнице уровней развития сообщества равнинной Шотландии и горцев.

Более того, поскольку хайлендерское сообщество неизбежно являлось источником не только шотландских внутриполитических сложностей, но и всех общественных противоречий, в том числе и между Англией и Шотландией, то изображение жителей севера исключительно в виде дикарей стало одним из направлений политической мысли Европы в целом и Британии, в частности. Ввиду того, что, согласно представлениям европейцев того времени, прийти с севера, означало – прийти из весьма сомнительного, далекого от культуры места¹, горское сообщество Шотландии представлялось детерминированным поведением хищных

¹ *Williamson Arthur H. Scots, Indians and Empire: The Scottish Politics of civilization 1519–1609 // Past and Present. 1996. № 150. P. 42.*

жителей северных гор, лесов, одиноких островов, управляемых посредством догосударственных военизированных структур во главе с дикими вождями. Источники часто рисуют хайлендеров как грубых, воровливых, никогда не работающих бездельников («will never wirk»). И все же, несмотря на то, что в течение XV–XVI вв. хайлендерский вопрос порой довольно остро вставал на повестке дня, горцы Северной Шотландии представлялись как своего рода «незавершенное творение божье», а в их природе, по мнению Александра Монтгомери – одного из наиболее почитаемых при дворе Джеймса VI поэтов, были «смешаны конский навоз и божий промысел»².

Несомненно, что одним из факторов, способствующих разделению жителей горной и равнинной Шотландии, было различное их этническое происхождение. Горцы, по этнической принадлежности – гэллы, в отличие от лоулендеров – скоттов, ассоциировались с дошотландским населением и считались своеобразным пережитком.

Представления об особенностях развития горских народов нашли свое отражение даже в художественных произведениях того периода. Одно из них – так называемый «Элефант Тэпестри» – карикатура, на которой шотландцы вместе с маврами и представителями других экзотических для европейцев народов якобы селят слона. Среди осаждающих пара ирландцев, обнаженные пикты, покрытые капюшонами эскимосы и едва ли не полностью обнаженные хайлендеры³. На другом изображении времен Тридцатилетней войны представлены дикие ливонец, лапландец, а также шотландец, мчащиеся из северных лесов, грабящие и расхищающие все вокруг (см. карикатуру). Очевидно, эти фигуры, по мнению авторов произведения, должны были напоминать далеких от государственного и в целом цивилизованного развития, все еще существующих варваров Европы. Их дикое, лесное происхождение символизируется на карикатуре ветвями, торчащими из одежды каждого из них, за исключением лапландца, шествующего босиком и изображенного с листьями во рту, что говорит о его дикости и должно показать наиболее варварскую природу последнего. У ливонца, который изображен верхом на диком олене, ветка прикреплена к головному убору, у шотландца – к его

² Poems of Alexander Montgomery. Edinb., 1887. P. 280–281.

³ Williamson Arthur H. Op. cit. P. 49.

Карикатура начала XVII в. Жители северных регионов Европы

ранцу. Последний, хотя и обут, имеет чрезвычайно дикий вид, поскольку одежда его состоит из одних лишь шкур.

Подобные произведения, очевидно, свидетельствуют не только о том, каким образом представлялись некоторые традиционные народы, проживающие на территории Европы, своим более развитым современникам. Более интересно то, что в этих взглядах присутствует первая попытка осмысления причин такого отставания, связанных с особенностями природно-климатических условий, в которых функционировали эти социальные организмы. Аналогичные представления о жителях северных территорий, как представляется, были характерны для многих европейских народов.

По мнению ряда авторов, семантическое наполнение термина «север» не всегда соответствовало его географическому содержанию и чаще зависело от контекста, в котором слово использовалось⁴. Исландцы, как показывают исследования, использовали два типа ориентации – «ближнюю» и «дальнюю». Первая – это собственно географическая, основанная на визуальной оценке, как правило, по наблюдениям за небесными светилами. «Дальняя» же – это ориентация, выражаемая в терминах цели или, по словам исследователя скандинавской системы ориентации, «неправильный тип», то есть несоответствующий реальным географическим ориентирам⁵. Характерно, кроме того, что в картине мира скандинавов особенно значимы были не статические обозначения сторон света, а направления движения (уйти на юг, прийти с севера и т.д.). Учитывая сакральное значение солнца в жизни североευропейских народов, а также тот факт, что Шотландия, особенно ее северная часть и острова, соседствовала со Скандинавией, понятным становится факт настороженного, в лучшем случае, отношения к выходцам из северных территорий.

Правда, уже Джордж Бьюканан свои «Диалоги» начинает с попытки изгнать из человеческого сознания идею о том, что люди также далеки от литературы, культуры и других интеллектуальных достижений своего времени, как они далеки от солнца, и что хотя природа и наделила африканцев и египтян, а также большое количество других народов живым умом, огромной психологической энергией, она приговорила этих «нелюдей» быть неспо-

⁴ Джаксон Т.Н. К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. № 60.

⁵ Там же. С. 259.

собными к достижению «добродетели и процветания»⁶. В подтверждение этого своего тезиса Бьюканан говорит о том, что не все жители севера Шотландии столь далеки от культурного развития, а в их среде можно выделить две большие группы. Разделение хайлендеров на две части, одна из которых ведет производящее хозяйство и способна подчиняться законам, а представители другой живут лишь за счет грабежа, не является заслугой Бьюканана или Мэйджора. Еще хроникер XIV в., Джон Фордун, делает различие между этими двумя категориями населения Хайленда, называя одних «дикими скоттами» («wild Scots»), а других – «горцами, ведущими хозяйство» («domesticatea»)⁷.

Таким образом, задолго до Мэйджора и Бьюканана были описаны два пути развития, характеризующие социально-культурные типы на территории Горной Шотландии, в эпоху развитого средневековья, и что, возможно, еще более важно, эта разница связывалась с языковым различием, поскольку особое внимание обращалось на то, что жители гор говорят на мало кому понятном ирландском диалекте.

Хайлендеры и люди островов «дикая, неподдающаяся приручению нация, неотесанная и независимая, ...в среде которых существует свободная любовь», сильно отличаются от жителей юга Шотландии, описываемых в «Хронике шотландских родов» Джоханиса де Фордуна как «семейные трудяги, доверчивые, послушные и высокоразвитые»⁸. Хотя Мэйджор продолжил традицию Фордуна в описании двух культур, существует глубокое различие между ними. Фордун мог бы еще говорить о хайлендерах как о «верных и преданных своему королю и стране и легко подчиняющихся закону, если он справедлив»⁹. Иными словами, хроникер делал акцент на принципиальную возможность введения горцев в лоно цивилизации в том случае, если в их отношении будет проводиться справедливая политика со стороны шотландских монархов. Для Мэйджора же развитие двух регионов Шотландии стало несопоставимо, рационализировано и, в первую очередь, из-за различия в природно-климатических условиях их существования. И

⁶ Buchanan G. De iure regni apud Scotos: dialogues / Trans. D.H. Macneill. Glasgow, 1964. P. 15.

⁷ Fordun Johannis de. Chronica gentis Scotorum / Ed. by W.F. Skene. 2 vol. Edinb., 1871–1872. P. 24.

⁸ Williamson Arthur H. Op. cit. P. 61.

⁹ Ibid. P. 61.

второе, пожалуй, еще более важное отличие между взглядами Джоханиса Фордуна, писавшего в XIV в., и Джона Мейджора или Джорджа Бьюканана, творивших в XVI и XVII вв., соответственно. Если первый рассуждает в категориях нравственных, этических, то есть обращает внимание на поведенческие отличия, различия в культуре, образе жизни, традициях и т.д., то его последователи, дабы показать отставание хайлендеров, пользуются уже примерами из экономической жизни, говорят об отставании в хозяйственном развитии, именно в них видя основной фактор, объясняющий особый механизм развития горского сообщества. Именно отличия в образе жизни и механизме хозяйствования дало основание Джорджу Бьюканану, считающемуся основоположником шотландской политической мысли эпохи Нового времени, выделявшему в человеческой природе два начала – животное тело и духовный разум, говорить о преобладании первой составляющей в натуре шотландских горцев и, соответственно, сделать вывод об отставании горцев в их цивилизационном развитии¹⁰.

Позже, ссылаясь на своих предшественников, Бьюканан особо акцентирует внимание на взглядах Мейджора, приходящего к выводу, что те горцы, кто владеет достаточной собственностью в виде живого инвентаря и боится его утратить, «более охотно подвергаясь суду закона и короля», могут быть подчинены, даже если они не живут «согласно разуму»¹¹.

Мейджор, считавший варварство неизбежным, представлял его в виде «бахромы» по краям шотландской государственности. Оно создавало многочисленные проблемы и опасности для государства, более того, ситуация осложнялась тем, что для хайлендерской элиты, по словам Мейджора, был характерен так называемый «*viros malos*» – вирус самодостаточности. Эта болезнь могла распространиться и на равнинные территории Шотландии, поскольку постоянно обитала у ее стен. Следовательно, заключает Мейджор, хайлендерская линия не совпадает с естественной границей Горной Шотландии, и горская проблема, хотя и в меньшей степени, характерна и для Лоуленда¹².

¹⁰ Masson Roger A. *Rex Stoicus: George Buchanan, James VI and the Scottish Polity // New Perspectives of the Politics and Culture of Early Modern Scotland*. Edinb., 1996. P. 17.

¹¹ Williamson Arthur H. *Op. cit.* P. 60.

¹² *Ibid.* P. 64.

Хотя ни Мэйджор, ни, позже, Бьюканан никогда не заявляли этого ясно, сложно предположить, как в данном случае кроме политики истребления можно было приручить горцев. Очевидно, что хайлендеры являлись постоянным источником проблем в политике Шотландии, поскольку даже, несмотря на то, что в их среде существует разделение на две группы, их вожди всегда «плохие люди», согласно мнению лоулендеров. Однако Мэйджор идет еще дальше и говорит о том, что существовала постоянная опасность вторжения хайлендеров (варваров), вторжения которому можно сопротивляться лишь с большим трудом¹³. Не идеализируя состояние развития равнинной Шотландии и Англии, где также существуют войны, династические распри и прочие конфликты, он заявляет, что южные сообщества способны к социальной динамике, и это является их основным отличием от жителей горных районов.

Несмотря на то, что люди юга не возделывают полей и могут использовать оружие для защиты себя и своих семей, являясь хорошими солдатами, они изначально обладают определенным, довольно высоким культурным уровнем, а главное, они покорны и услужливы. По словам Мэйджора, таких людей можно назвать фермерами (*agricolae*). Они могут отстаивать свои политические интересы и, порой, довольно жестко претендуют на обладание автономией суда и моральной, и физической силой, приводя зачастую эту автономию в действие. Иными словами, и северные, и южные народы воинственны, но как бы то ни было южане, в отличие от жителей северных территорий, способны привить себе государственную власть, в то время как север абсолютно не этатичен¹⁴.

Несмотря на то, что кланы древней Шотландии, пишет Бьюканан, имея при этом в виду государство времен Дэвида II, являлись источником дезорганизации и беззакония, из-за постоянно творимой ими вражды, поскольку, когда во всей Шотландии уже наступил мир, хайлендеры все еще носили оружие и воевали не только с такими же дикарями и варварами, как они сами, но и совершали набеги на соседние земли, лорд Аргайл в XVI в. является таким же источником проблем для Шотландии, как и гор-

¹³ *Major John. A History of Greater Britain* (1521), editor and translator Archibald Constabl (Scottish History Society, 1892) // Donaldson G. *Scottish Historical Documents*. Scottish academic Press. 1970. P. 49.

¹⁴ *Williamson Arthur H.* Op. cit. P. 62.

цы¹⁵. Таким образом, Бьюканан был первым, кто попытался отыскать корни горской проблемы не только в общественной системе жителей Севера, но и в хайлендерской политике шотландских правителей, считая при этом одним из неперенных условий урегулирования ситуации в горах, продуманные, по отношению к горцам, действия, которые бы учитывали историческую специфику развития региона.

Для Бьюканана, применяющего для описания и объяснения многих явлений, в том числе и процесса становления шотландской государственности, этико-моральные категории, в удачливом короле, в первую очередь, воплощалось гражданское достоинство, справедливость и мудрость. Этого и должны были требовать от него подданные. Выступая сторонником ограниченной монархии, идеализируя римскую республику, Бьюканан мог скорее переоценить патриархальные родовые структуры Хайленда, нежели недооценить их; варварские племена севера у него должны были бы стать патриотическими элементами. Характерно, что Бьюканан не пытается говорить о какой-то уникальности Хайленда, и хотя автор довольно резко отзывается о Шотландии, она все же, по его мнению, является частью европейской цивилизации. И более того, мыслитель постоянно сравнивает классическую античную добродетель, являвшуюся, по его мнению, основой цивилизации, и варварскую Шотландию¹⁶.

Наиболее последовательным учеником Мэйджора и Бьюканана стал Джеймс VI. С одной стороны, он в своей политике был более классичен чем Мэйджор, подвергаясь влиянию Джорджа Бьюканана, а с другой – более ясен и недвусмысленен. Его частые апелляции к естественному праву и «справедливому закону свободной монархии» были более грубыми и примитивными, но в то же время более действенными. Он представлял свое королевство в виде империи Константина Великого и других христианских императоров, о которых Мэйджор имел слабое представление. Король, конечно, не пытался вообразить держателей и свободных владельцев в виде римских солдат-граждан. Однако Джеймс настаивал, что гражданское чувство было жизненной основой королевства, залогом жизнеспособности Британской монархии.

¹⁵ *Buchanan G. History of Scotland / Trans. by J. Aikman. 4 vol. Edinb., 1827.*

¹⁶ *Ibid.*

Еще на исходе правления Генриха VII импульсы англо-шотландской унии, т.е. стремление к великой и имперской Британии, часто вызывали в памяти образ Константина Великого. Обращалось внимание на то, что первый христианский император Константин уничтожил сатанинское общественное царство и, основав истинную церковь, тем самым заложил основы христианского общества. Представления о становлении Британии из позднеримской империи являлись как бы указателем развития для современного Джеймсу общества. Более того, эти представления легли в основу идеи Великой Британии, с особым англоцентристским уклоном. В этих условиях многие вспоминали и о том, что Брут, бежавший из Трои, был эллинским завоевателем, основавшим Британию¹⁷.

Часть образованных шотландцев смотрели в сторону императорского Рима, империи времен Константина или Августа. Но удивительно большое число интеллектуалов изучали и историю республиканского Рима периода, о котором писал Тит Ливий. Гектор Бес был первым из шотландцев, кто обратил внимание и описал преимущества Рима периода республики. После этого Джон Белленден перевел Ливия для Джеймса V¹⁸, а Джордж Бьюканан ежедневно читал избранные места из Ливия для королевы Марии.

Самому Джеймсу VI идея империи, римской или британской, и в особенности ее социальная структура, была, по-видимому, чужда, о чем свидетельствуют его полные презрения отзывы о колонистах Индии или Америки, которых он описывает в своем «Обвинительном слове табаку», составленном в 1604 г., вслед за Бьюкананом, с трудом разделяющим даже энтузиазм Джеймса VI относительно экономических выгод освоения островов¹⁹. И менее всего, очевидно, он рассматривал Хайленд как колонию Шотландии, хотя, пытаясь, сравнивая и сопоставляя свое королевство с другими государствами, определить место Британии в историческом контексте и в мировом сообществе Джеймс VI в трактате «Обвинительное слово табаку» выделил следующие социальные категории населения Индии, сопоставив их с хайлендерскими категориями населения: варвары, звереподобные дикари, безбожники и наиболее примечательная категория – рабы. Подобные

¹⁷ *Williamson Arthur H.* Op. cit. P. 64.

¹⁸ *Ibid.* P. 69.

¹⁹ *Ibid.* P. 79.

официальные заявления короны привели к приписыванию «варварских и отвратительных форм проживания современному населению Хайленда, которое не известно ни Богу, ни королю, живущему в бедности, и безбожии, в неистовых преступлениях кровной мести». Будучи в особо свирепом расположении духа, король называл горцев «варварскими каннибалами», а их образ жизни характеризовал как «сладострастный» или «похотливый», сопоставляя их культуру, образ жизни и поведение с нравами наименее развитых народов Америки – некоторые факты говорили монарху о справедливости такого сравнения. Эти утверждения стали предпосылкой для десятилетних усилий по установлению королевской власти и законов в этих районах.

Одним из реальных оснований для утверждения о необходимости вмешательства в «варварскую» жизнь хайлендеров было господство там частного права, о чем свидетельствуют сохранившиеся около восьмисот соглашений, датируемых XVI в. и содержащих договоры о защите и покровительстве между людьми разного и одинакового общественного статуса²⁰. Взаимные обязательства субъектов этих соглашений свидетельствуют о господстве частного права.

Несмотря на то, что к XVI в. в Шотландии уже оформляется правовая система, содержащая в своей основе нормы публичного права, Хайленд все еще оставался в сфере господства частноправовых отношений. Ситуацию значительно усугубляло то, что шотландское общество представляло собой социальный организм, в рамках которого активно функционировал и находил питательную почву обычай кровной мести. Именно столкновение частного и общественного права лежало в основе многих хайлендерских противоречий. Кровная месть или некоторые ее формы, которые были неотъемлемым элементом частного права, сохранялись в XVI–XVII вв. во многих частях Европы. В Хайленде же существовал целый ряд специальных категорий, относящихся к кровной вражде и обозначающих особые случаи, за которые полагалась месть. Гэльское слово «colpínach» (досл. – «теленки») обозначало любую компенсацию за что-либо, ответ на какое-либо социальное действие, возмещение в широком смысле. Залог, ко-

²⁰ *Wormald J. Bloodfeud, kindred and Government in early modern Scotland // Past and Present. 1980. № 87. P. 57–58.*

торый следовало возвратить, назывался «culreach», а компенсация человеку, чья жена была изнасилована лордом, — «enach»²¹. Это наиболее часто встречаемые в источниках категории кровной мести, распространенные в XVI–XVII вв. и не фиксируемые в предшествующий период.

Характерно, что в Хайленде теленок или овца, обозначавшие возмещение в целом, являлись теми животными, которые наиболее часто использовались в процессе редистрибутивного обмена. Иными словами, категория «возмещения», связанная с кровной местью, близка по своему семантическому значению к категории «обмена», являвшегося одной из основных частей северо-шотландской хозяйственной системы. Точно также как дающий, принимающий участие в процессе дарообмена повышал свой социальный статус, так и мстящий, отвечающий на какое-либо социальное действие, направленное против него, лишь выполнял традиционные социокультурные нормы.

Компаративистика демонстрирует, что факт преобладания частноправовых отношений, действительно, в большинстве случаев приводил к конфронтации и развитию института кровной мести. В уже упоминавшейся Исландии подобные отношения выражались, прежде всего, в обязанности поддержки, причем они ничем не напоминали «святые узы» феодального вассалитета или германскую модель «опоры господину»²².

Исследователи прослеживают прочную связь между социальными отношениями в патриархальном обществе и возникновением института кровной мести, обращая внимание на целый ряд специальных терминов и вскрывая их семантический статус. Интересно, что родство в рамках скандинавского общества стало «предметом разговора о правах и обязанностях, оно обнажает суть претензий людей друг к другу, существующих форм солидарности, «взаимных обязательств»²³. Иначе говоря, категория «родства» — это фиктивная категория, основанная не на кровных связях, а скорее на осознании групповой солидарности, подразуме-

²¹ *Wormald J.* Op. cit. P. 57–58.

²² *Бромберг Д.Э.* Рец. на кн. Миллер В.И. Кровная месть и примирение. Чикаго // Культура и общество в средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998. С. 198.

²³ Там же. С. 202.

вающей обязанности и договоренности, которые были инструментом для создания сети поддержки.

Кланы представляли собой коллективы, во многом лишь номинально ведущие происхождение от общего предка. «Полное родство», таким образом, являлось мифом, культивируемым главами кланов в целях сохранения военного могущества. В этих условиях поддержка могла оказываться не только непосредственным родственникам, но и лицам, лишь номинально входящим в родовой коллектив. И, наоборот, в изучаемый период в источниках зафиксировано несколько случаев, когда разворачивалась кровная вражда между прямыми родственниками, в том числе и между отцом и сыном²⁴.

В соглашениях о покровительстве и защите, как правило, указывались условия совместных действий против общего противника, санкции против того, кто откажется признать власть своего покровителя или нарушит условия договора. В 1576 г. Колин, граф Аргайл, в своем соглашении с Вильямом, графом Гленкарном и Джоном, графом Маром в 1578 г. отметил пункт, согласно которому, если между их сторонниками, родственниками или друзьями произойдет какой-либо спор, то это не должно нарушить заключенное между ними соглашение, а, наоборот, способствовать их консолидации в целях раскрытия преступления²⁵. Факт преобладания частноправовых отношений ставил человека в зависимость не от полномочий центрального правительства или законов, а от власти местного правителя и своего места в иерархической структуре общества.

Убежденный в том, что уничтожение «варварства», всеобщей вражды, вместе с тем насаждение духа гражданства ведет к развитию торговли и экономики в целом, но в то же время, обращая внимание на невозможность превращения островитян или хайлендеров в рабов, Джеймс считал, что служение должно было стать обязательным атрибутом их жизни, поскольку лишённые духа общественности они усложняли для Шотландии проблему безопасности, стабильности и свободы.

Временами Джеймсу VI казалось, что эта проблема охватывала все его королевство: несмотря на то, что опасность варварства

²⁴ *Wormald J.* Op. cit. P. 62.

²⁵ *Ibid.* P. 72.

и родового соперничества существовала «исключительно в Пограничье и в Хайленде», это тем не менее определяло всю политическую жизнь Шотландии и дискредитировало королевство в глазах остального цивилизованного мира. В соответствие с этим Джеймс вынужден был пойти на преобразования в нашем «давно расстроеном государстве», основным содержанием реформ было уничтожение родовых связей и «удаление корня беспорядков и кровавых раздоров внутри нашего королевства, варварства, которое лишь в этой стране получило столь широкое распространение, как зло неизвестное и неназванное ни в одной стране мира»²⁶.

Таким образом, в XVI – начале XVII вв. хайлендерский вопрос, являясь одной из острейших проблем шотландского королевства, находил отклики в самых различных слоях шотландского и английского общества. Важность его определялась как объективно сложившимися тенденциями исторического развития Горной Шотландии, во многом разнившимся с существовавшей общественной системой южных регионов государства, так и отношением современников и особенно шотландских интеллектуалов к жителям севера. Именно эти взгляды, выражаемые, как правило, в категориях нравственно-этических, сыграли решающую роль в формировании хайлендерской политики шотландских монархов и послужили основанием для так называемой политики «цивилизования» горных районов страны.

²⁶ *Williamson Arthur H. Op. cit. P. 64.*

Политика шотландской короны в Горной Шотландии в раннее Новое время

Н а протяжении XVI–XVII вв. шотландская монархия, ясно осознавая масштабы грозящей с Севера опасности, предпринимала целый ряд попыток в целях обеспечения порядка в северных и северо-западных пределах королевства. В хайлендерской политике шотландским монархов, исходя из степени ее интенсивности, заинтересованности королей в решении хайлендерского вопроса и тех мер, которые для этого предпринимались, можно выделить ряд этапов.

Первый период, хронологически ограниченный 1493–1567 гг., включает в себя время правления Джеймса IV и Джеймса V, вплоть до восшествия на престол Джеймса VI. Усилиями первого из них было разрушено государство Лордов Островов, что собственно и послужило толчком для тех общественных процессов, которыми определяется развитие Хайленда изучаемого периода.

Рубеж XVI–XVII вв., по мнению ряда авторов, стал наиболее острым периодом в существовании хайлендерской общественной системы. Лордство Островов, разрушенное в 1493 г., имело в своем составе особые рычаги регулирования общественных, в том числе и межклановых, отношений, утраченные с его падением. Возник своеобразный вакуум власти, следствием которого стали межклановые стычки, еще более усугубляемые характерным для горского общества низким уровнем развития производства и постоянным вмешательством короны в общественную жизнь северо-шотландского сообщества²⁷. Теперь мо-

²⁷ Donaldson G. Scotland: The Shaping of a Nation. L., 1993. P. 162.

нархии Шотландии, борясь, с одной стороны, с кланом Доналдов, который сумел сплотить под своим управлением целый ряд традиционно связанных с ним родовых организмов, таких, например, как разные ветви клана Маклеодов, а с другой – озабоченные проблемой включения Хайленда в сферу государственного суверенитета, предпринимают отчаянные попытки решить горскую проблему. Парламент Шотландии констатировал, что «огромные беспорядки творятся в северных и западных частях королевства»²⁸. Несмотря на то, что горные территории находились под контролем ряда шерифств, таких как Инвернесс и Дангуолл, а в правление Джеймса V были образованы новые – Росс и Катнесс, система управления хайлендерскими территориями была все же мало эффективна.

Будучи уверенным, что именно государство Лордов Островов являлось источником неповиновения в северных пределах королевства, и рассчитывая в результате его падения распространить королевскую власть на всей территории Шотландии, Джеймс IV только за период 90-х гг. шесть раз посещает Хайленд – в 1493, 1494, 1495 гг., и затем в марте, мае и августе 1498 г., в результате этих поездок королевские гарнизоны были оставлены в Тарберте, Минтарне и в Даневерте²⁹. Кроме того, возможно, именно тогда река Клайд была сделана базой королевского военно-морского флота, как это было в правление Роберта I. Во время своих визитов король подтвердил право владения большинством территорий бывших подданных Лордов Островов и даже возвел в рыцарское звание нескольких представителей клана Доналдов.

Авторитет Джеймса, однако, был значительно подорван, когда тот начал политику так называемый «отмен», в результате которой были аннулированы все дарения, сделанные в период его малолетства. Справедливым представляется мнение ряда шотландских исследователей, которые при оценке деятельности Джеймса IV в целом и его хайлендерской политики, в частности, обращают внимание на тот факт, что именно он стал первым шотландским правителем, который, осознавая, что именно контроль вождей над территориями является основой хайлендерского сепаратизма, взял на вооружение политику лишения лидеров горских кланов их права

²⁸ Grant I.F., Cheape H. Periods in the Highland History. L., 1987. P. 162.

²⁹ Bingham C. Beyond the Highland Line. Highland History and Culture. L., 1995. P. 104.

опеки над клановыми землями, как неперемнное условие формирования прочной королевской власти на севере страны³⁰. Демонстрируя свою готовность решительно отстаивать интересы короны в Хайленде, Джеймс пошел даже на казнь в 1499 г. Джона Мора Давината и его юного сына, обвиненных в подстрекательстве к мятежу. Это – довольно неординарное для тех лет событие, которое не добавило популярности королю, однако послужило свидетельством того, что Север рассматривается как часть шотландского королевства, и время когда корона мирилась с проявлениями неповиновения в этом регионе уходит в прошлое.

С начала XVI в. вопросы внешней политики потребовали более пристального внимания монарха. И дабы осуществлять контроль над развитием ситуации в горных районах страны в 1500 г. третий граф Аргайл, представитель клана Кемпбелл, был назначен Джеймсом Лейтенантом островов и западной части Хайленда. Годом позже третий граф Хантли получил аналогичные полномочия, распространявшиеся на восточные территории Северной Шотландии. Оба они должны были являться проводниками королевской политики и усмирять, в том числе и силой оружия, непокорных горцев. Два этих шотландских аристократа выполняли свои обязанности до 1529 и 1524 гг., соответственно, являясь наместниками Джеймса IV весь период его правления и, более того, в период малолетства Джеймса V, достигшего совершеннолетия в 1528 г.

Новый монарх снискал себе славу свирепого тирана, правившего не столько в соответствии с традицией и законом, сколько по собственному усмотрению. Джордж Бьюканан, автор «Истории Шотландии», которая должна была служить своеобразной инструкцией по управлению для внука Джеймса V – Джеймса VI, свидетельствовал, что король «мог бы проводить на лошади день и ночь, в самую холодную погоду; он мог захватить ничего не подозревающих разбойников в самом их логове и всю свою деятельность направлял против них»³¹. По свидетельству историков, характерной чертой характера Джеймса V была его прямолинейность и приверженность силовым методам в решении проблем. Менее всего этот король был дипломатом, распространяя свои политические методы и на Хайленд, который требовал бо-

³⁰ Bingham C. Op. cit.

³¹ Ibid. P. 105.

лее тонкого к себе подхода. Основой проблемой Северной Шотландии Джеймс V, как и его отец, считал отсутствие там эффективных законов, способных стать действенными рычагами управления в этом регионе. Поэтому одним из первых его мероприятий в качестве монарха, направленных на решение горской проблемы, стали так называемые «Письма Огня и Меча», адресованные сводному брату короля Джеймсу, графу Моррею, и некоторым другим вождям, в том числе и Маккензи, которые были уполномочены вести войну против клана Чаттанов, в ходе которой большая часть населения Макинтошей была переселена на Шетландские острова или в Норвегию. Это, как отмечают исследователи, лишь один из примеров деятельности комиссии «Огня и Меча», которая время от времени, используя верных королю вождей, возобновляла свою работу и умиряла непокорные кланы. В своих действиях комиссия опиралась на верные короне кланы, которые, как правило, вознаграждались за свою деятельность пожалованными короной в условное владение землями. Данная тенденция развития привнесла в общественное развитие Горной Шотландии лишь новое противоречие. Если ранее основой хайлендерских беспорядков была лишь борьба за исконные земли проживания того или иного клана, то теперь конфликты все чаще и чаще стали возникать из-за территорий исторического проживания кланов, на которые имелись королевские грамоты у вождей другого родового организма

Однако в определенных вопросах Джеймсу не была чужда политическая гибкость. После смерти третьего графа Аргайла в 1529 г. монарх все же прислушался к доводам Александра Макдоналда, утверждавшего, что политика Кемпбеллов принесла лишь разлад и беззаконие в Хайленд, и в целях нормализации отношений на Севере необходимы более мягкие и дипломатичные действия. В 1531 г. четвертый граф Аргайл предстал перед Тайным советом, дабы держать отчет по ряду обвинений против него. Джеймс вынужден был поверить Александру Макдоналду, который на время опалы и заключения под стражу Аргайла в течение нескольких лет даже возглавлял «Лейтенантскую комиссию».

Очередное восстание на севере, на этот раз под предводительством Доналда Горма Смита в 1539 г., вынудило Джеймса V отправиться в поездку по северным частям Шотландии в 1540 г., в ходе которой он посетил Оркней, Западные острова, Льюис и Харрис, Скай, Колл, Тайри и Малл, Аррак и Вьюг. Среди зе-

мель, в которых побывал Джеймс, был целый ряд территорий, впервые посещенных столь высоким гостем. Однако бескомпромиссный характер поведения монарха проявился и здесь. Вожди, пришедшие приветствовать короля, были взяты в качестве заложников и увезены прочь вместе с сопровождающими их клансменами. Столь вероломный акт несколько не добавил популярности и авторитета королю, восстановив против него большую часть Хайленда, в то время как парламент, встречавший короля по его возвращению в столицу, констатировал значительные успехи хайлендерской политики Джеймса.

В целом характерной чертой этого первого периода хайлендерской политики шотландских монархов является то, что короли при решении горской проблемы использовали те же методы, против которых они и боролись, считая их проявлением варварства. Для этого времени свойственно также отсутствие четко разработанной идеологической политики в отношении Хайленда, жители которого виделись лишь как варвары, и борьба против них являлась борьбой против проявлений варварства. При этом, как представляется, абсолютно не было не только цельной программы действий, направленных на подчинение Хайленда, но и четкого обоснования мотивов и целей северо-шотландской политики.

Следующий, второй, этап хайлендерской политики, включает в себя время пребывания Джеймса VI на шотландском престоле (1567–1603). О возросшей роли Хайленда на этом этапе свидетельствуют цифры, что за период 1599–1604 гг. Тайным советом Шотландии было рассмотрено сто тридцать одной дело, так или иначе касающееся проблем северных территорий, в то время как за 1546–1569 гг. – всего шесть дел³². Для этого периода в некоторой степени характерна преемственность с предыдущим этапом, когда делались попытки силой решить стоявшие проблемы и унифицировать систему управления. Однако новой чертой являлось то, что впервые была сделана попытка конструирования идеологического обоснования проникновения шотландской монархии в Хайленд, которая основывалась не только на признании «варварского» уровня развития общественной системы горского сообщества, но и анализе причин и факторов такого отставания.

³² The Register of the Privy Council of Scotland. 14 vol. / Ed. by J.H. Burton. Edinb., 1877. Vol. I; The Register of the Privy Council of Scotland. 14 vol. / Ed. by D. Masson. Edinb., 1884. Vol. V.

В 1578 г., еще в период несовершеннолетия Джеймса VI, в Хайленде произошло сражение, названное «Битва, сжигающих торфяной ров», получившее в Северной Шотландии печальную известность, как одно из самых жестоких и кровопролитных событий. На Трумнане, одном из западных островов, Макдоналды, грабя и уничтожая поселения своих соседей Маклеодов, заперли двери в церкви, находящейся на территории их соперников, и обложив здание ветвями дерна, подожгли его. Все находившиеся внутри погибли в пламени, за исключением одной девочки, которая, выбравшись из огня, подняла тревогу. Вождь Маклеодов повел свои военные отряды на Данвеганскую крепость и, осадив ее, учинил жестокую расправу над Макдоналдами. Трупы воинов, вырезанных в крепости были уложены вдоль рва, поросшего дерном, и подожжены, отсюда произошло и название тех событий. Жестокость Маклеодов, покаравших своих обидчиков, была наказана много лет спустя, когда Макдоналды сожгли церковь в графстве Росс, принадлежавшую их противникам.

Очевидно, что именно это событие оказало решающее воздействие на формирование хайлендерской политики Джеймса, который, осознав масштабы грозящей с севера угрозы, принялся за разработку, в первую очередь, идеологического обоснования политики по отношению к горцам. Неоценимую услугу ему в этом оказал Джордж Бьюканан, благодаря которому у Джеймса сложилось не только относительно верное понимание специфики развития горского сообщества и горской проблемы, но и сформировался план действий относительно Хайленда. Конечно, следует отметить, что эта программа в дальнейшем очень часто корректировалась, зачастую под воздействием сиюминутных обстоятельств, но контуры ее и границы сложились уже окончательно.

Хотя стоит отметить, что у Джеймса VI, имевшего весьма смутное представление о северных границах своего королевства, вопросы и проблемы горских территорий первоначально вызывали весьма относительный интерес. Его наставник Джордж Бьюканан, выходец с Севера, прекрасно владевший гэльским диалектом и знавший культуру этого региона, различал классическое образование и политическую теорию, и деятельность, предпочитая при этом первое. Однако он не познакомил своего ученика с одной из сложнейших проблем, из тех с которыми ему позже пришлось столкнуться, считая, очевидно, что решение ее лежит, скорее в плоскости конкретных политических действий, нежели

теории. В результате Джеймс упустил блестящую возможность ознакомиться с вопросом, что называется, из первых рук.

Бьюканан искренне восхищался дикими нравами и суровым образом жизни горцев, да и своим современникам, придворным короля, он представлялся всего лишь знатным дикарем, что, очевидно, также дает представление о взглядах цивилизованных европейцев, каковыми считали себя сами шотландцы, на горцев, якобы вообще не способных к какому бы то ни было развитию. В то же время еще более чем гэльскую культуру Джордж Бьюканан обожал классическую словесность, и именно это его увлечение со временем возобладало. Свою страсть к классике наставник передал и своему ученику, который с удовольствием усваивал все уроки учителя.

После восшествия Джеймса VI в 1603 г. на английский трон начинается третий этап хайлендерской политики шотландских монархов, когда горская проблема превращается из рядовых вопросов шотландского его правления в одну из самых важных и заботящих короля, наряду с двумя другими – завершением объединения корон, а также окончательным формированием церковной политики. Собственно основная цель монарха в отношении Хайленда пока состояла лишь в том, чтобы распространить сферу действия английских законов на всю территорию шотландского королевства³³. Если, решая задачу унификации законодательства в отношении южных районов Шотландии, король сталкивался с известными трудностями, то в северных ее частях достижение этой цели порой представлялось ему практически невозможным. Кроме того, еще одной характерной чертой этого английского периода правления Джеймса стало то, что в стремлении реализовать свои намерения он переходит ко вполне конкретным действиям, иными словами, если, будучи правителем Шотландии, король был озадачен, главным образом, теоретическим обоснованием распространения королевской власти в Горной Шотландии и рассуждениями о необходимости ее усиления, то теперь, после 1603 г., монарх предпринимает попытки на практике реализовать собственные идеи.

Все расширявшаяся практика угона скота в интересах клановой элиты, взятие заложников с целью получения за них выкупа, грабеж пограничных с Хайлендом территорий – все это вынужда-

³³ Lee M. Great Britain's Solomon: James VI and I in his Three Kingdoms. Chicago, 1990. P. 218.

ло Джеймса VI и его Тайный Совет искать пути решения существующих проблем, идти на контакт с представителями горских кланов, дабы, заручившись их поддержкой, с их помощью и их же руками проводить «цивилизаторскую» политику в Горной Шотландии. Однако, как думается, в основе этих действий по умиротворению Хайленда было заложено одно важное противоречие, которое начало вызревать с началом активного проникновения монархии в Хайленд, а в период правления Джеймса VI достигло своей наивысшей точки. Стремление короны ввести Хайленд в сферу своей юрисдикции, подчинив себе хайлендерских вождей путем подтверждения их права землевладения, неизбежно должно было привести к переделу собственности в горном регионе Шотландии. Преследуя вполне прагматические цели, состоящие в стремлении превратить горцев в лояльных короне подданных, Джеймс все более и более расширял практику дарования хартий и других землевладельческих грамот, что приводило к увеличению пропасти между собственно патриархальной собственностью на определенные территории и владением, подтвержденным или иногда даже пожалованным короной, а значит, условным.

Хайлендерская политика шотландской монархии в период, последующий за унией корон 1603 г., являлась, с одной стороны, более решительной, и подчас, более действенной, а с другой — имела более осторожный, взвешенный и продуманный характер, что, очевидно, можно объяснить довольно серьезным изучением хайлендерского образа жизни, особенностей хозяйственного уклада, обычаев и в целом системы отношений, господствующей там.

С началом реализации намерений Джеймса VI хайлендеры, особенно те из них, кто категорически отказывался принять навязываемую из Эдинбурга общественную систему и культуру, наряду с католиками-папистами, ирландцами и жителями Пограничья, были объявлены врагами короны. В период, предшествующий унии корон, когда монаршая воля на Севере практически полностью воплощалась руками могущественных Аргайлов и Хантли, многочисленные королевские экспедиции, планируемые в 1592, 1596, 1598, 1600 гг. так и остались нереализованными. В дальнейшем же исходя из своего рода политической программы, воплощенной в «Базиликон Дороне», Джеймс, разделивший шотландцев на две группы, представители одной из которых, несмотря на то, что являются варварами, все же испытали на себе некоторое воздействие цивилизации, тогда как другие «со-

вершенно дики, без каких-либо признаков цивилизованности»³⁴, была провозглашена политика, растянувшаяся до 1609 г. «введения в Хайленде и на островах цивилизованного общества». Разделение горцев на две категории, как уже говорилось, не является заслугой Джеймса VI. Но, более того, в своих работах он почти дословно повторяет слова своих предшественников. Стоит только сравнить описание хайлендеров и их образа жизни, данное Джоном Мэйджером в его «Истории Великой Британии», опубликованной в 1521 г., и ту часть Базиликон Дорона, где Джеймс рассуждает о хайлендерской проблеме. В обеих работах мало того, что дается сходное описание горского сообщества, их образа жизни, но выделяются две группы шотландцев – «более и менее нецивилизованные». Не вызывает, таким образом, сомнения, что Джеймс прямо заимствовал для своей работы часть сочинения Дж. Мэйджора.

Рубеж XVI и XVII вв. был ознаменован еще рядом жесточайших межклановых стычек, крупнейшими из которых стали Грюнартская битва, произошедшая в 1598 г. между Маклинами Дюартами и Макдоналдами Данивагами, в результате которой погибли 280 человек из клана Маклинов, и битва при Глен Фруи в 1603 г., во время которой Макгрегоры убили 180 Клкухонов, потеряв при этом лишь двоих воинов. За эту победу, правда, последним пришлось расплачиваться в течение многих лет. Кемпбеллы же, являвшиеся источником политики так называемого «агрессивного феодализма» в Хайленде, использовали все имеющиеся у них ресурсы для подавления Макгрегоров. Интересно, что термин «агрессивный феодализм», довольно часто встречаемый в трудах шотландских историков, как правило, используется, дабы подчеркнуть военный характер северо-шотландского горского общества. При этом под данным явлением в большинстве случаев имеется в виду комплекс мероприятий военного или силового характера, направленных на установление в регионе феодальных норм. Источником «агрессивного феодализма», как становится ясно, являлись графы Аргайлы.

А после 1609 г., когда были изданы Статуты Ионы, кампания против Макгрегоров, являвшихся, по мнению короны, причиной многих столкновений в горах, приобрела особенно ожес-

³⁴ James I. Basilicon Doron // The Political Works of James I. / Ed. by Ch. McIlwain. Oxford, 1918. P. 22.

точный характер. Имена большинства представителей этого клана были занесены в протоколы комиссий «Огня и Меча». Вознаграждение в тысячу фунтов было обещано за головы вождей клана, головы же рядовых членов клана, были оценены в тысячу мерк шотландских денег. Правда, следует отметить, что некоторые рядовые члены клана получили прощение от Тайного Совета, после того как предоставили Лордам Совета информацию о своих сподвижниках. Хотя стоит, наверное, согласиться с теми авторами, кто утверждает, что политика в отношении клана Грегоров не была направлена на его уничтожение, однако в ее результате члены клана вынуждены были мигрировать из южных районов Хайленда в его центральную и восточную части. В последующие годы Макгрегоры упоминаются в некоторых документах, правда, как правило, в связи с другими кланами, в состав которых они вынуждены были войти, приняв при этом имя своих новых покровителей. Подобная политика переселений на острова, в Норвегию и Ирландию была довольно распространена в правление Джеймса³⁵. Следует отметить и тот факт, что Кемпбеллы, являвшиеся землевладельцами территорий, где осели Макгрегоры, выплачивали представителям клановой элиты последних в период с 1617 по 1624 гг. сумму от 400 до 10 000 ф.ст. в качестве компенсации и, очевидно, для обеспечения безопасности от новых переселенцев³⁶. Эти факты свидетельствуют о более продуманной, по сравнению с предшествующим периодом, хайлендерской политике шотландских монархов, в основе которой лежало детальное изучение общественной жизни и культуры Хайленда.

Еще в 1587 г. Джеймс VI подписал документ, получивший название «Генеральное обязательство», согласно которому вожди становились ответственны за поведение своих клансменов в том случае, если непосредственных нарушителей наказать было невозможно. Монарх считал, что политика «взращивания» Лоуленда также является фактором, способным превратить Хайленд и острова в более управляемые и послушные короне территории. Наиболее успешно мероприятия по реализации королевской воли прово-

³⁵ Calendar of the State Papers relating to Scotland and Mary Queen of Scots, 1593–1595 / Ed. by I.D. Cameron. Edinb., 1936. P. 578.

³⁶ Collectanea de Rebus Albanicis / Ed. by Iona club. Edinb., 1889. Vol. 1. P. 128–136.

дились Кемпбеллами в Кинтайре, особенно после того, как в 1607 г. седьмой граф Аргайл получил от короны земли в этой части Хайленда – регионе, непосредственно граничащем с Лоулендом, и на островах. Для управления новыми территориями Аргайлы подтвердили свое звание королевских Лейтенантов и судей, вновь полученное еще в правление Марии³⁷, первоначально, на срок шесть месяцев. Одновременно ему были присвоены полномочия на изгнание Макдоналдов и Маклинов с их территорий и заселения этих земель выходцами из равнинной части Шотландии. В 1609 г. Аргайлом был основан город Локхид, а несколько лет спустя, в 1614 и 1615 гг., граф совершил два опустошительных набега на земли клана Макдоналдов, подтвердив силой право занимать земли в Кинтайре. Опыт Аргайлов в колонизации, а иногда и в прямом захвате земель, оказался чрезвычайно полезным, и после унии корон уже жителями Хайленда и островов под руководством тех же Аргайлов происходила колонизация Ольстера, имевшая, по замечанию Доналдсона, глубокие корни, восходившие ко времени правления еще Елизаветы, при которой начался процесс активного проникновения англичан в Ирландию³⁸.

Все более ширящаяся волна недовольства в Хайленде вынуждала Джеймса пойти на своего рода «выборочную экспроприацию» ряда горских кланов. Главным образом, эта политика затронула северо-западные прибрежные районы Хайленда, население которых было особенно военизировано, и где клановая элита выполняла функции не только и не столько землевладельцев, олицетворявших собственность всего клана, то есть так называемых таксменов, обрабатывающих землю с помощью рядовых клансменов, как это было в центральных районах Северной Шотландии, сколько являлась военными предводителями – баннаханам (*гэльск.* – *bannachan*), с детства занимающимися военной и военно-морской деятельностью. Существовавшее здесь некогда государство Лордов Островов заложило исторические традиции непокорности Шотландской короне, которые даже после его падения определяли политику кланов, находившихся на его территории. Джеймсом был организован целый ряд экспедиций (1605,

³⁷ The Register of the Privy Council of Scotland. P. 53.

³⁸ Donaldson G. Scotland: James V to James VII. The Edinburgh History of Scotland. Edinb., 1965. P. 228.

1607, 1608 гг.), которые были призваны, изучив степень вины того или иного вождя, вынести ему приговор. Используя довольно жесткие методы воздействия на непокорные короне кланы, правительство очень редко доводило дело до физического устранения того или иного рода. Наиболее действенным методом лишения клана его могущества считалось переселение его с одной территории на другую, тем самым как бы разрушалась та патриархальная основа, которая обеспечивала авторитет и контроль кланов над землей в том или ином районе Хайленда.

В процессе экспроприации хайлендерских кланов шотландская корона старалась использовать внутренние противоречия этих социальных организмов. Уже говорилось о том, что кланы представляли собой довольно сложные в структурном отношении объединения, состоящие из множества ветвей, лидеры которых оспаривали право первенства во всем клане. Макяны, чьи владения находились в западной части Хайленда, являвшиеся одной из ветвей клана Доналдов, против которого было направлено острие политики Джеймса VI, стали жертвой собственных внутренних разногласий, в результате чего власть в клане еще в 1596 г. захватил седьмой граф Аргайл, в 1602 г. установивший легальный, то есть подтвержденный короной контроль над их земельными территориями³⁹. Девять лет спустя, Доналд Кемпбелл, сводный брат сэра Джона Кемпбелла Кавдора, стал новым сеньором этих территорий, пополняя казну Аргайлов платежами с земель Маклеодов. В подобной же ситуации оказались и Макинтоши, когда граф Моррей в период несовершеннолетия их вождя захватил ряд земель, принадлежащих Чаттанам, вынудив последних к началу военных действий против захватчика. В этих условиях правительство выпустило прокламацию, в которой содержался призыв ко всем вождям кланов, джентльменам и всем лояльным короне хайлендерам объединиться против Макинтошей, дабы уничтожить этот клан, чтобы в нем не осталось никого, кроме священников и женщин⁴⁰.

Позже, в 20-е гг. XVII в., в период малолетства Аласдара Аргайла, своеобразной формой проявления протеста со стороны некоторых противостоящих короне кланов, в том числе и Макя-

³⁹ *Gregory D. The History of the Western Highlands and Isles of Scotland, 1493-1625. Edinb., 1836. P. 405-412.*

⁴⁰ *Grant I.F., Cheape H. Periods in the Highland History. L., 1987. P. 137.*

нов, становится пиратство. В апреле 1625 г. Макяны захватили три корабля – английский, фламандский и шотландский, следующий из Глазго. Пиратская деятельность «варваров и бунтовщиков» привела к образованию уже при Карле I коалиции, возглавил которую Арчибалд лорд Лорн, последний восьмой граф Аргайл, занявшийся расследованием деятельности морских разбойников. Итогом работы комиссии стал штраф десяти, казнь шести и судебное разбирательство с последующим наказанием одиннадцати Макянов. Подобные проявления недовольства привели, очевидно, монарха к признанию необходимости формирования законодательной базы, способной стать основой для наведения порядка в Хайленде.

Ближайшая цель, которую при этом преследовало правительство, состояла в том, чтобы сформировать класс землевладельцев из представителей клановой элиты и воспитать в них ответственность пред монархией. Джеймс в данной ситуации никоим образом не пытался дискредитировать их общественный авторитет, оставляя за ними право контролировать клановый военный потенциал, право на наведение порядка и борьбу с бродяжничеством на территории их кланов. Кроме того, представители клановой элиты оставляли за собой традиционное право на гостеприимство со стороны своих клансменов и ряд других основных обязательств. Всячески стремясь втянуть Хайленд и его население в шотландскую земельную систему и пытаясь при этом эксплуатировать устоявшийся комплекс общественных отношений в Горной Шотландии, правительство именно в хайлендерской аристократии видело реальную опору своих притязаний. Формируя себе опору среди клановой элиты, правительство разрешает только им владеть оружием и военным снаряжением, чем признает право на защиту и покровительство клансменам со стороны вождей. В то же время Джеймс закладывает правовую базу сословного общества, в котором не обычай и традиция, а правовой статус определяет положение в рамках общественной структуры, обязанности и привилегии.

Особую роль в процессе «цивилизации» Хайленда сыграл Эндрю Нокс, епископ островов, который, предостерегая Джеймса VI от чрезмерного влияния Кемпбеллов на севере, соперничал с последними в деле утверждения королевской власти в горах Хайленда. Поддерживаемый лордом Очилтри и другими членами Тайного Совета он создал комиссию, в которую не был приглашен

Аргайл, и занялся воплощением в реальность положений, записанных в «Генеральном обязательстве».

В 1608 г. лорд Очилтри, действовавший как королевский лейтенант на севере, поддерживаемый епископом Ноксом, провел экспедицию на острова, где на одном из них встретился с вождями северо-западного Хайленда. После проповеди Нокса вожди были схвачены и водворены в тюрьму, находившуюся на территории Лоуленда. Так была проведена «дипломатическая подготовка» к подписанию еще одного очень важного документа, регламентирующего общественные порядки в Хайленде. В 1609 г. пленные вожди были привезены в Эдинбург, где их вниманию были предложены «Статуты Ионы», под которыми, поклявшись в верности королю, закону и церкви, поставили свои подписи десять вождей, среди которых были Макдоналды, Маклины, Маклеоды, Раналды и другие⁴¹.

Обязательства, содержащиеся в «Статутах», состояли в следующем: способствовать распространению авторитета церкви; содержать гостиницы для путешественников, что, как думается, с одной стороны, заменяло, а с другой – являлось своеобразным рецидивом обычая гостеприимства; ограничить количество членов военных отрядов, состоящих из личных телохранителей вождя – наиболее активной силы набеговой системы; бороться с бродягами, нищими и бардами, являвшимися как источником беспорядков на дорогах, так и хранителями и ретрансляторами народной памяти, содержащей предания о стычках, вражде, кровной мести – обо всем том, что так стремилось уничтожить правительство, но что было столь живо и могло в любой момент стать источником новых волнений в Хайленде; установить контроль над производством и продажей вина и виски; кроме того, вводился запрет на хранение огнестрельного оружия; вменялось в обязанность задержание и передача властям преступников и отправка старших сыновей и дочерей в школы Лоуленда и Англии; вожди, помимо этого, должны были способствовать распространению положений, содержащихся в «Статутах» среди своих клансменов, друзей и подданных. Более того, в «Статутах Ионы» предписывалось силой выкрасть девять наиболее, по мнению монарха и его Совета, опасных вождей, чтобы этим шагом ликвидировать возможные

⁴¹ Donaldson G. Op. cit. P. 230.

проявления недовольства в Хайленде⁴². В 1616 г. «Обязательства» и «Статуты» были дополнены положением, согласно которому ни один человек не имел права считаться собственником, если не умел говорить, читать или писать по-английски.

«Статуты Ионы» не ставили непосредственно цель оказать силовое давление на жителей Хайленда, а должны были лишь, ознакомив с планами и намерениями правительства относительно Северной Шотландии, продемонстрировать решительность этих намерений и неудовлетворенность одним лишь успокоением Хайленда. Монарх стремился к тому, чтобы, изменив социальную основу вождества, превратить клановых лидеров из местных правителей, действующих в соответствие с традиционными нормами, в подданных правительства, и все статьи «Статутов» были подчинены этой цели. Тем самым, по мнению Джеймса, закладывалась основа для формирования лояльной провинции, в которой можно будет проводить модернизацию.

В этой связи не совсем корректным представляется мнение некоторых авторов о том, что король якобы был принципиальным противником гэльской культуры. Скорее, все же борьба с проявлениями горских обычаев, традиций и т.п. являлась выражением стремления унифицировать шотландскую культуру, а вместе с ней и всю общественную систему.

Особое внимание правительство уделяло контролю над распространением в Хайленде огнестрельного оружия, которым начиная с 1616 г. можно было пользоваться лишь с особого разрешения Эдинбурга. Этот контроль служил, помимо целей умиротворения, еще и экономическим интересам короны. В 1593 г. английская разведывательная служба отмечала, что, несмотря на маргинальный состав военных отрядов западных частей Хайленда (2/3 в них составляли бродяги), все они были вооружены огнестрельным оружием. Поставить под контроль распространение огнестрельного оружия, означало для короны существенно снизить военную напряженность в горных регионах страны, а кроме того, централизованной политикой снабжения таких отрядов ружьями можно было значительно пополнить финансовые запасы вождей, которых следовало поставить и под экономический контроль короны.

⁴² Statutes of Iona. 1609 // Scottish Historical Documents / Ed. by G. Donaldson. Glasgow, 1999. P. 172–174.

Распространение спиртных напитков также, как и оружия, находилось под пристальным вниманием шотландского правительства. Только клановая аристократия получила право изготавливать вино и более крепкие напитки в Хайленде. Их обязанность как опекунов кланов, согласно закону 1616 г., состояла в том, чтобы осуществлять контроль за хранением и распространением вина.

Стремясь изменить буквально все сферы общественной жизни, Джеймс пытается контролировать и внешние ее проявления. Традиционно различные социальные группы имели в Горной Шотландии собственные названия, чаще всего, гэльские. Так, клановую аристократию называли «файн» (гэльск. – *fine*), привилегированных членов военных отрядов на северо-западе – баннахан и т.д. В период с 1609 по 1616 гг. члены этой последней категории, согласно королевскому указу, получили статус шотландских землевладельцев, что и было закреплено в названии, характерном для представителей всего этого класса, *household-men*. Дабы снизить военную напряженность в Северной Шотландии новым землевладельцам было ограничено количество их вооруженной охраны, являвшейся в былое время непременным атрибутом кланового вождя. В 1609 г., как уже говорилось, было предписано состав такой группы ограничивать «тремя, максимум восемью джентльменами», а еще через семь лет это постановление было повторено с тем добавлением, что количество юношей, обучающихся военному мастерству в клане не должно превышать «одного мальчика на двух представителей кланового джентри»⁴³.

Стремясь насадить не только новую общественную систему, но и культуру, правительство особую ставку делает на распространение английского языка, который был необходим, в первую очередь, для составления контрактов и грамот. Несмотря на то, что многие таксмены были превращены в управляющих феодальными поместьями, они продолжали использовать гэльский диалект, особенно, в той части отношений, которая касалась все еще сохраняющихся специфических горских обязательств и повинностей⁴⁴. Однако исчезновение гэльского происходило скорее

⁴³ Macinnes A.I. Clanship, commerce and the house of Stuart, 1603–1788. Edinb., 1996. P. 67.

⁴⁴ Withers C.W.J. Scottish Gaeldom: The Transformation of a Culture Region. L., 1988. P. 110–114.

благодаря его внутренней эволюции, чем путем механической замены и не являлось прямым результатом официальной политики «войны против языка», хотя было, очевидно, значительно ускорено трансформацией вождей и клановой элиты в условных землевладельцев⁴⁵.

Политика по изменению языка была подкреплена общими мерами по развитию образовательного процесса в Хайленде. «Статуты Ионы» особо акцентировали внимание на том, что представители знати Западного Хайленда должны отправлять своих старших детей в школы Лоуленда для обучения их свободному беглому английскому. В 1616 г. специальным постановлением правительства был брошен новый своеобразный вызов остаткам гэльского диалекта. Согласно грамоте не только вожди Западного Хайленда должны были отправлять своих, достигших девятилетнего возраста детей в школы Лоуленда или в Англию, но более того, ни один житель Северной Шотландии, не умеющий читать, писать или говорить по-английски, не мог наследовать королевские земли или владения его непосредственных вассалов. Вожди, продолжавшие использовать на территории своих кланов гэльский, осуждались как «варвары и нецивилизованные люди», а английский диалект объявлялся обязательным для изучения во всех вновь образованных при хайлендерских приходах школах. В это время гэльские, так называемые «ирландские» элементы культуры: одежда, обычаи, традиции – были единогласно заклеяжены, что, в свою очередь, также вынуждало клановую элиту отправлять своих детей учиться в Эдинбург и Лондон, дабы избавить их от «варварского влияния и научить их говорить, читать и писать по-английски»⁴⁶.

Все эти меры, с одной стороны, говорят о большей продуманности и целенаправленности хайлендерской политики второго десятилетия XVII в., а с другой – на них все же еще лежала печать стихийности, и далеко не всегда они приводили к желаемым результатам. В частности, ни акт 1616 г., ни его парламентская ратификация 1633 г. не привели к распространению постоянно действующих школ на территории северной Шотландии. Последние возникали в наиболее безопасных, близко располо-

⁴⁵ Mackenzie W.C. The Highlands and Isles of Scotland: a history survey. Edinb., 1949. P. 216.

⁴⁶ Macinnes A.I. Op. cit. P. 77.

женных к границе с Лоулендом местах. И поскольку появление подобных школ признавалось правительством еще одним шагом к унификации шотландской культуры, то постановлением 1633 г. вводилось даже специальное финансирование школьного обучения для наследников землевладельцев каждого прихода. Таким образом, представители элиты напрямую оказывались втянутыми в процесс формирования «цивилизованного» общества в горной Шотландии.

Следует заметить, что вопросы развития образования в Хайленде даже более курировались церковью, нежели государством. Рубеж XVI–XVII вв. – это период сосуществования в Хайленде различных верований, в том числе и языческих, нашедших свое проявление в археологических памятниках. В частности, многочисленные изображения Девы Марии и Младенца, не встречаемые вплоть до XVI в., как правило, обрамлены растительным и животным орнаментом, непременным атрибутом языческой культуры⁴⁷. В 1596 г. на заседании высшего церковного суда Шотландии отмечалось, правда, с некоторым преувеличением, что более четырехсот приходов Хайленда, исключая владения Аргайлов, и острова «были лишены возможности служить Богу». Конфессиональная ситуация осложнилась в последующий период борьбой католической и протестантской церквей, которая уже к концу XVI в. была вполне обычным явлением духовной и политической жизни Хайленда. Вплоть до второго десятилетия XVII в. католики в Хайленде преобладали, но их авторитет все менее и менее способен был конкурировать с протестантами. Столкновение двух конфессий довольно часто служило лишним поводом для перераспределения земельного фонда. Так, церковные земли католического аббатства Иона перешли во владениях лояльных короне Маклинов, что и было зафиксировано королевской грамотой в 1587 г.⁴⁸

Политика, направленная на «христианизацию» Хайленда, дабы на всей территории Северной Шотландии существовали постоянно действующие приходы, не принесла ощутимых результатов. На землях Аргайлов и на островах к 1609 г. не более трети из

⁴⁷ Steer K.A. Late Medieval Monumental Sculpture in the West Highlands. Edinb., 1977. P. 69.

⁴⁸ Collectanea de Rebus Albanicis / Ed. by Iona club. Edinb., 1889. Vol. 1. P. 161–162.

сорока восемью приходами являлись постоянно действующими. Более того, приходы епископальной церкви даже к 1638 г. лишь на две трети были обеспечены служителями. Таким образом, меры и Джеймса I, и затем Карла I не принесли и в этой области желаемых результатов. Одна из причин этого, возможно, состояла в том, что хайлендерские приходы были крайне велики, а население в них очень рассеяно, по сравнению с концентрированными лоулендерскими приходами.

Протестантская церковь с самого начала реформации в 1560 г., также осуществляла попытки, по большей части неудачные, оказывать влияние на религиозную ситуацию в горах. Желание протестантов утвердить характерный для них аскетический образ жизни как никогда соответствовал и стремлением шотландской короны покончить с варварскими, в ее понимании, «внебрачными связями, блудом и инцестом». Стремление регулировать порядок брачных связей проявлялось и в правительственном запрете матримониальных связей в пределах двух ближайших поколений. Очевидно, что подобными мероприятиями корона не столько демонстрировала свою обеспокоенность по отношению к развращенным хайлендерам, сколько пыталась нарушить систему, в рамках которой земельный фонд передавался в рамках одного рода из поколения в поколение.

Необходимо отметить, что процесс трансформации военной клановой элиты в землевладельцев был далеко не полным и, более того, имел крайне замедленный характер. Причиной этого, как представляется, была, в первую очередь, социальная неоднородность того слоя, который в большинстве районов Северной Шотландии имел название «*файн*», и включал в себя и вождя, и его ближайших родственников, бывших, чаще всего, главами ветвей кланов, и их телохранителей, входящих в состав военных отрядов. В ходе процесса трансформации родовых общественных групп в категории, характерные для классового общества, наиболее открытый доступ к ресурсам, находящимся на земле клана, получили вожди и главы септ, владеющие королевским земельными грамотами. Представители же военных отрядов, очень часто теряя свой прежний статус, не могли обрести нового; по мысли же монарха, они должны были составить основу формирующихся торгово-ремесленных слоев в Хайленде.

Еще в 1597 г. Джеймс, пытаясь компенсировать недостаток продовольствия в Горной Шотландии и стремясь всячески спо-

собствовать развитию торговых отношений на Севере, санкционировал строительство трех городов, которые должны были стать основой для цивилизаторской политики в наиболее «диких» районах Шотландии – Кинтайре, Лохабере и Льюисе⁴⁹. Эти же центры должны были стать, одновременно, и основой для развития торгово-ремесленных слоев, формирующихся из бывших представителей военных отрядов. Идея монарха была воплощена в жизнь несколько позже, когда в 1617, 1618 и 1628 гг. возникли соответственно Кемпбеллтаун, Гордонбург и Сторноуэй. Характерно, правда, что реализация давних задумок Джеймса происходила под непосредственным контролем вождей, на чьих территориях основывались города Аргайлов, Хантли и Сиффортон. Вновь основанные города были инструментами механизма «окультуривания» не только определенных клановых земель, но и всего западного Хайленда. Немаловажная роль отводилась им и в развитии экономических связей между горцами и жителями равнины. Пожалуй, после 1609 г., когда были подписаны «Статуты Ионы», экономический фактор стал занимать одно из ведущих мест среди мотивов проникновения короны в Хайленд, что позволяет выделить этап 1609–1625 гг. в отдельный период хайлендерской политики шотландских монархов.

Хайлендерская политика шотландских монархов в раннее Новое время, очевидно, не принесла последним желаемого результата, но в общественном укладе горцев все же оставила заметный след. В первую очередь, произошли значительные геополитические изменения, поскольку в Хайленде возник целый ряд новых клановых объединений, консолидирующихся уже не только и даже не столько на уровне кровного родства, сколько на основании общности экономических и геополитических интересов. В источниках отражены многочисленные военные акции и набеги, жертвами которых становились как отдельные локальные поселения, так и целые клановые организмы⁵⁰. Целый ряд родовых объединений был завоеван Кемпбеллами, которые, совершая одну экспедицию за другой, а зачастую, и сами становясь жертвой таких набегов, в XVI в. значительно расширили и укрепили свое мо-

⁴⁹ Acts of the Parliament of Scotland. 1593–1707. Vol. 4 / Ed. by T. Thomson and C. Innes. Edinb., 1817–1875. Vol. 4–12. P. 139.

⁵⁰ Criminal Trails in Scotland. P. 352–371.

гущество в Западном Хайленде⁵¹. Прочим таким же образом возникали в Горной Шотландии и объединения, наоборот, направленные против кланов, поддерживающих монархов. Иначе говоря, шел процесс укрупнения клановых объединений на основе их отношения к шотландской короне и ее хайлендерской политике. В Лохабере, например, Макмартинсы, Максорлисы, Макгилонсы были завоеваны различными родовыми группировками, входящими в состав объединения Камеронов, а Фрезеры Ловаты, поселившись на севере только в конце XIV в., уже два столетия спустя, имели в своем составе 800–900 человек.

Шотландская корона, стремившаяся поставить под контроль механизм хайлендерского землевладения, в XVII в. добилась лишь перераспределения земельного фонда между представителями горского сообщества: ненавистные короне Маклеоды были выселены с территорий, занимаемых ими на западе Хайленда, однако даже не волей короны и тем более не силой закона, а в результате набегов Маккензи, которые поддерживались все теми же властями гор – Аргайлами. Макдоналды, проживающие и Кинтайре и на островах, Макгрегоры и многие другие – все они оказались под влиянием разных ветвей клана Кемпбеллов уже к 1625 г.⁵² В результате последние стали наиболее влиятельными землевладельцами Северной Шотландии к началу правления Карла I и уже могли оспаривать даже решения и политику самих шотландских монархов.

Итогом разделения хайлендерских кланов на две большие группы, лояльных короне и противостоящих ей, стало то, что в Хайленде в конце XVI–XVII вв. произошла резкая эскалация напряженности, и на смену мелким локальным стычкам пришел конфликт общехайлендерского масштаба. Пожалуй, символом такого столкновения являются события в Гленко. Истоки жестокой резни, произошедшей там 13 февраля 1692 г., лежат во вражде Кемпбеллов и Макдоналдов, которая, развиваясь десятилетиями и подпитываясь королевской политикой, привела к трагической развязке. Долгое время даже среди шотландских исследователей было принято считать, что корни этой вражды лежат только

⁵¹ The Clan Campbell. Abstracts of Entries Relating to Campbells in the Book of Council and Session, Acts and Decrets. 1500–1560. 14 vol. / Ed. by H. Paton. Edinb., 1922. Vol. VIII. P. 36–37.

⁵² Lynch M. Scotland. A New History. Edinb., 1997. P. 242.

лишь в клановых противоречиях, накапливавшихся веками⁵³. Однако сегодня уже очевидно, что клановая вражда была всего одним из факторов, приведших к тем кровавым событиям.

Вильгельм, занявший британский трон в результате «славной революции», хотя и был чрезвычайно слабо осведомлен не то что о хайлендерских делах, но даже и о проблемах Шотландии в целом, пытался тем не менее вмешиваться в дела горских кланов. В этом ему оказывали содействие Государственный секретарь по шотландским делам виконт Мелвил и введенный в правительство первый виконт Тарбат, министр правительства Карла II, перешедший на службу Вильгельму и своей целью поставивший умиротворение Хайленда. План Тарбата был очень прост: он считал, что мира в Хайленде можно достичь путем распределения среди вождей суммы «в пять-шесть тысяч фунтов»⁵⁴, но бунт Клаверхауза, поднявшего на восстание горцев, расстроил эти планы. Джон Кемпбелл, первый граф Бредалбан, еще один бывший сторонник Стюартов, но теперь перешедший на службу Вильгельму, предлагал аналогичный план, для чего считал необходимым организовать встречу хайлендерских вождей и правительства. Однако время шло, а ситуация в горах Шотландии оставалась по-прежнему сложной.

В 1691 г. Секретариат по шотландским делам перешел в руки Мелвилла и сэра Джона Дарлимпла (вскоре, правда, Дарлимпл добился, что вся полнота власти в этом вопросе перешла в его руки). Дарлимпл и Бредалбан действовали в хайлендерском вопросе наиболее активно, но их цели были несколько разными. Первый желал умиротворения Хайленда, дабы тем самым подготовить почву для заключения унии, в то время как второй стремился укрепить в горах севера авторитет и власть своей ветви клана Кемпбеллов, при этом, зачастую, играя на якобитских чувствах хайлендерских вождей.

Одним из тех, кто не желал следовать в русле политики, предлагаемой Бредалбаном, был Аласдар Макдоналд Гленко, известный как Макян. Макяны из Гленко были маленькой ветвью клана Доналдов, во главе которой стояли наследники Энгаса Ога, Лорда Островов, сражавшегося некогда под знаменами Брюса в битве при Бэннокберне в 1314 г. и награжденного за ту битву

⁵³ The Massacre of Glencoe. Historical background, document extracts and copies. Edinb., 1995. P. 2.

⁵⁴ *Daiches D.* Scotland and the Union. L., 1977. P. 46.

землями в западном Хайленде, среди прочих получили они и земли Гленко. Клан занимал пожалованные территории вплоть до начала XVIII в., когда под давлением извне вынужден был переселиться. В 1493 г. корона конфисковала земли Макдоналдов и перераспределила их между другими кланами, одним из которых стали Кемпбеллы, получившие территории, наибольшие по объему, в том числе и Гленко. Подобная практика дарования земельных грамот в обмен за службу, как уже отмечалось, имела далеко идущие последствия, главным образом социальные. Макдоналды, сами ранее собиравшие повинности с населения Гленко, в результате королевской политики превратились в подданных Дункана Стюарта Аппина.

В свои шестьдесят лет Аласдар Макян сражался за права Джеймса в рядах Клаверхауза в годы первого якобитского восстания, а его клан прославился своим набегами как на Лоуленд, так и на другие хайлендерские кланы, главным образом, подчинявшиеся Кемпбеллам, что приносило последним постоянное беспокойство на протяжении XVI и XVII вв.

17 августа Вильгельм подписал документ, в котором объявлялось прощение кланам, которые сложат оружие и принесут ему присягу верности до первого января следующего 1692 г. Джеймс Стюарт, находящийся в изгнании, послал в свою очередь письмо вождям, призывающее к поддержке древнего шотландского королевского рода и к отказу от присяги Вильгельму, которое стало известно в Хайленде в конце декабря, как раз тогда, когда Дарлимпл стал Государственным секретарем по делам Шотландии и решил наказать Макдоналдов Гленко, дабы продемонстрировать авторитет и желание короны окончательно решить хайлендерскую проблему.

К первому января 1692 г., после того как была оглашена прокламация, грозящая самыми суровыми наказаниями тем, кто упустит час присяги, большая часть вождей принесла присягу Вильгельму. Один за одним вожди приходили к своим шерифам, которые олицетворяли королевскую власть на севере и подписывали текст присяги. Макян узнал о письме, распространенном от имени Джеймса в конце декабря, и прибыл к сэру Джону Хиллу, известному своими прохайлендерскими симпатиями, а ныне военному управляющему Инверлохи, который сказал ему, что присягу от имени короля в графстве принимает шериф Аргайл. После долгого путешествия к Хиллу Макяну теперь предстояло отправиться к Кемпбеллу в зимнюю ночь с 1 на 2 января. Однако, прибыв в

Инверрари второго января, он обнаружил, что шериф находится вместе со своей семьей на другом берегу Лох Файна, где празднует наступление Нового года. Шериф вернулся лишь пятого января, и на следующий день Макян подписал текст присяги, согласно которой он и его клан обязывались верно служить Вильгельму. Однако после объявленного срока прошло шесть дней.

Дарлимплу с Бредалбаном нужна была показательная акция устрашения. Он обязал сэра Томаса Ливенгстоуна отправиться маршем в Инверлохи и Инвернесс и наказать тех, кто не подчинился королевскому указу «огнем и мечем и другими средствами»⁵⁵. Вильгельм подписал документ о начале акции против Макянов вместе с другими документами, против кланов, отказавшихся принести ему присягу. И хотя Дарлимпл знал о принесенной, хотя и опозданием, присяге Макянов, они были объявлены такими же бунтовщиками, как и другие. Граф написал Ливингстоуну, что был «рад, что Гленко не подписал присяги».

Человеком, который, наверное, более всего желал уничтожения клана был Роберт Кемпбелл Гленлайн – шестидесятилетний спившийся старик, чьи земли долгое время подвергались набегам Макдоналдов. 1 февраля Кемпбелл отправился в Гленко вместе с двумя компаньонами – Джеймсом Гамильтоном и Робертом Дунканом, родственниками Роберта Гленлайна. Они уверяли хозяев, что прибыли как друзья и желают лишь переждать дурную февральскую погоду. Гости были приняты как друзья, согласно древнему хайлендерскому обычаю гостеприимства. Но в пять часов утра 12 февраля (в некоторых источниках 13 февраля) они внезапно обратили оружие против хозяев. Был обезглавлен Макян, мужчины, женщины и дети, общей численностью 38 человек были убиты, лишь нескольким удалось спастись под покровом темного зимнего утра. Они ушли в заснеженные холмы.

Много десятилетий спустя, В. Скотт, испытывая чрезвычайно двойственные чувства по отношению и к Унии, и к английской политике, воплотил историю резни в Гленко в стихотворении:

*И все смешалось в тот же миг.
Напрасны были плачи крик,
И ни младенец, ни старик
В ту ночь не дождались пощады.*

⁵⁵ Daiches D. Op. cit. P. 48.

*Выл ветер много дней подряд,
Разбушевался снегопад,
Но вьюг свирепее стократ
Волк, нападающий на стадо.
Я сед, меня гнетет недуг,
Но хоть у арфы слабый звук,
Ее не выпущу из рук,
Смиранный траур не надену.
Будь каждый волос мой – струна,
Мой клич вняла бы вся страна:
«Шотландия! Пора сполна
Воздать за кровь и за измену!»⁵⁶*

Это была неизвестная резня в Гленко, которая для одних, как например, Дарлимпл, обернулась почестями и привилегиями, полученными от монарха, для других, как Макяны, – разорением, а для самого Вильгельма эти события сделали окончательно невозможным признание его авторитета на севере. Новости о резне еще более усилили проякобитские настроения среди кланов. Правительство вновь применило свою излюбленную тактику решения хайлендерского вопроса – использовать один клан против другого.

События XVI–XVII вв. показывают, что долгое время влияние шотландской короны в Хайленде было, скорее, опосредованным, нежели прямым. Даже в период правления Джеймса VI, который, будучи довольно искусным и тонким политиком, отлично понимал, что решение горской проблемы возможно лишь с учетом особенностей развития региона, и поэтому насаждение новых отношений должно проходить на основе традиционной структуры, шотландская монархия далеко не всегда добивалась желаемых целей. Сохраняя в целом устоявшиеся социальные связи, которые чаще всего не противоречили интересам короны, поскольку в основе своей также содержали определенные обязательства по отношению к представителям клановой элиты, превращающихся в условных держателей, монархи стремились, в первую очередь, изменить характер этих обязательств. Если ранее отношения строились между родственниками и скреплялись договором верности, не нуждающимся в письменной фиксации, то отныне письменный договор об

⁵⁶ Скотт В. Резня в Гленко // Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965. Т. 19. С. 698–699.

условном держании становится неотъемлемой частью отношений между землевладельцами и управляющими, в состав которых переходят так называемые таксмены, или фэйн.

Иными словами, оставшись в случае лояльности короне на прежних клановых территориях, бывшая военная элита переходит в категорию условных держателей клановых земель, принадлежащих ей согласно традиционному праву, но уже на основании письменного договора. Бывшие же клансмены, согласно тому же патриархальному праву несут обязательства, основное изменение в характере которых заключается в том, что они из военных превращаются в сельскохозяйственные. Рост цен на зерно в рамках хайлендерского региона в период с 1624 по 1637 гг., зафиксированный в источниках, а также увеличение объема его продаж в начале XVII в. привели к увеличению роста зернового производства в сельскохозяйственной отрасли и хотя и медленному, но все же ощутимому развитию товарно-денежных отношений. Однако по-прежнему зерноводство по сравнению со скотоводством и особенно овцеводством играло вторичную роль. Характерными чертами развития последнего в начале XVII в. стал также рост его производительности и увеличение товарности. Появилась даже новая форма обязательств, заключавшаяся в перегоне овечьих стад к месту их сбыта. Причем в некоторых случаях стада спускались прямо на равнину, где существовали наиболее оживленные ярмарки. Подобное, из года в год становившееся регулярным появление представителей клановой хайлендерской знати на рынках Лоуленда, всячески приветствовалось и стимулировалось короной. Определенные результаты этого процесса стали очевидны уже ко второму десятилетию XVII столетия – вожди и элита горских кланов все более вовлекались в связи, в первую очередь, торговые с феодальным сообществом равнинной части Шотландии⁵⁷. Однако значение этих взаимных открытий хайлендеров и лоулендеров, в результате которых между ними устанавливался торговый обмен, а горцы узнали еще и ряд новых товаров, например, табак, не стоит преувеличивать, поскольку канал, по которому происходил этот обмен, был чрезвычайно узок.

Все-таки, как представляется, гораздо большее значение имел политический аспект новых отношений. Правовые реформы, ус-

⁵⁷ Lee M. Op. cit. P. 213–217.

корившие и усилившие процесс интеграции хайлендерской родовой знати в шотландский землевладельческий класс, медленно, но необратимо переподчиняли их патриархальные нормы поведения, которые были ничем иным как защитным панцирем, ограждающим горцев от разрушения их общественной структуры, их же землевладельческим интересам.

Начиная с 1616 г. Тайный совет Шотландии получил возможность ежегодно принимать отчет горской знати о ситуации в горах Северной Шотландии, овладев, таким образом, действенным рычагом влияния на развитие Хайленда⁵⁸. Подобная годовая отчетность должна была предоставляться вождями и джентльменами в количестве восьми человек, которые составляли свиту – охрану вождя. Причем обязательным условием было присутствие в Тайном Совете не менее одного и не более трех представителей хайлендерской знати. В случае обнаружения нарушений со стороны вождя лица, его сопровождающие, задерживались в качестве заложников до восстановления порядка на территории соответствующего горского клана. Однако наиболее эффективной и выгодной формой устрашения непокорных жителей севера был денежный залог, служивший своеобразной гарантией от беспорядков со стороны хайлендеров и соблюдения ими шотландских законов, составлявший от пяти тысяч мерк до десяти тысяч фунтов стерлингов. Этот денежный фонд обеспечивал также уплату горскими вождями всех необходимых общешотландских налогов и сборов, включая королевские платежи. В 1628 г. все повинности населения Западной Шотландии были зафиксированы письменно, что стало выражением готовности хайлендерских вождей выплачивать их. Кроме того, идя на встречу пожеланиям короны об ответственности вождей за поведение их клансменов, главы горских кланов демонстрировали готовность оказывать всяческую поддержку Джеймсу в его стремлении осуществлять политику «цивилизации» Хайленда. В ответ Тайный Совет принимает решение, согласно которому вожди ограничиваются в праве контроля над поведением своих клансменов, соответственно уменьшается и их ответственность.

В целой серии законодательных актов, последовавших в 20-е гг. XVII в., вожди и знать отказывались от защиты своих

⁵⁸ *Shaw F.J.* The Northern and Western Islands of Scotland: Their Economy and Society in the Seventeenth Century. Edinb., 1980. P. 154–155.

клансменов в их традиционном праве на охоту и рыболовство без разрешения на то условного держателя земель. Вожди и клановые элиты не только индивидуально использовали земельные ресурсы в качестве господствующего класса, но и уже стремились к отстаиванию коллективных, а по существу, феодальных интересов. Иными словами, идет процесс консолидации правящей элиты общества на основе общего отношения к земле как основному средству производства. И уже к 30-м гг. XVII в. родовая знать северной Шотландии была гораздо более наследственными земельными держателями, нежели традиционными, управляющими от имени всего клана. Несмотря на то, что родовое сознание было все еще крайне сильно, особенно в среде рядовых клансменов, связь многих родовых коллективов с территорией, которой они владели, исходя из норм традиционного права, была утрачена, кланы истощали себя многолетней кровавой борьбой, а их вожди становившиеся условными держателями обязаны были нести отчет перед шотландским правительством.

Еще одной стороной этого процесса являлось формирование крупного подконтрольного отдельным представителям хайлендерской знати, землевладения, происходившее, вероятно, тремя путями. Во-первых, пожалованием конформационных грамот и соглашений. Механизм их реализации заключался в выдаче королем вождю какого-либо клана особой грамоты — конформации, суть которой состояла в том, что корона, фактически не претендуя на территории клана, подтверждала его владение, *de jure*, распространяя свою юрисдикцию в регионе. Помимо подтверждения на владение кланом земель, корона давала разрешение на строительство гарнизонных укреплений и городов. Подобная хартия, в частности, была пожалована Вильяму тану Калдеру 6 августа 1454 г. История танства Калдера прослеживается примерно с четвертого десятилетия XI в. Некоторые авторы отождествляют фамилию Калдер с именем Нэйрн, поскольку по грамоте сер. XV в., Вильям Калдер стал констеблем графства Нэйрн, расположившись в королевской крепости, «окруженной рвом, и на территории которой имелась отдельная часовня»⁵⁹.

⁵⁹ The Clan Campbell. Abstracts of Entries Relating to Campbells in the Book of Council and Session, Acts and Decrets. 1500–1560. P. 123.

Представитель другого клана Александр Фрезер в 1592 г. получил от Джеймса VI документ, дающий ему право основать на месте рыбацкой деревни Файтлай город, который был назван Фрезебург⁶⁰. Еще в одной грамоте, датируемой 1530 или 1531 г., короля Джеймса V Торквилу Макнилу “вождю и старшине клана” в пожизненное пользование отводятся в шерифстве Терберт земли, вместе с «людьми, фермами и всеми [с них] доходами»⁶¹.

Помимо того, что корона распространением конформаций создавала себе опору в регионе, с помощью этих грамот происходило объединение и присоединение территорий различных кланов, что создавало предпосылки для формирования условного землевладения. В результате создавались графства, наиболее крупные среди которых: Росс, Инвернесс, Моррэй и др.

Графство Росс – одно из крупнейших в XVI столетии, а по мнению ряда авторов, еще и своеобразный правопреемник государства Лордов Островов⁶² – формировало свои территории еще с XIV в., когда Хьюго Росс участвовал на стороне Брюса во многих сражениях и его герб стоит под Арбродской Декларацией 1320 г. В изучаемый нами период граф Росс сам от имени короля жалует грамоты отдельным вождям. Сын уже упоминавшегося Вильяма Калдера, тоже Вильям, 6 ноября 1467 г. получил от Джона графа Росс хартию на земли в Инвермарке. Через девять лет он получает уже королевскую конформацию, объединив тем самым земли, принадлежащие ранее трем танствам, в одну, и включив их в территорию графства Нэйрн, причем с привилегиями бароний⁶³. Таким образом, получение королевских конформационных грамот было одним из путей формирования феодального землевладения в Хайленде во второй половине XV–XVI столетий.

Другим способом расширить территории были межклановые браки. В целях получения руки и земель богатых невест создавались и рушились клановые союзы. Наследница Калдеров Мьюриэл, или Марион, родившаяся в 1494 г., обладала значительным состоянием, и Хьюго Килравок строил планы брачного союза состоятельной девушки и своего наследника. Однако граф Аргайл,

⁶⁰ Highland Papers / Ed. by J.R.N. Macphail. Edinb., 1914. P. 108.

⁶¹ Collectanea de Rebus Albanicis / Ed. by Iona club. Edinb., 1889. Vol. 1. P. 22.

⁶² A History of the Scottish Highlands / Ed. by J.S. Keltib. 2 vol. Edinb. and L., 1879. P. 78.

⁶³ Highland Papers. P. 124–125.

являвшийся верховным судьей Шотландии, узнав о строящихся планах, увез Мьюриэл в свое поместье, в качестве отступной пообещав Килравоку выступить против его соперника Макинтоша. Дружественный союз был оформлен 1 февраля 1499 г., и, очевидно, Мьюриэл вместе со своим состоянием стала наследницей Аргайлов⁶⁴. Один из Фрезеров также получил крепость Кайрнбилг и земли в Филорте, благодаря своему браку с наследницей графов Росс. И таких примеров может быть приведено множество.

И, наконец, еще одним путем формирования крупного феодального землевладения был просто захват земель. Однако в условиях XVI столетия, когда большинство вождей уже имели королевские хартии, подтверждающие их земельные территории, когда могущественные графы Россы, Аргайлы и Хантли силой оружия отстаивали свои интересы и прерогативы королевской власти, такой путь являлся наименее продуктивным и был связан с перспективой вообще лишиться своих территорий.

Несмотря на то, что необходимость давать ежегодные отчеты королевскому Тайному Совету способствовала приобретению вождями монарших грамот на землю, все же сложно говорить о том, что условное феодальное землевладение окончательно пришло на смену патриархальному, связанному с традиционным правом поселения клана на определенной территории. Более того, запрет 1617 г. на посмертный налог, существовавший в Хайленде издавна, и взимавшийся вождем, а также факт, что этот сбор все же продолжал существовать в Хайленде, свидетельствовал о борьбе двух систем, патриархальной и феодальной, а также о том, что если в вопросах изменения характера горского землевладения шотландская корона имела определенные успехи в деле насаждения феодального уклада, главным образом, путем конформирования права клана на землю, то сферы общественной жизни, связанные с традиционными социокультурными взаимоотношениями, оказывались, как правило, вне влияния шотландской государственности. И Тайный Совет, и монарх были бессильны изменить установившиеся стереотипы, наиболее прочно хранимые в сфере социальных отношений.

Ряд авторов, проводя параллели между хайлендерской политикой шотландских королей и освоением англичанами Индии и

⁶⁴ Highland Papers. P. 125.

Америки, акцентируют внимание на колониционном характере проникновения Шотландии в Хайленд, что, следовательно, позволяет говорить об имперских тенденциях хайлендерской политики. Обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, колонизация имеет в своей основе экономические цели, состоящие в расширении рынков сбыта, сырьевой базы, торговых путей и т.д. Подобные цели ставили перед собой англичане в своей политике в Индии и других странах-колониях, или Россия в своей кавказской политике.

В целом же шотландская монархия, ставя перед собой цели «цивилизации» Хайленда, пыталась решить ряд задач. Во-первых, корона, рассчитывая включить горные регионы страны в сферу государственного суверенитета, стремилась завершить объединение Шотландии. Во-вторых, устранение горской проблемы должно было обезопасить приграничные с Хайлендом территории равнинной Шотландии, подвергающиеся время от времени нападкам со стороны горных районов. И, в-третьих, правительство уже начало задумываться об извлечении экономической прибыли от торговли с северо-западными районами страны и пыталось воплотить на практике свои стремления.

Трансформация системы управления

Начиная с 1689 г. Шотландия стала управляться политиками, которые, как правило, игнорировали шотландские интересы. В начале XVIII г. Хайленд, по мнению многих из них, не представлял ни насущного интереса, ни актуальной угрозы Британскому государству, но Хайленд абсолютно не был инкорпорирован ни в шотландскую, ни тем более в Британскую политику. Попытки лояльного королю дома Аргайлов объединить кланы были безуспешны, поскольку потеря земель многими горцами связывалась именно и политикой Кемпбеллов. Более того, якобитизм большинства южно-хайлендерских кланов, таких как: Камероны, Макклины, Макдоналды и Аппины Стюарты – уже по традиции был связан именно с противостоянием Аргайлам в большей степени, нежели с борьбой за возвращение короны Стюартам. К территориальным противоречиям добавлялись еще и религиозные, связанные с католическими и епископальными симпатиями кланов. Епископальная лояльность была наиболее сильна на северо-востоке. В этой связи формирование хайлендерской политики было чрезвычайно важным, но недооцененным направлением британской политики.

Основным носителем этой политики был Лондонский Кабинет, в который иногда могли входить те, кто имел представление об основных проблемах Хайленда. Подчинен этому кабинету был Эдинбург, где заседали шотландские должностные лица, назначенные из Лондона и ведавшие повседневной жизнью Шотландии и, в частности, Хайленда. До 1725 г. и потом в период 1742–

1746 гг. основным лицом на севере был Государственный секретарь по делам Шотландии. В Эдинбурге, помимо государственных должностей, заседали судьи. Но в XVIII в. большая часть мероприятий и в Англии и в Шотландии инициировалась двором, и Судьи Судебной Сессии, особенно Лорд Клерк Юстиции и Лорд Президент Сессии, делали все, чтобы избежать лондонского влияния.

Формально после Унии 1707 г. главным лицом в управлении Шотландией, в том числе и Хайлендом, был шотландский управляющий – политик, который представлял шотландские интересы в Лондоне, способный эти интересы отстаивать перед лицом монарха и, кроме того, пользовавшийся поддержкой в самой Шотландии. Наибольшим влиянием в XVIII в. пользовались граф Аргайл, около 15 лет занимавший эту должность, и особенно Генри Дандас. Эти два человека особенно успешно управляли Шотландией и обладали полномочиями, сравнимыми с функциями короны. Это не были полностью независимые правители, но кроме них никто более не влиял на политику короны на Севере. До того как Дандас занял этот пост, шотландские предприниматели редко входили в Кабинет. В его период шотландцы не просто отстаивали свои интересы в правительстве, но рассматривались как равноправные партнеры, а не представители колонии. Как бы то ни было ситуация, когда власть фактически принадлежит представителям местной элиты, была редкостью в европейской истории XVIII–XIX вв.

В Ирландии правитель (наместник) был из числа англичан и, соответственно, отстаивал интересы Британии в первую очередь. До Унии 1707 г. Шотландия даже со своим парламентом была своего рода провинцией. Теперь же это был равноправный партнер, чей статус оговаривался в статьях Унии. Хотя эта ситуация стала не только результатом непосредственно Унии, изменилась сама политическая ситуация, поскольку англичане и шотландцы были теперь идеологическими партнерами, и обе стороны были заинтересованы в мире. Показателем этой солидарности является факт, что во время восстания 1745–1746 гг. шотландский управляющий безоговорочно согласился на его силовое подавление.

Одной из центральных фигур в управлении Шотландией был Лорд Адвокат. История этого титула в Шотландии берет свое начало в 1488 г., когда Джеймс III Шотландский, собрав верные ему войска, двинул их на своего мятежного сына и поддержавших его пэров, расположившихся лагерем неподалеку от Стирлинга. В битве при Сауч Берне королевская армия потерпела

поражение, и король, упавший с лошади, был предательски убит. Среди баронов, сражавшихся на стороне короны и защищавших монарха в том фатальном для него сражении, и потерявших тогда все свое состояние, был Сэр Джон Росс Монтгринан, Королевский Адвокат.

Замок Монтгринана, который Тимоти Понт описывает как «хорошо укрепленную и спланированную башню», располагался в Айршире. Имя сэра Джона Росса встречается в записях шотландского парламента, членом которого он был, под 6 апреля 1478 г. Он и является первым Королевским Адвокатом, чье имя донесла до нас история. Хотя достоверно и не известно, когда эта должность появилась. В июне 1479 г. он участвовал в акции против мятежного Джона Элема Баттердена и его сообщников, организовавших заговор против короля и укрепившихся в крепости Данбар. В октябре того же года, когда заговорщики предстали перед сессией парламента и не признали себя виновными, Адвокат призвал Палату осудить их. Согласно решению парламента, все их земли были переданы короне. В данном случае парламентская запись не содержит имени Адвоката Короля. Но под 8 июля 1483 г., когда мятеж поднял Герцог Албанский, от «имени короля и в его защиту» выступает «Джон Росс Монтгринан, Адвокат Его Величества», призывавший направить войска против Герцога⁶⁵.

После поражения верных Джеймсу III войск юный монарх, лишь только вступивший на престол, решил проучить тех, кто сражался на стороне его отца, включая и Джона Росса, который по велению долга и совести не только с оружием в руках защищал короля, но и показал себя в этой битве как отважный и способный воин. Указом нового монарха ему было приказано явиться на заседание парламента, где должно было слушаться его дело, но строптивый Адвокат не явился. И тогда Лорд Канцлер призвал парламент приговорить его к смерти, а земли, принадлежащие графу Джону Россу, передать короне. Это решение и было вынесено 14 октября 1488 г. В тот же день земли Монтгринана указом Короля перешли Патрику Хьюму Фасткаслу.

Однако противники сэра Джона Росса недооценили могущества его друзей. Еще в 1486 г. он был направлен в качестве посла к Генриху VII Английскому, с которым у них завязалось даже подо-

⁶⁵ Acts of the Parliament of Scotland / Ed. by T. Tomson and C. Innes. Edinb., 1817–1875. Vol. II. P. 151.

бие дружеских отношений. Поэтому, когда до Англии дошел слух о шотландских событиях и роли в них Монтгрина, английский монарх обратился с письмом к Папе Иннокентию VIII и, прося понтифика вступить за невинно осужденного барона, характеризовал его как «рыцаря отважного, защищавшего своего монарха»⁶⁶. Папа употребил все свое влияние, и результатом его усилий стало решение парламента 1489 г., даровавшего прощение Монтгрину⁶⁷. В октябре 1490 г. он стал одним из Лордов Тайного Совета, и вскоре ему были возвращены все его поместья и замок. Это положение он занимал вплоть до смерти, произошедшей, очевидно, до 12 марта 1495 г., поскольку под этой датой содержится уже информация, что некто Томас Росс, скорее всего сын Джона Росса, подарил поместье Монтгрина Джону лорду Сэмплу⁶⁸.

Такова была жизнь первого Королевского Адвоката, чье имя дошло до нас. Однако история утаивает дату появления этой должности. Сам же термин «адвокат» использовался в Шотландии на протяжении долгого времени, и уже в правление Александра III в его обязанности входил надзор за исполнением законов. Хотя термин «королевский адвокат» тогда еще не встречается. Его появлением, как считают некоторые историки, Шотландия, вероятно, обязана своим контактам с Францией, где уже тогда существовала должность Королевского Прокурора (*Procureur du Roi*). Но каким бы ни было происхождение должности Адвоката, в XV в. в Шотландии она появляется не как публичный пост, а лишь как лицо, замещающее короля. И только при Джеймсе VI появится пост Общественного Обвинителя, то есть должность примет государственный характер.

Интересна судьба этой должности в период заключения Унии корон 1603 г. В последние годы XVI в. эту должность занимал Томас Гамильтон, прославившийся в течение своего долгого четырнадцатилетнего пребывания на посту в большей степени не как юрист, а как политический деятель, и которого, очевидно, с 1598 г. стали называть Лордом Адвокатом. Титул Лорд получали тогда все члены Шотландского Кабинета. Характерно, что перенос королевской резиденции в 1603 г. никак не сказался на его функциях, с тем лишь исключением, что большую часть вре-

⁶⁶ Omond G.W.T. The Lords Advocates of Scotland, from the close of the fifteenth century to the passing of the Reform Bill. Edinb., 1883. P. 3.

⁶⁷ Acts of the Parliament of Scotland. P. 216–217.

⁶⁸ Omond G.W.T. Op. cit. P. 3.

мени он стал проводить в Лондоне в качестве королевского советника. Правда, в 1604 г. Гамильтон прославился своими речами в шотландском парламенте, где он предупреждал об опасности англо-шотландской Унии корон. Вероятно, за свою слишком активную деятельность в 1611 г. он был смещен со своего поста в качестве «заслуженного пенсионера», и государство назначило ему пожизненное содержание в тысячу ф.ст., заместив гораздо более лояльным короне Вильямом Олифантом.

Один из его наследников, занимавших этот пост через сто лет, в период подписания Второй унии, сэр Джеймс Стюарт, тоже являлся непримиримым борцом за сохранение шотландского парламента и не раз высказывал свое мнение уже в самом начале XVIII в. Но судьба распорядилась так, что и этому почтенному старцу не довелось повлиять на судьбу Унии. В марте 1706 г. по тридцати одному представителю нижних палат английского и шотландского парламентов встречались для обсуждения процесса подготовки Унии. Лорда Адвоката среди них не было. Его ум был все в той же готовности выдвигать аргументы против объединения, но состояние тела было гораздо в более расстроенном состоянии. Он был неестественно тучен и не мог уже передвигаться самостоятельно. На заседания парламента его приводили, и, выступая, он не вставал с места. Поехать в Лондон на встречу депутатов он был просто не в состоянии. В процессе подготовки статей Унии его оппозиционность сделалась исключительно теоретической. В документе протеста, подготовленном частью депутатов шотландского парламента, подписи Джеймса Стюарта не было. Но говорили, что он одолжил свое перо, одному из представителей оппозиции.

Борьба вокруг Унии продолжалась. Герцог Гамильтон и лорд Стар делали все, чтобы обезоружить противников объединения. Для последнего противостояние стало роковым. Утром 9 января 1707 г. он умер, не вставая с постели. Проживи лорд Стар еще неделю, он застал бы статьи Унии подписанными⁶⁹.

Первый британский парламент прошел без Лорда Адвоката, который был вызван в Вестминстер. Но Генеральный стряпчий Шотландии сэр Дэвид Дарлимпл, брат покойного лорда Стара, являлся депутатом этого парламента от Хаддингтона и уже вскоре стал играть заметную роль в дебатах.

⁶⁹ Defoe D. History of the Union Between England and Scotland. Edinb., 1786. P. 207.

Вторая Уния внесла изменения в положение Лорда Адвоката. Согласно биллю, внесенному в британский парламент, «уния королевств должна быть более полной»⁷⁰, и существовать должен только один Тайный Совет. Хотя члены Тайного Совета Шотландии и утверждали, что, сохранив их палату, корона получит возможность верного влияния на шотландские дела, разница между Лондоном и Эдинбургом была столь велика, что управлять Шотландией с помощью шотландского Совета, находящегося в Лондоне, было просто невозможно. Согласно указу, подписанному Анной 13 февраля 1708 г., шотландское министерство упразднилось. «На протяжении многих лет, с древнейших времен и до дней Лорда Адвоката Стюарта, — пишет Джордж Омонд, — Тайный Совет являлся инструментом тирании и принуждения»⁷¹. Быть может, поэтому его ликвидация осталась как бы незамеченной даже среди патриотов Шотландии. Однако исчезновение этого органа повлекло за собой изменение позиций Лорда Адвоката, который принял на себя часть функций уничтоженного Совета.

Его положение стало как никогда сложным. В период Унии в Англии было два государственных секретаря. После упразднения шотландского Тайного Совета должность шотландского Секретаря, или Лорда Секретаря, поскольку он являлся членом парламента, продолжала существовать, но в течение нескольких лет она трансформировалась в должность Третьего государственного секретаря, чьей юрисдикцией являлись все вопросы, связанные с Шотландией. Его офис располагался в Лондоне, у него была своя курьерская служба, известная как Черная Почта, связывающая Лондон и Эдинбург и содержащая всю корреспонденцию, касающуюся управления Шотландией.

Должность Лорда Адвоката осталась, и он все также являлся государственным служащим, более того, лично ответственным непосредственно перед монархом и доверенным лицом короля. В этом смысле его положение отличалось от положения, например, английского министра юстиции, который всегда был только офицером на службе у короны. Поскольку такой должности в Англии раньше не было, то он был просто кооптирован в состав правительства и отныне стал действовать как составная его часть, выполняющая общий правительственный курс. Отныне все шот-

⁷⁰ Omond G.W.T. Op. cit. P. 272.

⁷¹ Ibid. P. 273.

ландские вопросы решались двумя органами – Третьим Государственным Секретарем и Лордом Адвокатом.

Государственные обязанности Лорда Адвоката были очень сложными, особенно в первый период после Унии или во времена, когда в Шотландии происходили смуты. Его мнение порой было решающим, но он должен был и отвечать за свои действия. Важные правовые вопросы, изменение обычаев, наказания, банковское дело – все это теперь находилось в руках британского правительства и Лорда Адвоката, непосредственно отвечавшего за эти вопросы. Ему все время приходилось отстаивать ту позицию, что ради блага как самой Шотландии, являвшейся теперь органической частью королевства, так и в интересах Британии в целом, необходимо действовать более мягким методами, использовать, скорее, убеждение, чем принуждение.

Сложность его положения, как думается, заключалась еще и в том, что он был одним из немногих шотландских служащих, чья должность была сохранена, и этот факт вызывал недовольство и зависть среди бывших сослуживцев и лишь усугублял ситуацию. В первый период после Унии существовало широко распространенное мнение, и не только среди противников объединения, что британское правительство ущемляет права шотландского бизнеса. Шотландские юристы были завалены жалобами, по поводу лишения постов. Королевская портниха, которая раньше зарабатывала в год пятьдесят фунтов, за то, что являлась официальной портной монарха, королевский булочник, королевский шапочник, королевский сапожник и многие другие, кто-то и не всегда получал жалованье напрямую от короны, но кто всегда пользовался монополией на титул – все они разом лишились своих привилегий. Юристы и адвокаты находились в несколько лучшем положении, их жалование даже было увеличено. В частности, Лорд Президент судебной коллегии, раньше получавший жалование в восемьсот фунтов, увеличил его отныне на триста пятьдесят фунтов. Каждый из двух стряпчих повысили свой доход на пятьдесят фунтов и стали получать в итоге двести пятьдесят фунтов. Лорд Адвокат Стюарт, ранее имевший доход в пятьсот пятьдесят фунтов, теперь имел жалование почти в два раза больше. Для некоторых высших государственных постов сложность, правда, заключалась в том, что не всегда просто было получить заработанное жалование. В частности, в мае 1710 г. Лорд Президент Дарлимпл, Лорд Клерк Юстиции Кобурн и сэр Джеймс Стюарт, Лорд Адвокат, организовали кампанию, в целях выплаты им жалования, заработанного

ими еще до Унии. И подобные ситуации не были редкостью. В то же время довольно прочные позиции юристов свидетельствуют о том, что правительство пыталось легитимными методами воздействовать на положение в Шотландии, более того, привлекая к этому процессу шотландских профессионалов.

На протяжении XVIII в. Аргайл и Дандас управляли Шотландией, используя институты, являющиеся частью центрального правительства. Но были институты, которые находились исключительно в ведении Шотландии, например, сбор налогов. И когда после восстания 1745 г. лондонское правительство герцога Ньюкасла попыталось лишить Шотландию этого права, встретило жесточайший отпор.

Но управляющий был не просто проводником шотландской политики в Лондоне или наоборот. Он сам мог инициировать разработку и принятие законов. В частности, по инициативе управляющих были приняты «Конвенция королевских городов» в 1727 г., способствующая развитию торговли, «Закон о банкротстве» 1772 г., на основании которого англичане лишь в XIX в. формировали аналогичное законодательство. Самым важным, пожалуй, в этой ситуации было то, что общество развивалось как бы «без присмотра», то есть все изменения происходили сами собой, инициировались обществом, а не форсировались Кабинетом из Лондона.

На местном уровне центральными фигурами были шерифы, которые начиная с «дандасовского» правления должны были получить юридическое образование. Можно, пожалуй, говорить о формировании в Шотландии этого периода гражданского общества, где главенствовал закон, а представители народа могли принимать активное участие в его обсуждении.

На местном уровне четыре института определяли развитие общества – шериф, выборные представители общества, церковный приход и королевский город. Наиболее влиятелен был шериф, который после дандасовской реформы 1747 г. был юридическим и административным представителем центрального правительства. Шериф обладал полномочиями местного судьи, организовывал выборы, собирал налоги, полагающиеся к отправке в Лондон, и представлял центральное правительство во времена волнений. Шериф назначался Лордом Адвокатом (главой юридической системы) и считался частью центрального правительства. Но часто это назначение происходило под влиянием местного управляющего. Чего никогда не происходило при назначении шерифа, так это вмешательства лондонского Кабинета.

Шериф входил в небольшое число выборных комиссионеров, собиравшихся на регулярные местные собрания, и направлял их петиции правительству в Эдинбург или Лондон. Этот совет комиссионеров был основан еще в 1667 г. в целях организации сбора земельных налогов, но со временем стал ответственен и за другие сборы – на поддержание дорог, мостов, переправ (последнее было особенно важно в условиях шотландского бездорожья). С годами этот орган превратился в организацию, в которую входили местные землевладельцы и представители городов графства. Один из основных принципов заключался в том, что все, кто платил налоги, имели право спросить об эффективном их использовании.

Органом, который обладал огромным влиянием в повседневной жизни, был церковный приход, являвшийся административным объединением церквей и отвечавший за то, что мы сегодня называем социальной политикой, например, образованием для бедных. В соответствии с принципами пресвитерианской церкви, приход управлялся собранием церковных старейшин, которые выбирались мужским населением общины. Ежегодно в мае собиравлась Национальная генеральная ассамблея церкви – традиция, которая сохранилась и до наших дней.

Королевские города стоят особняком в этой структуре, поскольку в целом они обладали правом самоуправления. Городские советы обладали таким же правом, каким в сельской местности были наделены церковные приходы, советы комиссионеров и шерифы. Право участия в совете города было крайне ограниченным, и чаще им обладал узкий круг людей, что приводило к конфликтам с церковной властью и собранием церкви, которое было гораздо более открытым. Но опять же, это были конфликты внутренние, но не споры между Шотландией и Британским государством.

Описанные общественные институты оказывали решающее влияние на повседневную жизнь шотландцев в XVIII в. Они регулировали образование, образ мысли, здоровье, рождение, женитьбы и смерть. Все они были свободны от непосредственного вмешательства центрального британского правительства, все они возникли задолго до подписания Унии 1707 г. и сохранялись после нее. Хотя трения, конечно, возникали. Например, конфликт между евангелистами и умеренными или между церковным собранием и светской властью (чаще, по поводу собственности), или вечный конфликт между элитой общества и массами, не допущенными к управлению. Но все это были местные проблемы. Шот-

ландия в этом смысле была обычным современным европейским государством, в котором существовала центральная власть, исходившая из Эдинбурга, а не из Лондона, и опиравшаяся в своей основе на шотландскую правовую систему и шотландское законодательство. Иначе говоря, сложно представить шотландское общество XVIII в., имеющее иной облик, даже в том случае, если бы Уния 1707 г. не состоялась. В первую очередь, это касается повседневной жизни шотландского общества.

Как мы уж отметили, часть полномочий и структур, более или менее формальных, находилась в руках герцогов Аргайлов. Второй герцог Аргайл и позже его брат Илай правили Шотландией, являясь, по сути, диктаторами. В конце 30-х гг. все шотландские судьи получали свои должности только по согласию одного из братьев. Их роль была чрезвычайно велика еще и потому, что им принадлежали огромные поместья, объединявшие земли, некогда являвшиеся территориями других кланов. Герцог Аргайл, помимо этого, являлся наследственным шерифом и Лейтенантом Севера, что давало ему практически неограниченную власть управления территориальной и правовой системой Шотландии.

Система управления Шотландии XVIII в. копировала английскую с ее сильно централизованной исполнительной властью, основываясь на патронаже и использовании влияния, на продаже должностей, посредством которой отдельные отрасли общественной жизни на протяжении многих лет находились в ведении отдельных семей. Однако если эта система более или менее успешно работала в Лоуленде и даже на северо-востоке, то в Хайленде с его многовековыми традициями межклановой вражды, кражи скота и выкупов, сохранившейся и в XVIII в. системы, когда родовой вождь или феодальный сеньор обладал властью гораздо большей, чем правительство, эта система не действовала. Горские территории могли держаться под контролем только в рамках системы, опиравшейся на силу, и только благодаря политическому давлению⁷². Такая система в Хайленде не была создана, и те, кто не находился под непосредственным влиянием Аргайлов, как правило, выступали против короны. Бывали и случаи, когда «люди именovali себя днем Кемпбеллами, ночью становясь Мак Грегорами»⁷³.

⁷² *Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement. Edinb., 1996. P. 26.*

⁷³ *Олдингтон Р. Стивенсон: портрет бунтаря. М., 1985. С. 37.*

Нестабильная ситуация, существовавшая накануне 1707 г., сохранилась и после Унии, что означало, что два могущественных клана – Кэмпбеллы и Маккензи – обладали решающей властью на всей территории Шотландии. Поскольку среди кланов были и те, кто оказывал правительству доверие, и его противники, кланы и их управление использовались и якобитами, и Ганноверами. В частности, Ганноверы отослали Симона Фрезера в Хайленд, для того чтобы склонить клан на сторону правительства в обмен на земли.

Уния парламентов вновь поставила задачу хайлендерских «улучшений», в ходе которых планировалось продолжить политику «цивилизации» горных регионов страны. Одним из шагов в этом направлении стало образование в 1709 г. Общества по пропаганде христианского знания, которое собирало деньги из частных фондов для строительства школ в Хайленде – чаще всего это были временные школы, существовавшие вместе с приходскими. В Хайленд посылались школьные учителя для помощи родителям в воспитании и образовании детей. Такая система образования существовала и в Англии, что неизбежно приводило к привнесению английской культуры, норм и традиций образования на север. Основным каналом такого воздействия становился язык, который является одним из составляющих идентичности. Результатом стал своеобразный билингвизм, когда вожди говорят на гэльском, а пишут на английском – явление, которое в итоге приведет к эрозии собственно гэльского языка. Однако интересно, что именно в это время впервые был осуществлен перевод Библии на гэльский язык – свидетельство того, что вопросы религиозного воспитания волновали правительство столь же сильно, как и проблема распространения образования и английского языка на севере⁷⁴.

Несмотря на все сделанное, эффективность хайлендерской политики снижалась тем, что среди политиков не существовало единства. Согласно Унии шотландские пэры лишь частично должны были быть представлены в Лондоне, а это порождало раздоры среди шотландской аристократии, разделившейся на вигскую и якобитскую партии, и в отличие от английских якобитов, шотландские, могли представлять реальную угрозу и альтернативу власти⁷⁵.

⁷⁴ *Mitchison R. Op. cit. P. 159.*

⁷⁵ *Ibid. P. 29.*

Но даже несмотря на противоречия в среде шотландской элиты, большинство были едины в том, что восстание 1715 г. – это серьезная угроза, которую нужно ликвидировать вооруженным путем. Дункан Форбс писал об этом восстании, что «не найдется в Шотландии и двухсот человек, которые в той или иной степени не имели к нему отношения»⁷⁶. Эдинбургская администрация признавала, что вопрос лояльности кланов – это вопрос лояльности их вождей, и что рядовые клансмены относительно безразличны и принимают участие в восстаниях лишь потому, что к этому их призывает вождь и клановая солидарность⁷⁷. В этом причина того, что многие из бунтовщиков, заточенные в тюрьмы, были отпущены, после того как они попросили прощения.

Если большинство шотландских членов правительства желали вернуть стабильность при сохранении существующего порядка, из которого они извлекали традиционные выгоды, то находились и те, кто выступал за решительные перемены существующего в Хайленде порядка. Таким сторонником радикальных мер по умиротворению Хайленда являлся, например, Илай, брат Аргайла, наследовавший ему в качестве Лейтенанта севера, настаивавший на том, что «нет большей угрозы для нас, чем хайлендеры – источник постоянной опасности для протестантского наследования. Несколько тысяч вооруженных людей и использующих оружие готовы подняться в течение нескольких недель ради свержения правительства...»⁷⁸. Другим сторонником изменений выступал капитан Мунтро Фоулис, который стремился к уничтожению феодальных правил подчинения. Но сделано ничего не было, и слова по-прежнему оставались лишь словами. Военные экспедиции, посылаемые в горы, из раза в раз оканчивались провалом. Планировалось даже устроить казармы для правительственных войск в Форте Августе, Инвернесе и Гленелге, для того чтобы разместить вооруженные силы на севере на постоянной основе, но из-за проблем с финансированием эта идея так и не была реализована. Акт о разоружении кланов 1716 г. возымел лишь символическое значение, поскольку оружие сдали только те немногие, кто колебался в своем выборе. Те же, кому была обещана плата за выступление на стороне Ганноверов, тщетно пытались добиться вознаграждения.

⁷⁶ Forbes to Walpole, Aug. 1716 // Culloden Papers. L., 1912. Vol. I. P. 62.

⁷⁷ Mitchison R. Op. cit. P. 30.

⁷⁸ Ibid. P. 31.

Государственные бумаги этого периода показывают, что хайлендерская проблема по большей части игнорировалась, поскольку необходимость интеграции хайлендеров в общешотландскую экономику и усилия по развитию там протестантизма были связаны с затратами, и Генеральная Ассамблея тщетно пыталась добиться субсидий на развитие школ в Хайленде. В других записках по хайлендерскому вопросу указывается, что для полной интеграции Хайленда необходимо устранить феодальное подчинение, что сделает население Хайленда такими же свободными гражданами королевства, как англичане. Еще в одном документе говорится, что необходимо финансирование хайлендерской милиции и содержание ее командиров на постоянной основе⁷⁹.

Незначительное восстание 1719 г. не привлекло серьезного внимания правительства и было с легкостью подавлено. Хотя оно и показало неэффективность Акта о разоружении, тем не менее не имело никаких ответных действий со стороны правительства. Его следствием, как считает Р. Митчисон, стал заговор Аттербери в Англии в 1722 г. и распространившиеся слухи о заговорах Макинтоша Борлума, Локхила и молодого Гленгарри.

Лишь в 1724 г. внимание правительства было привлечено к хайлендерскому якобитизму, что было связано с активизацией деятельности правительства Уолпола. Ловат в своем известном меморандуме описал крайне нелицеприятную ситуацию, сложившуюся в горах, акцентируя внимание на том, что проблема заключается в недостаточной информированности и бездействии: заложничество и шантаж стали обычным делом в приграничных с Хайлендом территориях Лоуленда и принимают все более широкие формы; разоружение не принесло результатов; известные якобиты (которые, кстати, были еще и личными врагами Ловата) занимают государственные посты Лейтенантов и судей, а некоторые судьи вообще не являются даже землевладельцами. Фактически система мирового судопроизводства функционирует не лучше, чем до 1715 г. Те, кто должен решать хайлендерский вопрос, зачастую некомпетентны. По его мнению, необходимо было восстановить компанию, занимающуюся хайлендерским вопросом, строже спрашивать с Лейтенантов и строить в Хайленде доро-

⁷⁹ *Mitchison R. Op. cit. P. 32.*

⁸⁰ *Ibid. P. 32–33.*

ги⁸⁰. Хотя большая часть этой программы действительно принадлежала Ловату, требования, содержащиеся в ней, звучали и ранее.

Другой документ, разъясняющий суть хайлендерской проблемы, принадлежит Лорду Клерку Юстиции Гранжу, хотя его записка и носит характер более риторический и расплывчатый. Так, Гранж начинает с того, что поясняет разницу между клановой и феодальной системами, сложившимися на севере, и утверждает, что вторая лишь усилила многие хайлендерские кланы, что приводит автора к мысли о необходимости устранения феодальной системы в Хайленде. Его критике подвергаются не только наследственная юрисдикция, но и политика короны, дающая власть лэрдам на севере и не спрашивающая ответственности за ситуацию в Хайленде с должностных лиц. Необходимо, говорит он, сосредоточить управление Хайлендом в крупных графствах, передав власть тем, кто действительно владеет информацией и рычагами управления ситуацией. Это, в свою очередь, приводит Гранжа к мысли о необходимости реформы системы шерифств, поскольку, в то время как графства Инвернесс или Перт слишком велики, Клакманан или Кромарти, наоборот, малы. Необходимо, считает он, новое графство с постоянным представительством в парламенте, в которое следует включить западные земли Инвернесс и юг Росс. Судьи и шерифы графств должны давать регулярные отчеты о положении дел в Хайленде. Примечательно, что Гранж, считая старую систему изжившей, полагает, что ответственность за ситуацию на севере должны нести не вожди, а шерифы и судьи, то есть государственные должности⁸¹.

Хотя ни программа, предложенная Ловатом, ни соображения Гранжа так и не были реализованы полностью в контексте XVIII в., все же эти документы привлекли внимание правительства, которое попыталось сосредоточиться на хайлендерском вопросе более внимательно. В частности, прислушавшись, очевидно, к информации, содержащейся в отчетах, правительство, создало комиссию по хайлендерскому вопросу во главе с Уэйдом, для изучения ситуации в горах, строительства там дорог и казарм, изучения вопроса об институте Лейтенантов и положении с мировым судом, а также для реализации Акта о разоружении. Забавный случай, когда в самом начале работы комиссии разразился

⁸¹ *Mitchison R. Op. cit. P. 34.*

скандал, поскольку комиссионерам стало известно, что рента с конфискованного у графа Шефорта поместья до сих пор поступает графу, свидетельствует о степени коррупционности многих лиц, занимавшихся хайлендерским вопросом.

В 1725 г., как раз во время городского восстания Сифилда, в котором приняли участие города практически всей Шотландии, Уэйд впервые предпринял поездку по Шотландии. Восстание, вызванное повышением налога на солод, что вело к подорожанию пива, охватило всю Шотландию и проходило под националистическими лозунгами возвращения исконных легислатур в Эдинбург⁸². Центральному правительству оно дало повод расправиться с некоторыми неугодными элементами в Лондоне, в частности, был выведен из состава Кабинета герцог Роксбурн и Государственный Секретарь по делам Шотландии.

Итак, на время Шотландия стала объектом внимания правительства, а Уэйд, составив отчет о положении в Хайленде, приступил к его практической реализации, начав со строительства дорог и новых барачков. Было образовано шесть Хайлендерских компаний, одна из которых принадлежала Ловату. Рента с конфискованного поместья Шефорта стала поступать в казну Комиссии, хотя сам экспроприированный граф начал интриги за возвращения *status quo*. Выставленное на продажу поместье не привлекало внимания покупателей и по истечении трех лет было снято с торгов, а семьи крестьян и клансменов обрели возможность вернуться на свои земли⁸³. Поскольку имение не представляло интереса для правительства, граф получил его обратно, хотя многочисленные ветви клана были влиятельны и могли составить угрозу стабильности⁸⁴.

В эти годы был издан новый Акт о разоружении и устроено показательное мероприятие, в ходе которого оружие сложили около двух тысяч хайлендеров. Переплавленный металл должен был пойти на нужды хозяйства Северной Шотландии. По рекомендации Уэйда, якобиты и правительство принесли друг другу взаимные извинения и обязывались не помнить зла. Корона выделяла тысячу фунтов ежегодно на строительство школ в Хайленде. Казалось, что ситуация нормализовалась, и правительство стало забывать о горской проблеме.

⁸² *Mitchison R. Op. cit. P. 34.*

⁸³ *The Highlands of Scotland in 1750 / Ed. by Andrew Lang. Edinb., 1898. P. 27.*

⁸⁴ *Mitchison R. Op. cit. P. 36.*

Но система правосудия и клановая организация так и оставались нерешенными вопросами. Граф Илай считал, что система частного судопроизводства, основывающаяся на клановых институтах, является наибольшей опасностью и нуждается не в реформировании, а в искоренении, вместе с самой родовой организацией.

Одной из самых значимых фигур шотландской политики XVIII в. был Ловат, получивший блестящее образование, слывший одним из самых богатейших вождей Хайленда. Пытаясь установить свое вожжество над кланом Фрезер, он не единожды менял свои политические убеждения. Так, во время восстания 1715 г. Ловат один из первых хайлендеров поддержал Ганноверов, за что получил поместье Маккензи Фрезердайл, чей владелец находился на стороне якобитов. В 1733 г. он получил шерифство в Инвернесс, которого добивался несколько лет, но в 1737 г. опять одним из первых стал участником новой якобитской интриги, а когда об этом стало известно в 1739 г. потерял и шерифство, и Хайлендерскую компанию, собственником и главой которой являлся⁸⁵. Возвышение вождей, подобных Ловату, являлось, очевидно, признаком слабости правительственной власти в Хайленде.

Еще одним свидетельством нестабильности ситуации на севере стал конфликт между Уолполом и графом Аргайлом. Илай, наследовавший своему брату, был политиком гораздо более тонким, нежели прежний Аргайл. В хайлендерском вопросе его мероприятия были направлены на то, чтобы стать на севере не вождем, а землевладельцем. Ренты с его поместий росли, но это, одновременно, приводило к утрате лояльности младших ветвей клана Кемпбелл, который представлял собой огромный союз, сложно контролируемый даже в лучшие времена. Можно было бы говорить о «традиционной зависимости», имея в виду степень влияния вождя на клан, но к Кемпбеллам это относилось с большой степени условности уже и в XVI в., поскольку это был самый «англизированный» клан, а вожди младших его ветвей часто проводили собственную политику.

Когда в 1740 г. резко возросло количество клановых рейдов с целью угона скота на территории Инверарри, а заложничество и шантаж, несмотря на все попытки Уэйда покончить с ними, вновь стали приобретать прежние широкие размахи, становясь систе-

⁸⁵ *Mitchison R. Op. cit. P. 36.*

матическим, Илай, расценивая это как угрозу тому, что создавал на севере его брат, был тем не менее бессилен что-либо сделать.

Кризис правительства был усилен активной внешней политикой, которую Британия вела в конце 30-х гг. В результате внутренняя нестабильность и внешнеполитическая деятельность, требующая больших затрат, привели к активизации якобитского движения в Хайленде. Однако правительство снова сочло эту угрозу, не достойной внимания. В 1742 г. окончилось правление Уолпола, и на смену ему пришло коалиционное правительство, в котором Твидэйл занял пост Государственного Секретаря по делам Шотландии, а Илай отправился на север, чтобы там представлять интересы правительства. Оба они противостояли друг другу, и если первого поддерживали судьи, назначению которых он способствовал, то второго – правительственная администрация.

Эти новые обстоятельства стали знаком близящегося восстания. Маркус Твидэйл имел очень смутные представления о географии Хайленда, и когда в ноябре войска якобитов продвигались к югу, он не мог ничего сделать, поскольку из-за мучавшей его подагры ему не удалось даже собрать Кабинет, когда необходимы были решительные действия. Главное, чего удалось добиться Твидэйлу, – это расколоть правительственные войска в Шотландии.

С его назначением остановились и какие-либо реформы, требовавшие энергии и денег⁸⁶. Все мероприятия, которые планировались и осуществлялись, как нарочно, способствовали лишь эскалации напряженности в регионе. Форбс вынашивал план набора полков в Хайленде для заграничной службы, и недовольство хайлендеров сияющими слухами об отправке за границу выливалось в неприятие любых правительственных мер в горах. Выкуп или постоянная стража стали единственными гарантами сохранения собственности на севере.

В 1743 г. Илай наследовал своему брату в качестве третьего графа Аргайла и тут же развернул деятельность по умиротворению Хайленда. Все жители его поместий были приведены к присяге. Конфискованные после восстания 1715 г. земли были возвращены их прежним хозяевам, исключая, правда, леса и территории, на которых находились минеральные ресурсы⁸⁷.

С началом восстания 1745 г. Форбс записал: «...правительство имеет гораздо больше друзей на севере теперь, нежели в

⁸⁶ Culloden Papers. L., 1912. Vol. I. P. 175–188.

⁸⁷ Mitchison R. Op. cit. P. 38.

1715 г., но я не знаю такой законной силы, которая могла бы осуществлять там деятельность. В 1715 г. во всех графствах были Лейтенанты, если сейчас нечто подобное существует, то это больше того, что мне известно»⁸⁸.

У Форбса были все основания сомневаться в эффективности и существовании института королевских Лейтенантов на севере. Лейтенанты, которые существовали в период 1715 г., официально не были смещены, поскольку, очевидно, правительство просто побоялось это сделать. Но в 1727 г. правительством Георга II был составлен список новых. В результате ко многочисленным противоречиям Хайленда добавился еще и новый конфликт, который правительство не пыталось даже решать, так как сам институт Лейтенантов не устраивал его. Возможно, потому что корона не хотела оставлять власть в руках клановых вождей, из которых, как правило, Лейтенанты и назначались.

Еще одним сложным вопросом оставалась проблема милиции. Должна ли корона вооружать отряды милиции, что, по сути, означало бы вооружение кланов? Стоит ли их подчинять формально королевским Лейтенантам? В начале 1744 г. Твидейл осознал, что институт Лейтенантов необходим, и в этом вопросе нужно навести порядок. Им была создана даже комиссия, которая, однако же, так и не начала работать. Сложность была в том, как распределить лейтенанства. Многочисленные и могущественные лобби стремились назначить своих представителей на выгодные посты, и дебаты затянулись до осени 1745 г., когда новые назначения были бы бесполезны – в середине октября сэр Эндрю Митчелл констатировал, что в связи с началом восстания времени на новые назначения нет. А уже в ноябре этот вопрос стал самым важным в шотландской политике. Аргайл, добившись от короля его назначения на пост Лейтенанта графства Аргайл, причем не как комиссионера, а как наследственного обладателя этой должности, принес клятву и отправил своего кузена формировать отряды милиции из клана Кемпбелл.

Многие, и не только в правительстве, не верили в то, что к северу от Ти вообще могут быть лояльные правительству кланы. Граф Марчмонд записал: «Тот, кто был якобитом однажды, останется им всегда»⁸⁹. Якобитское движение стало одной из самых ярких и символических страниц хайлендерской истории.

⁸⁸ 8 Aug. 1745 // Culloden Papers. L., 1912. Vol. I. P. 205.

⁸⁹ Rose G.H. The Marchmont Papers. L., 1831. Vol. I. P. 251.

V

ЯКОБИТСКАЯ САГА

- ◆ Якобитские войны
- ◆ Политика умиротворения
- ◆ Политика «улучшений»

Якобитские войны

Мало кто в Шотландии сегодня не считает себя специалистом по истории якобитского движения. Для шотландцев это такой же символ, как для французов их Великая революция или для нас события 1917 г. Якобитизм – это одновременно и один из наиболее ярких, романтизированных сюжетов шотландской истории, который включает в себя и историю Чарльза Эдуарда Стюарта, «Милого Принца Чарли», и драму восстания 1745 г., и последнее, ставшее эпическим противостояние хайлендерских кланов и англичан на поле Каллодена. Все эти события обросли мифами, романсами и легендами.

Причем интересно, что 1745 г. стал для шотландцев и точкой, расколовшей общество на сторонников и противников якобитизма. Среди историков и по сей день ведутся споры об альтернативных путях развития, связанных с движением. А Мюррей Питток, профессор шотландской литературы Эдинбургского университета, считает, что среди огромного числа работ, призванных демифологизировать якобитизм, большая часть – лишь ремифологизируют его. Якобитское движение стало одновременно и одним из самых романтических периодов шотландской истории, и самым романтизированным.

Династия Стюартов была основой политической поляризации в Шотландии на протяжении нескольких десятилетий после восшествия на престол Ганноверов, что до сих пор оставляет актуальным вопрос о том, был ли якобитизм развитым политическим движением или эпизодическим расколом. Шотландские якобиты

стали участниками восстаний 1689–1691, 1708, 1715–1716, 1719, 1745–1746 гг., заговора с целью убийства Вильгельма Оранского в 1696–1696 гг. и попыток смены правительства в 1702–1703, 1706, 1717, 1723, 1753 гг. Несмотря на постоянную страсть якобитов к проявлению мятежного духа, многие историки утверждают, что нельзя с полным основанием говорить о том, что якобитизм в Шотландии имел сколько-либо серьезную организационную структуру, стратегию действий или даже разработанную идеологию. Ведь недаром до сих пор основным вопросом среди исследователей этого движения является проблема: против чего же выступали якобиты? Против династии Ганноверов, свергнувших прежних Стюартов? Против Унии, лишившей, как тогда считали, гордую шотландскую нацию ее независимых легислатур? Или против чего-то еще?

Притом что основными участниками движения были шотландцы, организационная инициатива практически всех выступлений, как ни странно, находилась не в Шотландии, а в Париже, Авиньоне, Мадриде, Риме и т.д. – там, где скрывались бежавшие представители дома Стюартов. Помимо всего прочего, якобитизм зарекомендовал себя и как умелый участник дипломатических переговоров – поиски континентальных союзников среди монархов Европы входили в число первоочередных приоритетов якобитской политики. И надо сказать, что международная активность якобитизма имела свои результаты, воплощенные, по крайней мере, в обещаниях военной помощи. Более того, среди европейских дворов, в частности, в Риме и Париже, даже возникла конкуренция за оказание помощи Стюартам.

Еще одной проблемой для изучающих якобитское движение становится вопрос об отношениях между якобитами трех частей королевства – Англии, Ирландии и Шотландии, поскольку, хотя движение и имеет в народной памяти и в историографической традиции явно шотландскую окраску, тем не менее немало его сторонников находилось и среди англичан, и ирландцев. Ряд исследователей считают, что цели их были принципиально различными, а одинаковое название скрывает лишь общую протестную форму¹.

¹ *Macinnes A. Scottish Jacobitism: in Search of a Movement // Eighteenth Century Scotland. New Perspectives / Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999.*

В ходе восстания 1689–1691 гг. роль взаимодействия ирландских якобитов и тори была довольно велика. Дальнейшее суровое подавление и последовательная политика экспроприаций ирландской политической элиты создавали лишь основу для еще большей поддержки якобитов, хотя чаще эта поддержка носила пассивный характер. В результате ирландский якобитизм имеет гораздо большую конфессионально-националистическую окраску, нежели его шотландская разновидность.

Английские якобиты тоже выступали, главным образом, под религиозными лозунгами, и для них само движение было, скорее, своеобразным ярлыком, маркировавшим их особую позицию по отношению к «революционному устройству». Свои политические позиции английская оппозиция чаще выражала не через какие-то действия, а посредством дебатов, причем, чаще, не в парламенте, а в питейных заведениях Оксфорда или в общественных клубах.

В отличие от ирландцев или англичан шотландский якобитизм, с одной стороны, был гораздо более действенной силой, а с другой – более обращен в прошлое, в котором он черпал опору, в том числе и социальную, в этой связи чрезвычайно важна его связь с клановой системой Шотландии. Не случайным в этой связи выглядит обоснованное, хотя и подвергаемое сомнению в последние годы, в частности М. Питтоком, мнение о том, что наиболее активными якобитами были жители шотландских гор к северу от реки Ти. Хотя в то же время важен и факт, что даже шотландцы с равнины порой выступали в защиту якобитов под знаменами своих кланов. Таким образом, клановая солидарность, воплощенная в верности вождю, личных связях клансменов или даже обычае кровной мести, была тем, что противопоставлялось влиянию модернизации. Готовность якобитов поддерживать вооруженную борьбу в условиях преследования была частью шотландской традиции взаимопомощи. Однако, очевидно, что одной клановой солидарности было бы мало, особенно в середине XVIII в., когда клановая организация претерпела значительные изменения, чтобы превратить протест фактически в национальное движение. Не стоит забывать и то, что, согласно сведениям источников, некоторые кланы даже были расколоты в своей поддержке якобитизму, причем эта поддержка варьировалась от одного восстания к другому.

К свергнутой династии Стюартов в Шотландии на протяжении всей второй половины XVII в. отношение было очень нео-

днозначным. Джеймс II прибыл в Шотландию в 1679 г., в период английского кризиса, когда многие не хотели видеть его на престоле из-за приверженности католицизму. В Шотландии, имея развязанные руки, он сделал все, чтобы расширить влияние Стюартов, вызывавших антипатию еще сорок лет назад, и положить начало формированию стюартовского мифа, в рамках которого возвращение Шотландии к ее «Золотому веку» было возможно только при участии древней королевской династии. Джеймс пробыл в Шотландии три года, и за это время он сделал Эдинбург интеллектуальной столицей стюартовского роялизма. Выступая за сохранение шотландской традиции, монарх заботился о сохранении Адвокатской библиотеки и Королевского Колледжа Физики, постоянно одевая все это в стюартовские одежды, чем способствовал возрождению дореформаторских традиций, в основе которых лежало так называемое «правило чертополоха» – идея шотландского аристократического патриотизма. Этим воздействием на сознание Джеймс пытался вернуть позиции, утраченные Карлом II. Его деятельность между 1679 и 1688 гг. свидетельствовала, что с одной стороны, он хотел сделать Эдинбург «блестящей столицей роялистской аристократии», а с другой – Джеймс стремился реабилитировать героический имидж своей династии как династии покровителей и благодетелей, корни которой уходят глубоко в прошлое². В результате на севере создавалась «роялистская интеллектуальная модель», которая станет идейной основой якобитского движения.

Из-за непрерывного возрастающего вмешательства двора в шотландские дела между 1689 и 1707 гг. якобиты утверждали, что представляют альтернативные государственные интересы, что имело, правда, обратный желаемому эффект. Лондонский кабинет с еще большей подозрительностью стал относиться к этой шотландской «альтернативности» и старался по возможности исключить шотландских представителей с поля политической игры, обвинив их даже в попытке заговора в 1702–1703 гг., а предполагаемая связь с якобитизмом стала мощным орудием клеветы на многих видных шотландских политиков со стороны их конкурентов.

После 1707 г. эта «альтернативность» стала выражаться в стремлении восстановить собственные легислатуры, приведшем к

² Pittock M. The Invention of Scotland: the Stuart myth and the Scottish Identity, 1638 to the present. L., 1991. P. 18.

ряду ответных действий со стороны правительства, что, в свою очередь, спровоцировало восстание 1715 г.

Однако связь шотландских якобитов с представителями вигской партии, имевшими свои коммерческие интересы на Севере Британии, не позволила правительству расправиться до конца с движением, в отличие от ирландских или английских якобитов, которые были подвержены жестоким репрессиям после подавления восстания 1715 г. Действительно, влиятельные вигские круги, недовольные политикой экспроприаций и репрессий по отношению к ирландцам, добились запрета на аналогичные репрессивные действия против хайлендерских землевладельцев по одному лишь подозрению в участии в восстании.

Якобитское движение, название которого произошло от латинского имени Джеймса – *Jacobus Neus Rex*, как правило, ограничивают хронологическими рамками 1688–1788 гг. Нижняя граница – это «Славная революция» в Англии и свержение Стюартов, а верхняя – это смерть «младшего претендента», принца Чарльза, в Париже. Периоды же наибольшей активности деятельности якобитов включали 1688–1696, 1714–1724, 1745–1750 гг.³

Когда Джеймс в 1685 г. наследовал в Лондоне трон своего брата, то парламенты обеих стран признали его королем. Он легко подавил восстание Монмаута в Англии и Аргайла в Шотландии. Двумя годами позже он опубликовал «Декларацию свободы совести», где заявил о том, что «по нашему глубокому убеждению, не следует ограничивать свободу совести, равно как и принуждать людей в вопросах веры, ибо насилие всегда претило нашим желаниям». Однако провозглашением этого документа Джеймс преступил «Акт о присяге» 1673 г., согласно которому все поступавшие на государственную службу обязаны были исповедовать англиканство. Сразу же после оглашения «Декларации свободы совести» целый ряд иерархов англиканской церкви оставили свои кафедры, что свидетельствует о наличии не только религиозного конфликта, но и политического противостояния.

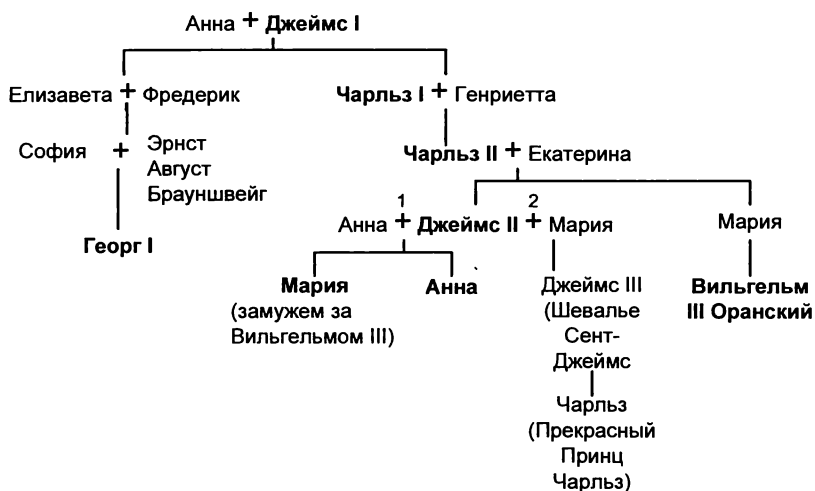
Все это привело к низложению Джеймса, инициировало которое вигское большинство.

Нового монарха, Вильгельма голландского, женившегося на дочери Джеймса, Марии, пригласили именно английские магна-

³ *Dickinson H.T. The Jacobite Challenge // Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995. P. 7–22.*

ты. Шотландия и ее аристократия не связывала себя никакими обязательствами с новой династией. Так, впервые после 1603 г. шотландцы высказали свое собственное мнение, которое расходилось с английским, относительно монарха.

Стюарты были законными королями Шотландии и вели свое происхождение с древнейших времен, а тот факт, что один из них уступил свой английский трон чужаку, вовсе не означало, что древняя династия потеряла свое право на английский престол. В этой связи практически все шотландцы считали Джеймса своим законным правителем. Да и шотландским епископальным священниками тоже не хотелось видеть на троне датского кальвиниста. Однако в феврале 1689 г. Вильгельм и Мария были провозглашены английским парламентом правителями Англии. Могла ли шотландская Конвенция Земель (не парламент, поскольку в ее состав не входил монарх) поступить так же?

Генеалогическая схема Стюарты – Ганноверы

В состав Конвенции входило две партии – якобитская и провильгельмская. Провильгельмски настроенный герцог Гамильтон был избран президентом Конвенции наименьшим большинством. Сразу же после этого Клаверхауз, виконт Данди отбыл в Хайленд для организации якобитского движения. Конвенция, освобожденная от давления Клаверхауза и проякобитских сил, объявила Джеймса, лишенным шотландской короны, «как паписта»

и пользующегося «советами дурных приближенных»⁴, провозгласила королем Вильгельма и приняла первое Требование прав, согласно которому Шотландия получила возможность выбирать своего короля и ставить ему условия, а монарх, в свою очередь, должен был руководствоваться Требованием прав.

Джон Грэхам Клаверхауз виконт Данди с шестьюдесятью всадниками покинул Эдинбург ранней весной 1689 г. – так записано в докладе королю Вильгельму. 16 апреля, месяц спустя после переправки Джеймса VII [II] в Ирландию, он поднял королевский штандарт над своим замком в Данди... Так начиналась Якобитская сага.

Политическая подоплека тех событий не единожды описана в исторических сочинениях. Данди, как и Монтроуз, лоулендерский кавалер, получил под свое командование хайлендерскую армию, включавшую батальон ирландских кавалеристов под командованием Кэннона. Граф Мэлфорд обещал Данди еще пять тысяч конных воинов, но обстоятельства не позволили реализоваться этим проектам. И хотя значительное число жителей равнинной Шотландии симпатизировали Данди, лишь небольшой отряд лоулендеров вошел в состав его войск⁵.

Битва при Киллекранке 27 июля 1689 г. стала своеобразной пробой сил. В армии Данди сражалось около двух тысяч солдат, набранных из незначительного количества западно-хайлендерских кланов, на стороне его противника генерала Маккоя не многим более. В сражении, длившемся несколько часов, погибло более половины, принимавших в нем участие, в том числе и сам Данди, сражавшийся во главе своего отряда.

Одним из немногих знаков того, что якобитское движение может получить дальнейшее развитие, стало то, что Клаверхауз после своей победы над правительственными войсками в этой битве получил прозвище, хотя и посмертное, «Милый Данди»⁶.

Сам Вильгельм специально не интересовался и не знал много о шотландских делах. «Мы рады, что столь большое количество знати и джентри здесь, в Лондоне, выступают за унию обоих Королевств..., которая может принести процветание этим нациям, установит среди них мир, выгодный обеим [поскольку], они живут на одном острове, говорят на одном языке, имеют общий интерес в

⁴ *Daiches D.* Scotland and the Union. L., 1977. P. 39–40.

⁵ *Pittock M.G.H.* The Myth of the Jacobite Clans. Edinb., 1995. P. 44.

⁶ *Devine T.M.* The Scottish Nation, 1700–2000. L., 1999. P. 33.

религии и свободе..., а также общих врагов»⁷. Под общими врагами он имеет в виду Францию, его оценка языка не учитывает гэллоговорящий Хайленд, а его мнение по поводу общей (протестантской, конечно же!) религии тоже слишком оптимистично. Насколько много шотландских «знати и джентри», которые лоббировали унию, было в Лондоне, мы достоверно не знаем. Но интересно, что идея унии кардинально противоречила тем советам, которые давал Джеймс VII в 1692 г. своему сыну, рекомендуя, править королевствами порознь: «В том истинный интерес Короны, чтобы держать это королевство (Шотландию) отдельно от Англии и править его законами и установлениями»⁸.

Из Шотландии к Вильгельму и Марии были посланы три должностных лица для принесения клятвы – граф Аргайл, сэр Джеймс Монтгомери Скелморли и сэр Джон Дарлимпл. Аргайл, сын казненного девятого графа, был изгнан в Голландию и сопровождал Вильгельма в Англию; Монтгомери был активным участником Ковенанта и одним из тех, кто посещал Вильгельма в Голландии и поддерживал с ним связь, чтобы затем пригласить в Англию; сэр Джон Дарлимпл (позднее граф Стар) был сыном сэра Джеймса Дарлимпла, первого виконта Стара, автора сборника шотландских законов, хотя и служил поначалу Лордом Адвокатом и потом Лордом Клерком Юстиции при Джеймсе VII, заключил мир и с Вильгельмом в ожидании постов. Все они представляли интересы разных общественных слоев – соответственно, пэров, баронов и горожан, и были единодушны, претендуя на то, что выражают общешотландское мнение. Все они были пресвитерианами и теми, кого мы сегодня называем вигами, т.е. протестантами антиякобитами, поддержавшими «Славную революцию».

Вильгельм решил управлять Шотландией посредством Секретаря, и Монтгомери кулуарно был назначен на эту должность. Когда монарх решил поменять свое мнение и сменить Монтгомери на более откровенного пресвитерианина модератора Джорджа Мелвилла (которого сделал графом Мелвиллом в 1690 г.), оскорбленный Монтгомери подался к якобитам, что отчетливо свидетельствует о непостоянстве кадровых симпатий Вильгельма. Монтгомери отказавшись от должности Клерка Юстиции и основал оппози-

⁷ *Daiches D. Op. cit. P. 42.*

⁸ *Ibid. P. 42.*

ционную политическую группу в Эдинбурге, известную как «Клуб», в который поначалу входили и виги, лишенные Вильгельмом постов и шотландские патриоты, обеспокоенные сохранением шотландских прав и привилегий, а позднее туда же влились и якобиты. Это сочетание несогласных вигов, якобитски настроенных тори и шотландских националистов представляло собой реальную возможность межпартийной проякобитской коалиции, которая могла блокировать любые идеи унии между Шотландией и Англией.

Интересно то, что корона Британии была возложена одновременно на голову и Вильгельма, и Марии, которая была дочерью Джеймса VII и, соответственно, происходила по прямой линии от Стюартов. Согласно закону кельтской Шотландии, право, передаваемое по женской линии, могло быть признано, как произошло, например, с Робертом Брюсом, когда он стал графом Карриком. Но даже это не способствовало признанию позиций Марии в Хайленде – это можно объяснить тем, что клансмены считали передачу власти по женской линии элементом феодального права. В том случае, если вождь не имел сыновей, муж его дочери становился новым сеньором клана, наследуя и землю, и власть. Но как бы то ни было Вильгельм и Мария не имели детей, поэтому вопрос о праве наследования их сына не вставал. Мария умерла в 1694, а Вильгельм, передавший престол ее сестре, Анне, которая была замужем за Джорджем Денмарком, братом датского короля, в 1702 г. Шотландцы признали право Анны занимать престол, поскольку Мария не имела детей. Лишь один из семнадцати детей Анны, пережил младенчество, но умер в 1700 г.

Примерно тогда же в 1701 г. умирает Джеймс II, и его тринадцатилетний сын Джеймс III (VIII) становится новым молодым «Старым Претендентом». Якобиты связывали с ним большие надежды, однако фортуна не была благосклонна к нему.

Джеймс рассчитывал заручиться поддержкой английских противников Ганноверов и назначил встречу представителю английской стороны. Однако в день встречи лил дождь, было сыро и ветрено, и поэтому юный Стюарт предпочел остаться в кровати и не пойти на это свидание, что свело на нет все попытки расширить состав участников движения. Многие историки считают, что это был столь необходимый, но так бездарно упущенный шанс⁹.

⁹ *Petrie Ch. The Jacobite Movement. L., 1958. P. 170.*

В том же 1701 г. английским парламентом был принят Акт Утверждения (Act of Settlement), ставший лишь подтверждением постановления, принятого 1689 г., о невозможности шотландцев занимать трон. Одновременно этот Акт провозглашал передачу короны Софии Ганноверской и ее наследникам. Матерью Софии была дочь Джеймса VI Елизавета, ныне королева Боемии. Таким образом, со смертью Анны престол переходит сыну Софии, Георгу, приходящемуся правнуком Джеймсу VI по женской линии. Шотландский парламент не принял Акт 1701 г. и предпочел затягивать вопрос о наследовании Анне как можно дольше. Ответный Акт о безопасности (1703 г.), принятый в Эдинбурге, провозглашал раздельное наследование двух королевств «в силу того, что Королевская линия в Шотландии сохранилась, то не может быть одного наследника в Англии и Шотландии»¹⁰.

Англичане же старались сделать все, чтобы не допустить возвращения династии Стюартов. Выходом для них в такой ситуации становится полная уния двух стран, в терминах того времени «уния-инкорпорация», в результате заключения которой Англия как большая и более развитая страна должна была поглотить меньшую Шотландию¹¹.

В 1706 г. Анна заявила о своем намерении распустить шотландский парламент, что, с точки зрения шотландцев, ссылавшихся на Арбродскую декларацию независимости 1320 г., было, конечно же, противозаконно. Сейчас вновь оживились споры по поводу того, чем же была Уния 1707 г. – выгодной ли сделкой или обманом. В частности, одна из последних книг шотландского историка Криса Уотли «Проданы и куплены за английское золото? Объясняя Унию 1707 г.»¹² самим своим названием красноречиво свидетельствует в пользу первой точки зрения.

Реакцией на Унию стали вооруженные волнения в Глазго, в ответ на которые 30 ноября 1707 г. парламент принял соответствующий закон против бунтовщиков, что вызвало новую волну недовольства. Более же серьезная угроза правительству возникла со стороны намечающейся коалиции Камеронов, крайне радикально настроенных вигов-ковенантеров и католических якови-

¹⁰ Pittock M.G.H. Op. cit. P. 92.

¹¹ Daiches D. Op. cit. P. 53.

¹² Whatley Ch. Bought and Sold for English Gold? Explaining the Union of 1707. Edinb., 1994.

тов севера. Объединенные силы этих сторон, по свидетельству Локхарта Карнавата, составляли «семь-восемь тысяч хорошо вооруженных мужчин»¹³.

Другой вариант развития событий, описанный тем же Локхартом, заключался в том, чтобы «пригласить как можно больше баронов и фригольдеров в Эдинбург, для того чтобы они стали представительным собранием», и подать на имя королевы прошение о созыве нового парламента¹⁴. Но оба варианта были разрушены герцогом Гамильтоном.

На протяжении правления королевы Анны, вплоть до ее смерти в 1714 г., якобитское движение поутихло в надежде, что престол перейдет сводному брату Анны, сыну Джеймса II, тоже Джеймсу. Он был на 23 года моложе сестры, жена у него была католичка, и он вынужден был отправиться в изгнание вместе со своим отцом, что в глазах якобитов давало ему право наследовать престол и Шотландии, и Англии¹⁵.

Большая часть хайлендерских кланов считала Джеймса своим законным королем вплоть до конца активной фазы якобитского движения – битвы при Каллодене в 1746 г. Причины этого – частично религиозные, а частично социальные и политические. В Хайленде феодальная система держания развивалась как искусственное явление, пришедшее с юга на смену старым патриархальным нормам, и в результате конфликт двух систем был неизбежен. «Наследственный монарх считался естественным покровителем клансменов, живущих патриархальным обществом до тех пор, пока землевладелец не становился между клансменами и монархом. Клансмены постоянно стремились сбросить зависимость от феодального сеньора и ассоциировали свою свободу с верностью наследственному монарху», – пишет Дайчез¹⁶. Крупные вожди, среди которых был Аргайл, стремились использовать обе системы. Большей частью они были востребованы революцией 1689 г. и приняли ее, в то время как другие, которых было большинство, – нет, продолжая считать Стюартов своими законными королями, которые были способны сохранить существующую организацию в противовес феодальным сеньорам. Однако ошибка Джеймса VII

¹³ *Daiches D. Op. cit. P. 163.*

¹⁴ *Ibid. P. 164.*

¹⁵ *Ibid. P. 46.*

¹⁶ *Ibid. P. 44–45.*

заключалась в том, что он считал весь Хайленд верным себе, не осознавая, что часть горцев все же была на стороне Вильгельма.

Религиозный фактор также был одной из основ поляризации в годы якобитского движения. Шотландские якобиты получали помощь от епископальных священников, которые не были настроены приносить присягу утвердившейся на престоле династии, не говоря уже о том, что значительное число якобитов исповедовали католицизм. Однако среди участников движения, особенно в период восстаний 1715 и 1745 гг., были и пресвитериане, недовольные планами «революционного умиротворения» Хайленда.

Епископальная церковь Шотландии была главным источником антиуниатских чувств. Также как Стюарты рассматривали Акт Утверждения 1703 г. в качестве признания права престолонаследия лишь за англичанами, таким же образом, сторонники епископальной церкви рассматривали его как окончательное утверждение протестантизма в королевстве. «Генеральная Ассамблея, – пишет Линч, – собравшаяся в 1690 г., не была общим собранием, поскольку была представлена всего лишь ста восемьюдесятью священниками и старейшинами, все с юга от Ти. Таким образом, это было представительство южной Шотландии, выражавшее мнение пресвитериан¹⁷.

Зимой 1688–89 гг. двести епископальных священников были смещены со своих кафедр и буквально выгнаны на улицу¹⁸. Но епископальная церковь выжила, особенно на севере Ти, где было много ее сторонников среди кланов и консервативных семей. В Хайленде пресвитерианскими были только те кланы, которые попали под влияние Кемпбеллов, графов Аргайлов или Гордонов, графов Сазерлендов.

Епископальные территории, по мнению Т. Дивайна, стали основой якобитского движения в XVIII в.¹⁹ Пятнадцать из двадцати шести хайлендерских кланов, принявших участие в восстании 1715 г., были епископальными, пять – имели в своем составе представителей разных деноминаций. Примерно такое же соотношение было в рядах лоулендеров, поддержавших восстание. Центр якобитизма располагался на северо-востоке – в Ангусе, Абердине, Банфе,

¹⁷ Lynch M. Scotland. A New History. L., 1991. P. 304.

¹⁸ Roberts J.L. The Jacobite Wars. Scotland and Military Campaigns of 1715 and 1745. Edinb., 2002. P. 3.

¹⁹ Devine T.M. Op. cit. P. 34.

Форфаре и Кинкардине, которые вместе в Пертширом были традиционными епископальными регионами Шотландии. Незначительное число католиков (в 1750 г. – около 2 % населения Шотландии), главным образом, сосредоточенных на западе Хайленда, на северо-востоке и юге Гебрид также оказали поддержку Стюартам. Несмотря на то, что в восстании 1715 г. только шесть из двадцати шести кланов были католическими, римская церковь признавалась среди якобитов одним из идеологических факторов.

В 1716 г. против епископальных конгрегаций северо-востока были применены милиция и драгуны, что со временем приводит к сокращению количества епископальных священников. В 1689 г. их было 607 человек, в 1731 – 125, а вскоре после Каллодена «только четыре епископа и сорок два священника напоминали о том, что сто лет назад четырнадцать епископов и архиепископов, и тысяча священников служили в этих краях»²⁰.

Епископальные священники и сами часто покидали свои места, отправляясь в Ирландию или Англию, а многие из них позже нашли свое место в американских колониях. Остро стояла проблема замещения вакантных епископальных кафедр. В документах той поры приводятся интересные материалы по поводу попыток заменить епископальных священников пресвитерианскими. В частности, примечателен отчет о событиях в приходе Гленорхи: «Последнему епископальному священнику прихода Гленорхи, мистеру Дэвиду Линдси было приказано оставить место для пресвитерианина, который был назначен графом Аргайлом. Когда новый священник прибыл в приход, никто не желал с ним разговаривать, за исключением самого мистера Линдси, который оказался очень добр. В воскресенье новый наставник прибыл в церковь в сопровождении своего предшественника. Вся община собралась у храма, но никто не входил внутрь. Ни один не заговорил с новым священником, ни один не попытался воспрепятствовать ему, когда он попытался войти в храм; его просто окружили двенадцать полностью вооруженных мужчин, попросивших его следовать за ними...; они приказали волынщику играть “Марш смерти” и вместе с пресвитерианином отправились шествием за пределы прихода. Там они заставили его поклясться на Библии, что он никогда не вернется и не предпримет попытку сместить

²⁰ Pittock M.G.H. Op. cit. P. 105.

мистера Линдси. Тот сдержал свою клятву, и мистер Линдси жил после этого тридцать лет и умер, будучи епископальным священником Гленорхи, любимым и чтимым своим народом»²¹.

Высшая англиканская церковь и сторонники епископата сначала были очень схожи, но со временем они расходятся. Епископские священники верили, что разрыв унии восстановит их права в Шотландии, поскольку договор 1707 г. защищал права пресвитериан; для англикан же восстановление Стюартов на престоле означало возврат цезаре-папистской монархии. Для сторонников епископальной церкви восстановление монархии и национальной свободы были неразрывны, в той же степени, как и сама епископальная церковь олицетворяла шотландскую монархию. По словам Маргарет Кемпбелл, как тартан олицетворяет Шотландию с тех пор, как Фергюс был коронован, так и епископальная церковь сопровождает жизнь шотландцев издревле.

Не совсем понятна и позиция пресвитерианской церкви в ходе якобитского движения. Современники отмечали симпатию пресвитериан к движению вплоть до того, что причисляли их к якобитскому лагерю. Было ли это проявлением несогласия с Унией? Пресвитериане утверждали, что «Бог может его [Джеймса] изменить, или протестанты придут к нему. Но Уния никогда не будет принята»²². Локхарт писал графу Маришалю в апреле 1719 г., что среди протестантов на протяжении многих лет существует множество потенциальных якобитов. «Королю Джеймсу симпатизирует не много людей в восточных частях королевства, но огромное количество людей и джентри, и общинников из пресвитериан либо настроены против нового правительства, либо безразличны к нему»²³. Эта фраза показывает равновесие между национализмом и роялизмом среди идеологов якобитизма, таких как Локхарт.

Учитывая угрозу лишь недавно утвердившемуся режиму со стороны якобитов, Джон Кемпбелл Гленорхи решает начать политику умиротворения Хайленда. В Гленко сэр Джон Дарлимпл проводит экспедицию против Макдоналдов Гленко, чей совершеннoletний вождь был не способен оказать сопротивление. Два похода, возглавляемые Аргайлом — давним противником Доналдов, стали свидетельством своеобразной паранойи, охватившей

²¹ *Stewart D. Sketches of the Highlands. Edinb., 1822. Vol. I. P. 99.*

²² *Pittock M.G.H. Op. cit. P. 95.*

²³ *Szechi D. Letters of George Lockhart of Carnwath. Aberdeen, 1989. P. 141.*

правлящие верхи Британии. Паранойи, о которой Вильгельм не мог не знать.

Мотивация же якобитов, выступивших против короны, была странной смесью традиционной лояльности монаршей фамилии и анти юнионистских чувств²⁴.

Одними из наиболее активных участников якобитской борьбы были все те же Камероны. Из письма графа Мара Локхарту, датированного 31 октября 1718 г.: «Нам стало известно, что Господь прикоснулся к сердцам многих людей в Шотландии, которых именуют Камеронами и которые теперь чувствуют свою ответственность перед страной, и что они готовы присоединиться, подняв оружие для восстановления престола их предков, и нашего шотландского королевства, и его древней свободы, и независимости государства»²⁵. И хотя интересы трона здесь и называются в числе первых причин борьбы, из текста все же очевидно, что основой движения являлся антиуниатский протест.

Целью якобитов было возвести на престол обоих королевств Джеймса Френсиса Эдуарда (Джеймса VIII), известного как Шевалье Сент-Джордж, для того чтобы он смог сделать то, чего не добился его отец Джеймс VII. Однако после смерти Анны, 1 августа 1714 г. Георг немедленно был возведен на престол, поскольку к этому моменту Софии тоже уже не было в живых.

Граф Мар, который занимал пост Государственного Секретаря по шотландским делам, известный своими проуниатскими настроениями, но смещенный Георгом, подался к якобитам и стал антиуниатом. Когда он поднял стюартовский штандарт над замком Брэмар 6 сентября 1715 г., положив начало неудачному якобитскому восстанию, это был голубой штандарт со скрещенным шотландским оружием в золоте, с одной стороны, и шотландским чертополохом – с другой, со старым шотландским девизом: «*Nemo me impune lacessit*» («Никто не оскорбляет меня безнаказанно») и словами «Нет Унии»²⁶. А когда сын Джеймса VIII, Чарльз Эдуард, пытался вернуть трон во время восстания 1745–46 гг., то он подписывал документы «Чарльз, Принц Уэльский и Правитель Шотландии, Англии, Франции и Ирландии, и земель, им принадлежащих», что свидетельствует о его

²⁴ Lynch M. Op. cit. P. 328.

²⁵ Langhorne W.H. Reminiscences. Edinb., 1893. P. 9.

²⁶ Daiches D. Op. cit. 168.

согласии с Унией. Соответственно, поздний якобитизм – это движение, во-первых, и главное, за возвращение трона Стюартам, и за культурную самостоятельность Шотландии. Статья 24 договора Унии говорила о том, что «Корона, Скипетр и Государственный Меч» Шотландии должны храниться в Шотландии, но этот факт был неизвестен до 1818 г. И на первых порах якобитизм в Шотландии действительно принял антиуниатские и антианглийские формы.

Будучи гораздо более озабоченным делами ганноверского курфюршества, бразды правления новый монарх доверил своему министру финансов, а затем и премьер-министру Уолполлу. Лишь только это произошло, якобитское движение вступает в свою активную стадию. Среди факторов, способствовавших его началу, было и упразднение Тайного Совета в 1708 г., и Акт об измене 1709 г., и Акт Патронажа 1712 г., и увеличение Солодового налога в 1713 г. Количество восставших в 1715 г. включало от двенадцати до двадцати тысяч, что в соотношении с количеством населения Шотландии равнялось 5–10 % мужского населения²⁷. Колокола, звонившие 10 июня 1715 г. в честь дня рождения Джеймса VIII над небольшой деревушкой Нортон, что в Сомерсете, звучали как угроза новой династии.

Время для начала кампании, однако же, было потеряно. Франция заключила мир, и якобиты, которым ранее была обещана помощь с континента, были оставлены на произвол судьбы. Джеймс, видя, что Франция не помогает, начинает переговоры с Испанией и Швецией.

Возглавил новую кампанию лорд Мар. Поначалу дела у восставших шли хорошо, и им удалось захватить большую часть страны. Но Мар, овладевший Пертом, медлил с дальнейшими действиями, очевидно, ожидая обещанной помощи извне. А тем временем к правительственным войскам прибывали подкрепления с юга, из Англии. 13 ноября две армии, якобиты под руководством лорда Мара и правительственные войска, возглавляемые Аргайлом, встретились под Дунблайном. Произошедшая битва не выявила победителя. Мар снова засел в Перте, и чем дольше он там находился, тем хуже была его ситуация. Тем временем

²⁷ Holmes G. The Making of Great Power. Late Stuart and early Georgian Britain 1660–1722. L., 1993. P. 437.

из Голландии пришли подкрепления англичан и теперь численность правительственных войск была в три раза больше, чем у якобитов. Даже прибытие в Шотландию самого Джеймса Эдуарда уже не могло исправить ситуацию. И когда в январе 1716 г. Аргайл стал наступать на войска якобитов, поражение Мара было предрешено. Часть вождей, попавших в плен, была казнена, многие другие вместе со своими клансменами были отправлены на плантации в Америку.

Большинство историков согласны в том, что решающую роль в восстании 1715 г. играли сторонники епископской церкви. В мае 1716 г. король написал письмо Лордам Юстиции, где, говоря об известных ему фактах, что в некоторых местах епископские священники во время службы не молятся о нем и королевской семье, потребовал закрытия епископских церквей и привлечения священников к ответственности²⁸. Большая часть священников епископской церкви были изгнаны, а пресвитериане воспользовались моментом для того, чтобы использовать недовольство властей. Тридцать шесть пресвитерианских клерков заняли освободившиеся места только в Абердине, а Университет Абердина, бывший оплотом епископальной церкви, стал теперь основой развития пресвитерианизма на севере.

Поместья участников восстания 1715 г. были конфискованы, и правительство впервые даже попыталось разоружить кланы, что удалось лишь частично. Лондон также начал наступление на гэльский язык и культуру. В Хайленде строительство дорог положило начало формированию регулярной системы коммуникаций, которые контролировались так называемой Черной Стражей. Однако сборщики налогов королевской казны были врагами номер один, а контрабандисты, эти своего рода «социальные бандиты», объединившие бандитизм с политической программой, — народными героями.

В 40-е гг. удача в последний раз повернулась к якобитам. Армейские части Британии в это время были заняты в европейских войнах — в Испании, во Франции, в Голландии, молодой принц Чарльз Эдуард в свои двадцать лет был умен, энергичен и храбр, а во Франции после смерти старого кардинала Флери, его

²⁸ Goldie F. A Short History of the Episcopal Church in Scotland from the Restoration to the Present Time. L., 1951. P. 43.

место занял Тено, симпатизировавший Стюартам. Франция и Британия были втянуты в войну за Австрийское наследство, указ о начале которой в марте 1744 г. подписал Луи XV. На континенте была маленькая британская армия.

Чарльз решил действовать один. В августе 1745 г. он высадился в Шотландии лишь с несколькими сподвижниками, и эта новость в одно мгновение облетела страну. Это было действительно храброе и необычное решение – начать военные действия на территории, которую он не знал, с людьми, которых он до этого не встречал. К сентябрю в его войске было около двух с половиной тысяч хайлендеров, а в декабре его пестрая армия насчитывала уже пять тысяч человек. Правда, М. Питток приводит несколько другие цифры. Согласно его подсчетам, армия Чарльза насчитывала предположительно пять тысяч семьсот десять хайлендеров, четыре тысячи двести двадцать – лоулендеров, тысячу двести – англичан, французов и ирландцев²⁹.

Описывая армию Претендента в 1745 г., «Скотс Мэгазин» говорит о ней, как о составленной из «варваров тех [северных] земель, многие из которых паписты, находящиеся под прямым влиянием своих священников; призванные к неповиновению..., которые не знают власти закона, но послушны лишь своим вожакам»³⁰. Следует помнить, что еще и в XVIII в. истинной информации даже о быте жителей шотландских гор было не так-то и много, и поэтому, здесь мы встречаемся со стереотипным представлением, которое с полным основанием можно сравнивать с описанием горцев у Джона Мэйджора. Более того, возможно, что автор статьи никогда и не видел ни этой армии, ни хайлендеров, но, будучи убежден в их дикости, продолжает именно дикость считать опасностью для королевства. Иначе говоря, для сторонников британской монархии, это была война против невежества, нецивилизованности и бескультурия, на место которым должны были прийти блага просвещенной цивилизации. Чем еще можно объяснить войну за земли, не представляющие большой экономической выгоды?

История «45» широко известна – высадка семи человек в Мойдарте, подъем штандарта над Гленфинаном, неудачная попытка сэра Джона Коупа пресечь наступление, взятие Эдинбурга, бал в

²⁹ Pittock M. Op. cit. P. 64.

³⁰ Scots Magazine. 1745. P. 518.

Холирудском дворце, победа при Престонпансе, выступление на юг, взятия Карлайла, движение к Дерби, где состоялся военный совет, должный принять решение между провалом и катастрофой и в итоге выбравший отступление, полупобеда в Фолкирке, отступление в Хайленд, безуспешная попытка ночной атаки армии Кумберленда, короткое сражение у Каллодена, пять месяце скитаний по горам Шотландии и потом дикое бегство во Францию.

Особенностью этого последнего восстания стало то, что оно получило сравнительно незначительную поддержку от традиционно якобитских регионов. Якобитизм многих тех, кто не входил в структуры правительства или церкви носил в это время пассивный характер, а те немногие вожди, которые послали относительно крупные контингенты в армию Претендента, имели, как правило, вполне определенные цели, связанные с восстановлением Стюартов на престоле лишь опосредованно. Например, граф Кромарти был банкротом, но в его распоряжении находился его собственный суд, в котором его никто не мог преследовать, Ловат был человеком, которому интриги были необходимы как воздух, Макферсон Глани был готов оказать вооруженную помощь любому, кто о ней попросит. Все это свидетельствует том, считает Р. Митчисон, что если бы Ганноверы ввели в центральный Хайленд эффективную армию, то многие кланы с удовольствие разошлись бы по домам³¹.

Преподобный Роберт Форбс, историк и шотландец, написал свою знаменитую книгу «Лев в трауре» уже в конце 1746 г. Она была опубликована Шотландским историческим обществом, основанным в 1886 г. Потом В. Скотт с его «Уэверли» и «Рассказами деда», давший свою интерпретацию событий, Р.Л. Стивенсон, Самуэль Джонсон и многие другие авторы, шотландцы и англичане сделали события «45» сюжетом своих повествований. Чарльз и его авантюра, его бегство (некоторые утверждали, что он первый прыгнул в лодку, чтобы спастись во Франции) неизменно привлекали внимание, оценки которого разнились в зависимости от отношения к шотландскому национализму. Обращалось внимание и на то, что часть клансменов не приняла участие в походе на Лондон, считая авантюру обреченной, и на то, что, по словам Петри, «45» стало национальным шотландским вос-

³¹ *Mitchison R. Lordship to Patronage: Scotland, 1603–1745. L., 1983. P. 165.*

станием. Другие говорят, что это была гражданская война со многими признаками хайлендерского набега³².

10 ноября 1746 г. принц Чарльз Эдуард Стюарт, младший претендент, в письме Людовику XV написал: «Королевство в расстройстве, и английское правительство полно решимости уничтожить тех, кто поднял оружие в мою защиту»³³. Линдси Патерсон в своей монографии «Автономия современной Шотландии» дал иную оценку тогдашней ситуации: «Англичане и шотландцы теперь были согласны по идеологическим вопросам в том, что первые предоставляют вторым самостоятельность. Например, шотландский Управляющий согласился на умиротворение Шотландии в годы якобитского движения без колебаний, обеспечивая безопасность не Шотландии, а Британии»³⁴. Чарльз Стюарт и Линдси Патерсон не единственные, чьи мнения в оценки характера и роли якобитского движения в Шотландии в XVIII в. не совпадают.

Уже тогда в XVIII в. никто не хотел приносить свои извинения за дикость, которой сопровождалось движение, быть может, потому, что Хайленд находился в состоянии постоянного кровопролития. Розалин Митчисон пишет о событиях XVI–XVII вв.: «Мы постоянно слышим о клановых сражениях, проходящих через века, о Макдоналдах, в течение двух дней уничтоживших семьдесят Маклинов, о людях, сожженных в церкви на Скае в 1520 г. или в Росссе в 1603 г., о двухсот восьмидесяти Маклинах, убитых в Грунареде в 1598 г., или ста сорока Колкухонах – в Гленфруне в 1603 г.»³⁵.

Жестокость действительно проявлялась с обеих сторон. Многие представители знати, принимавшие участие на стороне бунтовщиков, были прощены очень быстро. Так, лорд Джордж Мюррей был одним из активных якобитов обоих, и 1715, и 1745 гг. восстаний, но его старший сын был членом парламента в 1761 г. и герцогом Аттолом с 1764 г.; его второй сын Джеймс служил в британской армии и дослужился до чина генерал-лейтенанта, и

³² Cannon J. *Historians and the '45: «Listening to Silence»* // *Jacobitism and the '45* / Ed. by M. Lynch. L., 1995. P. 27.

³³ Prince Charles Edward Stuart. *Memorandum to Louis XV, 10 November 1746* // *Lochiel of the 45*. Edinb., 1994. P. 157.

³⁴ Paterson L. *The Autonomy of Modern Scotland*. Edinb., 1994.

³⁵ Mitchison R. *Op. cit.* P. 169.

по иронии судьбы был назначен правителем Форта Уильям в 1780 г., лорд Маклеод, который бежал к якобитам в восемнадцатилетнем возрасте в 1745 г., свою карьеру окончил в чине генерала армии Георга III.

Дж. Плюмб в своих лекциях, изданных в 1967 г., обращает внимание на трансформацию якобитизма от гражданской войны и бунтов конца XVII в. к относительному спокойствию XVIII в. Это то, что он называет «ростом политической стабильности Англии»³⁶. Другой историк Джон Кеньон Форд, наоборот, говорит о том, что «немного было стабильности в обществе, которому постоянно угрожали бунты и восстания и в котором премьер министра постоянно подстерегала опасность со стороны Палаты Общин, как это было с Уолполом в 1733 г.»³⁷.

Вызов Плюмбу прозвучал еще в 1970 г., когда была опубликована парламентская история Англии, где на страницах, относящихся к 1715–1745 гг., авторы на широком документальном материале показали, что во время 1745 г. тори в большинстве своем поддерживали якобитов и выступали за реставрацию Стюартов³⁸. В условиях двухпартийной системы, когда одна партия выступает за свержение правящей династии и поддерживает военные действия, о стабильности говорить не приходится.

Что касается поддержки якобитов, то она без сомнения была. В 1745 г. был продемонстрирован крайне высокий уровень толерантности со стороны шотландской аристократии. Высший класс, имевший к тому времени уже довольно прочные связи с лондонским двором, к появлению Принца в Эдинбурге отнесся довольно спокойно. Королевский Банк Шотландии хотя и перенес свою резиденцию в Крепость, когда ворота города были открыты бунтовщикам, деятельности своей тем не менее не прекращал. Правда, администрация Шотландии перебралась в Бервик, который еще с 1689 г. был готов принять ее.

О поддержке со стороны целого ряда знатных шотландских фамилий свидетельствует пример лорда Ловата, который занимал двойственную позицию в династическом споре, и якобитским историками характеризовался как человек «наиболее сильных

³⁶ *Plumb J.H.* The Growth of Political Stability in England. L., 1967.

³⁷ *Kenyon J.* Revolution Principles: the Politics of Party, 1689–1720. Cambridge, 1977. P. 204.

³⁸ *The House of Commons, 1715–1754 / Ed. by R. Sedgwick.* Oxf., 1970. P. IX.

националистических эмоций»³⁹. Когда Чарльз прибыл в его дом после поражения у Каллодена, Ловат напомнил ему о его славном предке Брюсе и его поражении двенадцатого года⁴⁰.

Как бы то ни было, одним из факторов поражения восставших стало то, что обещанная помощь от английских якобитов не подошла. Лорд Джордж Мюррей рассказывал, что Принц был выбит из колеи тем фактом, что «шотландцы теперь пожинали плоды всего того, что они сделали. Они продвинулись в сердце Англии, готовые соединиться с другими частями, но ничего этого не произошло»⁴¹.

Причины этого отказа в помощи очень просты. Во-первых, как показывает Боб Харрис, английская пропаганда создавала соответствующий образ якобитов: «Бог запретил, что бы какой-либо Папистский Принц правил нами!» – провозглашает Бристольский журнал, и этот призыв эхом отдается по всей стране. Во-вторых, обстоятельства стали очень опасными, поскольку на встречу восставшим из Манчестера вышел отряд в три тысячи человек, и один английский якобитский полк не мог им противостоять. Более того, после потери Карлайла пропала и надежда на победу⁴². И, в-третьих, английские якобиты имели гораздо меньше опыта в военном противостоянии, чем хайлендеры. Лишь некоторые из них когда-либо ранее держали оружие в руках.

Чем все это обернулось для английских якобитов, которых спасли их шотландские товарищи? Сэр Джон Хайнд Коттон из Кембриджшира, получил пост в правительстве. Он находился в подчинении доктора Вильяма Кинга, главы Сент Мэри Холла в Оксфорде, который не пришел на помощь Принцу, стоявшему в семидесяти милях от него. Другой якобит, лорд Барримор, стал членом парламента в Лондоне в годы правления Георга II.

Это восстание, по мнению целого ряда исследователей, демонстрирует то, что они называют «стабильная нестабильность ганноверского правительства»⁴³. Подчеркивается, в частности, что

³⁹ *Lenman B. The Jacobite Clans of great Glen, 1650–1784. L., 1984. P. 163.*

⁴⁰ *Pittock M.G.H. The Myth of the Jacobite Clans. Edinb., 1995. P. 94.*

⁴¹ *A Short account of the affairs of Scotland in the years 1744, 1745, 1746 by David Lord Elcho / Ed. by E.E. Charteris. 1907. P. 337.*

⁴² *Cannon J. Historians and the '45: «Listening to Silence»// Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995. P. 30.*

⁴³ *Ibid. P. 30.*

удачи якобитов в их продвижении к Лондону, когда города на пути их следования сдавались без боя и становились на сторону противников Ганноверов, а в некоторых случаях Чарльза Эдуарда встречали как героя, свидетельствуют о вероятности перехода власти к сторонникам свергнутой династии. А когда якобиты вошли в Дерби 4 декабря, стратегическая инициатива была все еще на их стороне. Со стратегической точки зрения Чарльз Эдуард был прав – нужно было идти маршем на Лондон, а не ждать французской помощи. Это был единственный вариант, который мог сработать, учитывая, тем более, что английские якобиты тогда еще были готовы поддержать шотландских⁴⁴.

Но что могло бы произойти, если бы Лондон пал, задаются вопросом другие, приводя, в качестве примера красноречивый исторический факт о взятии русскими Берлина в 1760 г. Изменилась бы Британия? Повел бы Георг свои войска в бой или предпочел бы отправиться в Ганновер, как он собирался поступить, когда якобиты стояли в 130 милях от Лондона⁴⁵? Ответ очень неоднозначен, а сегодня в значительной степени детерминирован еще современным состоянием национальной проблемы в Шотландии.

Интересно и другое. По вступлении в Эдинбург Принц провозгласил, что Уния разрывается, но это не означало, что вновь провозглашаются два независимых королевств. И его марш в Англию, и желание занять единый престол Англии и Шотландии – свидетельство стремления к сохранению единства двух частей монархии.

Что же касается международного аспекта этого движения, то якобитизм, как мы уже говорили, постоянно подпитывался той иллюзией, что ему будет оказана международная военная помощь, и возможность высадки французских военных сил в южной Англии была важным военным аспектом «45». В самом начале XVIII в. возможность вторжения французов действительно была чрезвычайно велика. Эдинбургская крепость тогда охранялась ста двадцатью воинами, в Стирлинге было сто человек, в Данбартоне – сорок, этого было явно не достаточно для отражения нападения извне. Годолфин писал, что в случае начала волнений маленькой шотландской армии в три тысячи человек бу-

⁴⁴ *Black J. Military Aspects of the '45 // Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995. P. 56.*

⁴⁵ *Ibid. P. 55.*

дет недостаточно, чтобы умиротворить бунтовщиков. Согласно информации Мальборо, которую тот получал из шведских источников, находящихся, в свою очередь, в контакте с французскими агентами, Франция в 1704 г. была готова переправить из Рошфора восемь батальонов пехотинцев на помощь сторонникам Стюартов⁴⁶. В этой связи Мальборо писал Годолфину, что в случае необходимости шесть полков придут в Шотландию в течение двадцати четырех часов⁴⁷.

В 1745 г. французы, в частности, надеялись переправить своих лошадей в один из английских портов, например, Дувр или Данженес. Важна была и экономическая помощь Франции, в частности, контрабанда из-за пролива сыграла решающую роль в снабжении сторонников якобитизма. Особенно известны среди контрабандистов были представители все того же клана Камеронов, заключавшие брачные контракты с другими родами, объединяя материальные средства и отражая тем самым консолидацию якобитских сил.

И хотя провал попытки французской помощи в 1744 г. был вызван погодными условиями, Дж. Блэк утверждает, что высадись французы зимой 1745–1746 гг. в Англии, они с легкостью разбили бы неготовую к серьезным столкновениям английскую армию. Это, кстати, подтверждается и данными эпистолярных источников. В частности, герцог Ньюкасл пишет герцогу Ричмонду 12 декабря 1745 г.: «Мы в великой тревоге ожидаем немедленного вторжения французов... Адмирал Вернон ожидает их каждый час... Но у нас не будет и шести тысяч человек, чтобы противостоять им»⁴⁸.

Несмотря на все сказанное, можно согласиться и с Линдой Коли, которая утверждает, что английские якобиты сделали для правительства Уолпола больше, чем они сделали для Джеймса III, поскольку сами спровоцировали кардинальное решение горской проблемы⁴⁹.

Шестинедельную кампанию после Каллодена возглавил Доналд Камерон Локхил. Но летом 1746 г. британские силы разби-

⁴⁶ The Marlborough – Godolphin Correspondence / Ed. by H.L. Synder. 3 vol. Vol. 1. P. 265.

⁴⁷ Ibid. P. 359.

⁴⁸ Black J. Op. cit. P. 52.

⁴⁹ Colley L. In Defence of Oligarchy: the Tory Party 1715–1760. Cambridge, 1982. P. 23.

ли его войска. Одним из самых важных последствий поражения шотландцев под Каллоденом стало то, что отныне Унии 1707 г. больше ничего не угрожало.

Часть якобитов, поддержавших движение в первой половине XVIII в., после его поражения стали республиканцами. Еще и в 1747 г. при французском дворе упоминались «серьезные планы по установлению республики в Шотландии»⁵⁰. Эта идея развивалась Маркусом Д'Эгвилем, который в 1745 г. был посланником французского монарха при дворе Чарльза и настоятельно советовал Принцу накануне Каллодена не вступать в бой в столь неблагоприятных для него условиях (имелось в виду состояние его армии и условия местности). Д'Эгвиль всячески пытался убедить, впрочем, безуспешно, Чарльза, что политические цели его движения во Франции рассматриваются как столь же важные, что и династические⁵¹.

Якобиты, подобные графу Маришалою, действительно после окончания якобитского движения стали республиканцами. И это свидетельствует, по мнению М. Питтока, что участники движения были гораздо более националистами, нежели сторонниками погранных династических прав Стюартов. Есть некая правда в словах одного из сторонников националистического движения в Шотландии в XX в. Д. Макнила, считавшего, что «якобитизм стал реальной силой только в 1707 г. ..., в Шотландии он преследовал исключительно практические цели и не для Чарльза»⁵².

Действительно, угроза ганноверскому правлению была очень серьезна⁵³, причем с двух сторон – и от якобитов из Дерби, и от французов. Но внимания заслуживает то, с какой легкостью правительство взялось реализовывать планы по «умиротворению» Хайленда. При этом касались они не только экономической, социокультурной и военной сфер, но и формирования в горах идеи «британскости». Все это имело неожиданные результаты.

⁵⁰ *Pittock M.G.H.* Op. cit. P. 94.

⁵¹ *Ibid.* P. 94.

⁵² *MacNeill D.H.* Scots and English Jacobites // *Scots Independent*. 1941. April. № 167.

⁵³ *Black J.* Op. cit. P. 53.

Политика умиротворения

Обязанность по проведению политики «умиротворения» была возложена на Лорда Адвоката Шотландии, и это был, пожалуй, самый сложный период в истории титула. Даже не время движения якобитов, поскольку там было вполне очевидно, что бунтовщики представляют опасность для целостности королевства, и Лорд Адвокат Аргайл безоговорочно согласился с необходимостью силового подавления движения, сложным и исключительно важным было именно последующее тридцатилетие, когда нужно было ввести Шотландию в русло размеренного развития. Кроме того, Лорд Адвокат и в самой Шотландии имел очень двойственное положение, поскольку, как замечает Омонд, всеми слоями населения он рассматривался как английский резидент⁵⁴. Уния все еще не прижилась в Шотландии. Королевские законы не воспринимались как законы и не действовали. Пройдет тридцать лет, и когда Лорд Адвокат Монтгомери займет освободившийся после Генри Дандаса пост, ситуация коренным образом изменится – надежды якобитов окончательно растворятся в британской политике, хайлендеры будут сражаться в одних рядах с англичанами, сама Шотландия станет частью Британии, а ее население лояльно и миролюбиво.

Изначально Лорд Адвокат как член Факультета Адвокатов – одной из самых влиятельных «общественных» организаций Шот-

⁵⁴ Omond G.W.T. The Lords Advocates of Scotland, from the close of the fifteenth century to the passing of the Reform Bill. Edinb., 1883. V. II. P. 28.

ландии, объединявшей юристов, рассматривался как главный представитель короны в Шотландии, которого король назначал по своему усмотрению. Но постепенно обязанности его расширялись. Он мог издавать прокламации, руководил официальной корреспонденцией между Эдинбургом и Государственным Секретарем в Лондоне, был членом парламента, ответственным за шотландские легислатуры, шотландские требования-запросы, то есть был своеобразным каналом связи между правительством и шотландскими интересами. В последней трети XVIII в. пост Лорда Адвоката становится одним из центральных, и хотя в теории Генерал Стряпчий мог иногда замещать Лорда Адвоката, принимая часть его обязанностей, но на практике это случалось очень редко, и Генерал Стряпчий чаще занимался рутинными судебными делами.

Спустя несколько дней после битвы у Каллодена, Герцог Кумберленд сказал, что, несмотря на подавление мятежников «восстание может вспыхнуть вновь, если в [северных] землях не будет новой системы управления»⁵⁵. Такой системой, по мнению Кумберленда, должна была стать система репрессий.

К моменту окончательного подавления восстания парламент в Вестминстере заседал уже в течение шести месяцев и было принято несколько законов, направленных на приведение к порядку беспокойных районов Шотландии. Лишь только весть о Каллодене достигла стен парламента, сразу же был внесен билль о том, что всякий подозреваемый в нелояльности короне житель Шотландии должен обзавестись поручителем. Поскольку в восстании принимало участие много священников, сторонников епископальной церкви, был инициирован другой Акт, согласно которому всем сторонникам епископата нужно было получать специальное разрешение на ведение службы.

Несколько биллей было направленно непосредственно против военной угрозы со стороны горцев. В частности, хайлендерам запрещалось носить оружие, а в случае неповиновения им грозила отправка в колонии в качестве солдат на шесть месяцев – при первом нарушении, и на семь лет – при повторном. Как оружие войны были запрещены и волынки. Особого внимания была удостоена традиционная одежда хайлендеров. Согласно специальному акту ни мужчины, ни юноши не должны были носить килты

⁵⁵ *Omond G.W.T. Op. cit. P. 30–31.*

или другие разновидности хайлендерской одежды. Тартаны и клетки были также запрещены. Наказанием за ношение тартана было шестимесячное тюремное заключение – в первый раз, и семилетняя служба в колонии – при повторном нарушении. Этот закон был принят 12 августа 1746 г., ответственность за его исполнение возлагалась на магистраты, а контролирующей инстанцией был Лорд Адвокат.

Роберт Стивенсон в романе «Похищенный», события которого относятся к 1751 г., так описывает сложившуюся с одеждой ситуацию: «Горский костюм был со времен восстания запрещен законом, местным уроженцам вменялось одеваться по обычаю жителей равнины, глубоко им чужому, и странно было видеть пестроту их нынешнего облачения. Кое-кто ходил нагишом, лишь набросив на плечи плащ или длинный кафтан, а штаны таскал за спиной как никчемную обувь; кое-кто смастерил себе подобие шотландского пледа из разноцветных полосок материи, сшитых вместе, как старушечье лоскутное одеяло; попадались и такие, кто по-прежнему не снимал горской юбки, только прихватил ее двумя-тремя стежками посередине, чтобы преобразить в шаровары вроде голландских. Все подобные ухищрения порицались и преследовались: в надежде сломить клановый дух закон применяли круто...»⁵⁶.

В армии офицеры были обязаны проверять подозрительных солдат и докладывать об их лояльности шерифу. Но все эти акты, являвшиеся инициативой парламента и не учитывавшие реальной ситуации, не способны были привести к порядку в северных землях. Парламент принимал акт за актом, и раз за разом население Северной Шотландии готово было поднять очередной бунт.

Пожалуй, самая ожесточенная борьба развернулась вокруг законопроекта, получившего название «Акт Почетной Юрисдикции». Согласно ему, земли на севере Шотландии, представлявшие особый, говоря современным языком, стратегический интерес для государства, могли быть постановлением парламента конфискованы. Правда, экспроприированным землевладельцам предусматривалась компенсация. Несмотря на борьбу, развернувшуюся вокруг законопроекта, он был одобрен нижней палатой 14 ап-

⁵⁶ Стивенсон Р.Л. Похищенный // Стивенсон Р.Л. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1981. Т. 4. С. 98.

реля 1747 г., и вскоре стал законом. Другой акт, инициированный Лордом Адвокатом, основанный на этих же принципах, тоже касался собственности землевладельцев. Им ликвидировалась так называемая система «военных держаний», и отныне земли, которыми владели на основании обязательства военной службы, должны были быть возвращены сеньору. Ликвидацией этой системы правительство решало двоякую задачу. С одной стороны, устранялась иерархическая система, в рамках которой население Хайленда в любой момент было готово подняться на вооруженное восстание, с другой – ликвидировалась система влияния на вассалов, согласно которой, в случае невозможности несения военной службы, владельцы земли обязаны были выполнять в пользу сеньора другие службы.

11 ноября истек срок подачи заявлений на компенсации от потери земель по принятому Акту Почетной Юрисдикции. Общая сумма претензий составляла 583 тысячи ф.ст. Список претендентов на компенсацию возглавлял граф Аргайл, оценивший свои потери в 25 тысяч ф.ст., затем шел Граф Гордон, претендовавший на 22 тысячи ф.ст. Графы Бьюклеуч и Атол ожидали получить по 17 тысяч. Минимальная сумма в этом списке из 160 претендентов составляла 166 ф.ст. Год спустя, 18 марта 1748 г., было вынесено решение об удовлетворении претензий. Граф Аргайл получил компенсацию в 21 тысячу ф.ст. – всего лишь на 4 тысячи меньше, чем ожидал. В гораздо более скромном положении оказались другие. Например, граф Гордон получил всего лишь пять тысяч. Общая сумма компенсации составляла 152 тысячи ф.ст – около трети от требуемой суммы.

Одновременно с обнародованием сумм компенсаций вышло постановление о введении службы шерифа в каждом графстве Шотландии. Самая большая сложность заключалась в выборе шерифа, поскольку формально им мог стать любой, верный короне и правительству человек. Лорд Ньюкасл представил список из претендентов, за каждым из которых стояли несколько высших персон, лоббирующих его. Однако вопрос курировал лично Лорд Адвокат Гарант, который отвечал за назначения кандидатов. Около каждого имени из представленного кандидата стоял комментарий, сделанный им. И практически все они отклонялись. Нередкими пометками были замечания вроде «виг» или «ревностный виг», или «является прихожанином (служит) незаконной церкви» и т.д.

Однако позиции самого Лорда Адвоката были очень сложны. Поскольку одни обвиняли его в недостаточной решительности в процессе умиротворения Шотландии, а шотландские бароны – в слишком рьяном служении Англии. К тому же после ликвидации должности третьего Государственного Секретаря, который занимался вопросами Шотландии, вся ответственность ложилась на Лорда Адвоката.

На протяжении парламентской сессии 1749 г. он неоднократно выступает с призывом оказать Глазго денежную помощь для восстановления хозяйства, расстроенного в годы якобитского движения. На протяжении многих лет кризиса, связанного и с революцией, и с Унией, и якобитским движением, жители Глазго оставались более верными закону и порядку, нежели население Эдинбурга. Решающим аргументом для английских членов нижней палаты оказалось то, что финансовая помощь будет способствовать развитию торговли между английским и шотландскими купцами.

1752 г. принес некоторые неожиданные, на первый взгляд, решения – были отменены Акты о разоружении и Почетной Юрисдикции. Но их принципы не были забыты. В замен отмененного Акта в феврале 1752 г. Лорд Адвокат представил в парламенте билль, согласно которому рента с конфискованных короной поместий баронов, принимавших участие в восстании, – Ловатов, Пертов, Камеронов Лохилов, Макферсонов Клуни, Стюартов Ардшели и других, должна быть использована «в целях цивилизовывания жителей этих земель и других частей Хайленда и островов Шотландии, для распространение среди них протестантской религии, справедливого управления, производства и мануфактуры и принципов уважения и лояльности по отношению к Его Величеству, его наследников, но не в других целях». Рента с вассалов на указанных землях снижалась на четверть, законопроект был одобрен парламентом.

Наследником Гранта в 1764 г. стал его зять Роберт Дандас Арнисон, а после того как тот стал в 1760 г. Лордом Президентом – Томас Миллер, получивший блестящее юридическое образование и до 1760 г. в течение двух лет занимавший должность Генерального Стряпчего Шотландии. В 1766 г. после смерти сэра Гилберта Элиота Минто, Лорда Клерка Юстиции, Миллер занимает его пост, а после смерти Роберта Дандаса становится Лордом Президентом Судебной Сессии. Он пользовался заслуженной

репутацией не только как юрист, но и как лидер той блестяще образованной когорты шотландцев, которая получила классическое образование и сумела занять высшие посты в Британском управлении в первые годы правления Георга III.

После недолгого пребывания в должности Лорда Адвоката сэра Джеймса Монтгомери, у себя на родине более известного не как юриста, а как удачливого фермера, титул переходит к Генри Дандасу (1742–1811) – одной из самых противоречивых и значимых фигур в шотландском управлении того времени, занимавшего посты Генерала Стряпчего (1766–1775), члена парламента (1775–1802) и, наконец, Лорда Адвоката (1775–1783).

Его пребывание на этом посту характеризовалось, как пишет Омонд, сосредоточением всей шотландской власти в руках одного человека, Лорда Адвоката, Генри Дандаса, который был одной из самых влиятельных персон не только в Шотландии, но и во всей Британии. На одной из карикатур Джеймса Гилрея, хранящейся в Британском музее, он изображен в одежде, сочетающей шотландский килт, плащ британского пэра и головной убор восточного деспота, одной ногой он стоит в Лондоне, другой – в Бенгалии, его руки направлены к Солнцу и Луне, которыми он пытается повелевать. «Не было ни одного тори в стране, который не испытывал бы хотя бы частичную симпатию к Дандасу, не отрицая при этом его недостатков, как не было и ни одного вига, который не осуждал бы его, признавая одновременно его несомненные таланты», – пишет Омонд⁵⁷.

Правление Дандасов – отца и сына – даже легло в основу термина «дандасовский деспотизм», впервые использованного Генри Кобурном в начале XIX в. Дандасы не просто жили во времена формирования новой британской идентичности, они немало способствовали ее конструированию – созданию того, что получило название британская нация. Генри Дандас-отец был ключевой фигурой шотландской истории и одной из главных британской. Сын, Роберт Дандас, не сыграл значительной роли в британской, но оставил заметный след в шотландской истории. Узнав о смерти Роберта Дандаса, второго Виконта Мельвиля, в июле 1851 г., Генри Кобурн записал: «Неужто великий клан Арнистон закончится на нем? Это величайшее имя Шотландии, и его величие на

⁵⁷ Omond G.W.T. Op. cit. P. 83.

протяжении двух столетий не зависело ни от чина, ни от фортуны, но лишь от таланта и общественной ситуации»⁵⁸.

Хотя Дандасы получили титул Арнистонов в 1571 г., их клан ведет свою родословную начиная с XII в. Регион, в котором локализовался клан, был гэлгоговорящим, и имя Дандас обозначало «южные укрепления». Дандасы Арнистоны, как и сотни других шотландских лэрдов, были бедны, но горды; свирепы, но набожны; яростны, но милосердны. Первым в их клане, кто занял юридический пост, был Джеймс (1620–1679), который в 1648 г. вошел в парламент от Мидлотана.

Генри Дандас родился в Эдинбурге 28 апреля 1742 г. в доме на Хай Стрит, что в самом центре Старого города, неподалеку от того места, где теперь находится северный мост. В семье было семеро детей, из них пять сыновей, из которых Генри был четвертым. Матери – дочери сэра Вильяма Гордона, который умер шесть недель спустя после рождения внука, – было уже тридцать шесть лет. Соседи в его доме были самыми разными – леди Джейн Дуглас, сестра герцога Дугласа, которая в возрасте пятидесяти лет родила двух сыновей, наследников огромного состояния древнего рода. Другой сосед, сэр Стюарт Трипланд Фингаск, был одним из последних якобитов. Он исчез из дома в 1745, и по слухам оставался жив до 1805 г. Еще одним соседом был эдинбургский портной. Все жильцы дома, включая портного, были очень дружелюбны по отношению друг к другу, несмотря на огромную разницу – физическую и моральную, отличающую их, храня частичку уходящего старого мира⁵⁹.

О его детстве известно очень мало. Его отец, Роберт лорд Арнистон, который занимал целый ряд важных государственных постов, умер в 1753 г., когда Генри было одиннадцать лет. Правительство, учитывая заслуги Дандаса Старшего, в 1756 г. выделило вдове с таким большим числом детей сумму в размере пять тысяч ф.ст., но ее оказалось недостаточно, и начиная с 1759 г. семья получала ежегодную пенсию в размере двухсот ф.ст. Сначала Генри учился в грамматической школе, затем поступил в Высшую школу Эдинбурга, в которой в соответствии с демократической шотландской системой могли учиться и сыновья местных джентльменов, и городские мальчишки.

⁵⁸ *Cocburn H. Journal. Edinb., 1874. P. 265.*

⁵⁹ *Fry M. Dundas Despotism. Edinb., 1992. P. 21.*

На государственную службу он пришел в феврале 1763 г. в возрасте двадцати одного года. Причем показательно, что начинал он свою карьеру самостоятельно, без поддержки своих влиятельных и именитых родственников. В возрасте двадцати четырех лет, лишь после трех лет пребывания на службе, он был назначен Генералом Стряпчим Шотландии. Это было время, когда шотландская знать училась умирать в собственных постелях, а не на поле брани или в королевской тюрьме, но десятый граф Эглингтон – респектабельный, уважаемый и видный член палаты Лордов – стал одним из редчайших исключений. Своим подчиненным, проживающим на его землях, граф не представлялся столь уж уважаемым, и однажды, в 1769 г., он был убит в собственных землях Манро Кемпбеллом. Дандас, занимавший в то время пост Генерала Стряпчего, начал расследование об убийстве. И хотя дело было очень сложным и все улики были скрыты, Кемпбелл чувствовал, что расплаты ему не избежать и поэтому покончил жизнь самоубийством в тюремной камере. Тело было тайно захоронено на кладбище Сэйлсбери. Но эдинбургские нищие вскрыли могилу, вынули оттуда тело и таскали его по городу до тех пор, пока это им не надоело. С трудом опознав труп, товарищи Кемпбелла захоронили его в море⁶⁰. Это было наиболее громкое дело Дандаса на посту Генерала Стряпчего, принесшее ему первую известность.

На парламентских выборах 1774 г. он был избран от Мидлотиана, и с тех пор жил преимущественно в Лондоне.

1775 г. был не лучшим временем для переезда молодого шотландца в Лондон. В конце 60-х гг. лондонская скотофобия, спровоцированная, достигла невиданных размеров. И хотя со временем страсти немного улеглись, отношения к шотландцам тогда не слишком отличалось от отношения к евреям в начале XX в. Над ними насмехались публично, но втайне восхищались производством, которым они владели, и их интеллигентностью. Их внешность и акцент вызывали улыбки. Ощущая свою традиционную приверженность клановой солидарности, они всегда старались держаться друг друга. Они собирались в тавернах, принадлежащих своим землякам, как бы пытаясь представлять, что они у себя на родине, говорили о том, как скучают по родной Шотландии, и думали о том, как помочь друг другу. Генри Фокс,

⁶⁰ *Fraser W. Memorials of the Montgomeries. Edinb., 1859. P. 127.*

лидер вигов, написал в одном из писем графу Бьюту: «Каждый англичанин время от времени встречается на своем жизненном пути шотландцев, и каждый их проклинает, и эта рана постоянно воспалена»⁶¹.

Уже 20 февраля 1775 г., через несколько недель после открытия сессии, Дандас впервые выступал в парламентских дебатах. Он был высок ростом, широкоплеч и выступал как шотландец, с типичным шотландским акцентом, так что члены Палаты Общин не могли сдерживать улыбки. Но, несмотря на провинциальный диалект, его слова и мысли были понятными и запоминающимися, поскольку говорил он уверенно, независимо и со знанием дела. Вскоре он выступал опять, и большинство его первых речей было посвящено вопросам колоний и, преимущественно, Америке.

В том же 1775 г. он становится Лордом Адвокатом Шотландии.

В этот период правительство имело большинство мест в парламенте, но вигская оппозиция была очень сильна и доставляла множество проблем министерству. В такой ситуации короне нужно было лицо, которое могло бы смело отстаивать ее интересы перед лицом парламентской оппозиции. И, несмотря на то, что Генри Дандас смелыми и критичными парламентскими выступлениями, нередко прерываемые замечаниями спикера, и вызывал негодование Его Величества, уже к 1779 г. относится замечание монарха о том, что Лорда Адвоката, который, без сомнения, находится на своем месте, необходимо использовать в парламентских дебатах в качестве противовеса оппозиции⁶².

В Шотландии же, хотя выборы постоянно проходили в пользу правительства, парламент не пользовался уважением – привилегии находились в руках нескольких семей, городские представители парламента выбирались городскими советами, а сельские – небольшим числом фригольдеров. В начале 60-х гг. XVIII в. шотландская политическая система переживала кризис. Граф Аргайл, который долгое время управлял Шотландией, умер в 1761 г. Пришедший ему на смену граф Марчмонд, известный как «бриллиантовый гений», был одним из старых тори, которые хотя и перешли на службу Ганноверам, но тайне лелеяли еще надежды на возвращение старых порядков.

⁶¹ *Fry M. Op. cit. P. 54.*

⁶² *Omond G.W.T. Op. cit. P. 89.*

После Унии по-прежнему ощущался вакуум власти, и она по старинке была скорее неформальная, основанная на традициях, родовых связях и патронаже. Хотя министры назначались, но они рассматривали шотландские дела как своего рода ссылку для них, а Шотландию – как периферию британской политики. На протяжении долгого времени шотландскими делами никто не хотел заниматься, и правительство в этом вопросе казалось брошенным в анархию и постоянные провалы.

Главным вопросом, интересовавшим Дандаса, был вопрос военный, и этот интерес он никогда не утратил. Сантименты по поводу былой военной мощи были чрезвычайно сильны среди шотландцев, отчасти оттого, что военное искусство было органически им присуще, отчасти оттого, что Уния нанесла урон военному авторитету шотландцев, а частично потому, что собственная милиция была здесь запрещена, даже тогда, когда в годы Семилетней войны англичане получили это право. Дандасы занимали противоречивое положение в этом вопросе, в частности, если Генри, являясь сторонником возрождения вооружения горцев, все же не рискнул заявлять об этом открыто, то Роберт, его сын, в бытность Лордом Адвокатом, вообще выступал против такого решения вопроса. Он считал, что полтора десятилетия назад горцы уже продемонстрировали то направление, в котором они готовы применять свое оружие.

Вопрос о милиции был вновь поднят во время визита Генри Дандаса в Шотландию, когда он стал членом Покер Клуба, основанного А. Фергюссоном, являвшимся категорическим поборником введения шотландской милиции. Аргументы о собственной милиции подкреплялись и событиями войны в Америке, что привело к смягчению позиции Лондона, поскольку шотландцы, принимавшие активное участие в колониальном развитии Британии, зарекомендовали себя как лояльные британцы. Дандас за время своего пребывания на севере, казалось, тоже был готов отстаивать право на милицию. Однако билль оказался непроходным в Парламенте. И когда уже в 1782 г. вопрос в очередной раз был вынесен на голосование сессии, Дандас лишь в кулуарных разговорах выказывал ему поддержку.

Но с политической точки зрения самый большой интерес должен был представлять для Дандаса Эдинбург. Это была не только родина Дандаса, но и политический центр Шотландии, события в котором во многом определяли политическую жизнь всего

региона. Человек, который контролировал его, получал возможность юридического, гражданского и церковного патронажа, не говоря уже о финансовых институтах и возможностях. Сказать, что это был ключ ко всей Шотландии, возможно, преувеличение, но тем не менее это был важный шаг к контролю над севером.

Города Шотландии посылали своих представителей в Парламент и соответственно получали возможность влияния на правительство. Обычно город управлялся советом из двадцати пяти человек. Помимо собственно Магистрата, это были торговцы, обладавшие монопольным правом на продажу того или иного товара, и те, кто представлял четырнадцать других ремесел – начиная от торговцев ювелирными изделиями и заканчивая продуктами: мясники, пекари и т.д. Первая группа была, главным образом, представлена экспортерами вина и зерна. Вторая была более широкой и пользовалась большей поддержкой, но обладала меньшими ресурсами. Вступление в гильдию сопровождалось внесением большой суммы, поэтому многие предпочитали оставаться вне корпораций и соответственно не могли влиять на принятие решений. Их лавки и мастерские располагались за пределами Западного Порта или внизу Каннонгейта, где проходила активная торговая жизнь. Хотя в реальности возможность вступления в корпорацию, как и многие другие аспекты шотландской жизни, открывалась благодаря взяткам и подкупу.

Но как бы то ни было, влияние на корпорацию стало одним из залогов влияния на городскую жизнь. Обычный городской совет состоял из восьми членов, двое из которых назначались магистратом и торговыми советами, шесть других выбирались четырнадцатью корпоративными собраниями, они были известны как диаконы. Шесть из них входили в обычный совет, а другие восемь – в экстраординарный, основная задача которого заключалась в том, чтобы выбирать членов парламента.

Местная политическая власть в столице Шотландии принадлежала лорду Мильтону и Джорджу Драммонту, но в течение 1770-х гг. оба они сошли с политической сцены, и самым влиятельным лицом в городе остался сэр Лоуренс Дандас, член парламента, известный как Набоб севера. В 1764 г. он становится Управляющим Королевского Банка Шотландии, а тремя годами позже он проводит через парламент Акт о расширении Эдинбурга, заложивший основу Нового города, проект строительства которого был создан еще ранее Джеймсом Крэгом.

Босуэл называет его «милым общительным шотландским джен-тльменом, но не чистым на руку»⁶³. В частности, он хранил от совета втайне тот факт, что на окраине Нового города он строит особняк, который ныне является центральным зданием Королевского Банка. Все это происходило при поддержке Генри, который, будучи юристом, помогал находить верные правовые решения. Во многом принятию нужных решений способствовало то, что Лоуренс был крупнейшим пайщиком Королевского Банка, его доля там составляла 7700 ф.ст, в то время как общее состояние его оценивалось в 110 тысяч фунтов⁶⁴.

Но в городе он был не единственным крупным собственником, и многие его соперники входили в совет Банка. В результате Собрание акционеров в 1777 г. исключило его из своего состава. Время было не на стороне Лоуренса Дандаса, ему было уже за 70, и это дало возможность его врагам дезавуировать его влияние в парламенте. В 1780 г. Генри Дандас идет на выборы от Эдинбурга и, победив, становится членом парламента⁶⁵.

В Шотландии он в 1782 г. покупает двадцать акров земли, помимо уже имеющегося поместья в Пертшире, и строит на них новую усадьбу, ставшую его любимым местом пребывания, его «Северным Раем», куда он любил приглашать своих друзей. Здесь он охотился и рыбалил, разводил деревья.

Активную деятельность Дандас осуществлял на Востоке, протежируя шотландцев, отправлявшихся туда на военную и юридическую службу. Как и многие другие шотландцы, своих сыновей он отправил в Индию, в которой сделали карьеру и трое его братьев. Занимаясь индийскими делами, он не забывает и о Шотландии, где главной целью своей политики он видит установление системы патронажа, на основе имеющейся традиции клановой солидарности. Став в 1790 г. управляющим Банка Шотландии, он тем самым испытал систему патронажа на финансовом поприще, что дало ему возможность контроля над многими общественными вопросами, результатом чего стали новые планы перестройки Эдинбурга.

Согласно наиболее яростному поборнику гэльской культуры Адаму Фергюссону, хайлендерская болезнь в те годы была толь-

⁶³ *Fry M. Op. cit.* P. 79.

⁶⁴ *Ibid.* P. 80.

⁶⁵ *Ibid.* P. 84.

ко выгодна государству и королю, поскольку давала возможность расправиться с уникальной горской культурой. Наполовину считая себя хайлендером, Генри Дандас тем не менее имел очень двойственное отношение в Северной Шотландии. С одной стороны, это был источник постоянной нестабильности, откуда не приходилось ждать ничего хорошего, но с другой стороны, Хайленд после Великого восстания сильно изменился, а старая система, построенная на родовой солидарности, разрушалась. Более того, северная Шотландия постепенно окружалась романтическим ореолом, основу которого составляли ее баллады, ее культурные традиции и военное искусство. Дандас использует все это для инкорпорирования Хайленда в состав Британской империи.

В 1782 г. он добивается выделения единовременной субсидии в размере 10 тыс. ф.ст. для снабжения зерном шерифов северных графств. Годом позже инициирует отмену «Акта о разоружении» 1746 г., в соответствии с которым было запрещено использование тартанов и килтов в Хайленде. Это привело к тому, что со временем горская одежда приобрела некий шарм и стала одним из непреходящих атрибутов не только шотландского высшего класса, но и в целом британской знати. То, что Георг IV во время своего визита в Шотландию, в 1822 г., носил мини-килт, специально сшитый по случаю посещения севера, надолго осталось в памяти шотландцев. Но эти шаги были не только данью романтическому прошлому Шотландии, они имели весьма серьезные политические последствия, поскольку готовили психологическую почву для дальнейшей интеграции Хайленда.

Дандас лоббирует и генеральную реставрацию Хайленда. В 1783 г. он сам становится комиссионером, непосредственно знакомясь с хайлендерской проблемой. И уже в следующем году представляет билль об изъятии конфискованных земель у короны. Он напоминает членам Палаты общин, что после 1745 г. хайлендеры находились под постоянным наблюдением и давлением, их поместья были исключены из службы государству, поскольку налоги с них не вносились в государственную казну. Апеллируя к словам Вильяма Питта старшего, сказанного им в годы Семилетней войны, о том, что те, кто проживает по ту сторону Твида, оказали неоценимую услугу короне своим участием в войне, Генри Дандас был первым их тех, кто инициировал проект по трансформации хайлендерской идентичности. «Я искал честь и нашел ее только в горах Севера», – говорил он в

одном из выступлений⁶⁶. Те, кто проживают сейчас на конфискованных землях и ведут мирный образ жизни, считал он, не пролив ни капли крови, не должны отвечать за преступления своих предков.

Очевидно, что Дандас стремился не только к тому, чтобы создать себе опору в Хайленде, но и сформировать представление о мирной политике британской короны на севере Шотландии. Так, в 1784 г., всего лишь два года спустя после отмены проскрипций, было основано Хайлендерское общество, президентом которого стал граф Аргайл, а секретарем Генри Макензи. В него входили герцоги Атолл и Гордон, графы Моррей, Бредалбан, Гоуэр, Глазго, Абоян, чьи земли находились в перечне территорий, принадлежащих якобитам, отцы и клансмены которых погибли в апреле на Каллодене. Среди комиссионеров были Макдоналды, Камероны, Глен Невисы. Да и сам президент общества сражался при Каллодене, правда, на стороне Георга II. Всего в составе общества было 189 членов, хайлендерских собственников – вождей и мелких вождей, лэрдов, рыцарей, баронетов и пэров, но были и представители интеллектуальных профессий – художники, литераторы, инженеры.

Спустя три года после образования, Общество подало адрес на имя короны с просьбой присвоить ему статус Хайлендерского общества Шотландии и Эдинбурга, целью которого было представлять интересы Хайленда и островов, «способствовать развитию страны посредством образования городов и деревень, процветанию коммуникаций между различными частями Хайленда через строительство дорог и мостов; расширению рыболовства, улучшению сельского хозяйства, развитию необходимых мануфактур и этим объединению собственников земель и других, привлечения внимания общественности к развитию и реализации этих целей»⁶⁷. Помимо экономических целей, общество преследовало и культурные, в частности, изучало вопрос об аутентичности поэм Оссиана или собирало гэльские рукописи и документы, относящиеся к истории Хайленда, передавая их библиотеке Факультета Адвокатов в Эдинбурге. Оно опубликовало гэльский словарь в 1794 г., Ветхий Завет в 1803 г. и полный словарь гэльского языка в 1828 г. Кроме того, занималось Общество и просветительской работой, демонст-

⁶⁶ Fry M. Op. cit. P. 138.

⁶⁷ Prebble J. The King's Jaunt. Edinb., 1988. P. 108.

рируя контраст в хайлендерской политике правительства предыдущего и нынешнего периодов.

Однако все это не решало проблемы уровня развития самого Хайленда, и отношения хайлендеров к политике «цивилизации», одна из сложностей которой заключалась в том, что горцы жили в постоянном страхе перед новыми наказаниями, экспроприациями и ограничениями.

Заслуга Гении Дандаса состояла в том, что именно благодаря его политике произошел перелом во взаимоотношениях культур – английской и шотландской, а также была заложена основа тому, что сегодня принято называть «балморизацией».

К началу XIX в. Шотландия была безмолвна. Там существовала стабильная, уверенная, но мягкая администрация, возглавляемая с мая 1801 г. Робертом Дандасом.

Откуда же тогда возник миф о дандасовском деспотизме, благодаря которому, как было принято считать многие годы, удалось удержать Хайленд в повиновении и не допустить новых восстаний?

Ни Генри, ни кто бы то ни было еще из его клана, себя так не называли. Традиция именовать Дандасов деспотами, на манер восточных правителей, идет от тори, интересы которых часто сталкивались с политикой, проводимой Дандасами на севере.

Вигская администрация в начале XIX в. принесла структурные перестановки и кадровые изменения, в том числе и в хайлендерскую политику. Большая часть шотландского управления отныне была сосредоточена в руках английского Домашнего Секретаря (Home Secretary) графа Спенсера, которому пришлось столкнуться уже не столько с «хайлендерским» вопросом, сколько со множеством проблем социального и политического толка. Шотландия теперь управлялась не шотландцем, это было впервые после подписания унии, но на это теперь мало кто обращал внимание. Одна из причин этого, возможно, в том, что Мелвил сохранил контроль над шотландскими делами, являясь, по словам «Английского обсервера», «более чем министром Шотландии *de facto*» Факультет Адвокатов – некогда глашатай шотландской культуры и ее примирения с английской – тоже теперь раздирался внутренними противоречиями, поскольку часть его членов была сторонниками вигов, другая – тори.

Многие с ностальгией вспоминали тогда многолетнее пребывание Дандасов на посту управляющих Шотландией. А сам Дан-

дас-старший писал: «Мой сын в правительстве единственный человек, с которым я могу общаться»⁶⁸.

Заслуги Генри Дандаса были столь велики, что уже с 1815 г. (через четыре года после смерти) возникла идея установления ему памятника в Эдинбурге. Долгое время велись споры по поводу места его расположения – на холме Килтон или в Старом городе, но в итоге была выбрана площадь Сент Эндрю, где прямо напротив особняка, который некогда был построен Лоуренсом Дандасом, дядей политика, в 1827 г. архитектором Уильямом Берном была воздвигнута колонна, по образу колонны Траяна, 132 фута высотой. Стоимость памятника составила восемь тысяч ф.ст.⁶⁹ «Таланты и поведение [Дандаса] сделали деспотизм популярным», – напишет годы спустя Генри Кобурн⁷⁰.

Политика Дандаса в Хайленде привела к медленным, но стабильным переменам в социально-экономической жизни северной Шотландии.

⁶⁸ *Fry M. Op. cit.* P. 288.

⁶⁹ *Ibid.* P. 314.

⁷⁰ *Cockburn H. Memorials of his Time.* Edinb., 1856. P. 59.

Политика «улучшений»

Капитан Джон Форбс, бывший управляющий аннексированных имений Ловата и Кромарти с 1755 по 1774 гг., отвечая на вопросы анкеты, разосланной членами Комиссии по изъятию поместий для выяснения степени «огосударствления» земель, предложил свою точку зрения на то, что, в первую очередь, нужно усовершенствовать в Хайленде. Он описал Когоч как наиболее отсталую хайлендерскую часть аннексированной территории, область, далекую от справедливых судов и плохо связанную с остальной частью страны, поэтому, как полагал Форбс, наиболее нуждающуюся в «аккультурировании»: «Необходимо возведение новой церкви или, по крайней мере., тщательно выбранный, и, в дальнейшем, имеющий соответствующие поощрения проповедник, объезжающий свой округ, он должен обосноваться в Андрелибо на самой окраине Когоча, который находится вдали от пресвитерианского прихода; такой проповедник может быть очень полезен для обучения людей, воспитания в них преданности, трудолюбия и послушания законам. А так как английский язык является наиболее важным, необходимо строительство здесь двух английских школ, потому что территория очень обширная, а также строительство двух прядильных школ...»⁷¹. Вера Форбса в цивилизаторскую миссию пресвитерианства очевидна, он даже не считает нужным объяснять ее, в этом – он типичный представитель модерниза-

⁷¹ *Clyde R. From Rebel to Hero. The Image of the Highlander, 1745–1830. East Lothian, 1995. P. 22.*

торов, осуществлявших политику «улучшений» Хайленда. Гэльский язык, который был воплощением особой хайлендерской идентичности, в силу своей роли тоже должен быть упразднен и заменен на английский: «Поэтому, чтобы усовершенствовать и цивилизовать эту часть северо-шотландского нагорья, я скромно настаиваю, что особое внимание необходимо уделить введению в употребление английского языка, что и будет являться величайшим достижением; а для этой цели следует строить школы в разных барониях...»⁷².

Френсис Грант, который был главным объездным офицером и инспектором Коллегии, занимавшийся хайлендерским вопросом, в 1756 г. совершил путешествие по аннексированным землям с целью подготовки доклада для коммиссионеров. Тон сделанного доклада в тех его частях, где дается оценка землевладельцев, вынужденных теперь жить по новым правилам, можно охарактеризовать так: родитель готов простить ребенка, сделав ему замечание. «Поскольку закон и ваши настоящие хозяева, назначенные для его исполнения стремятся ни к чему большему, кроме как к достижению добродетельной цели, сделать вас процветающими во всем, путем поощрения религии, трудолюбия и почтительной покорности..., противостояние будет пресекаться самым решительным образом»⁷³.

В 1727 г. был образован Совет попечителей по мануфактурам и рыбному промыслу, который, главным образом, занимался поддержанием производства льна в Шотландии. А в январе 1763 г. был составлен отчет о его деятельности, где отмечалось, что в течение последних девяти лет в Хайленд ежегодно отправлялась сумма в три тысячи фунтов, которая шла на оплату учителям прядильных школ, а также на расходы по содержанию этих школ, на оплату жалованья мастерам, поддержку подмастерьев и учеников, на содержание другого персонала. Эта записка была своеобразным напоминанием о тех мероприятиях, которые были проведены, а далее следовало предостережение о том, что может случиться, если финансирование аналогичных расходов прекратится: «...на северо-шотландском нагорье было основано и распространяется льняное производство, поэтому вся Шотландия стала намного более цивилизованной, и если так пойдет и дальше, то эта страна станет очень полезной частью Соединенного Королев-

⁷² Clyde R. Op. cit. P. 23.

⁷³ Ibid. P. 23.

ства; но если ситуация изменится к худшему, что и произойдет, если не будет произведен платеж, то тогда, как считают своим долгом сообщить Вашей Светлости составители данной петиции, страна вскоре снова погрузится во тьму лени и варварства»⁷⁴.

Прежде чем сделать Северо-шотландское нагорье и острова неотъемлемой частью Британии, необходимо было решить проблему средств сообщения там. Совет по аннексированному имуществу реализовал лишь несколько пробных шагов по возрождению системы дорог Генерала Уэйда, и нужно было еще проделать огромную работу, чтобы сделать страну более доступной и со стороны моря, и с помощью сухопутных дорог. Инженеру Джеймсу Уатту (1736–1819) в 1785 г. было поручено провести комплексное исследование и сделать доклад для Британского рыболовного общества, которое стало главным органом интервенции на Северо-шотландском нагорье после того, как Совет по аннексированному имуществу прекратил свою деятельность в 1784 г., по вопросу о строительстве канала между Фортom Уильям и Инвернессом. Уатт полагал, что успех рыболовной отрасли будет зависеть от строительства канала; если появится короткий путь с восточного побережья на западное, то Западное нагорье и Гебридские острова смогут получать более дешевое зерно и, соответственно, население этих местностей будет расти. Он писал, что Западное нагорье является в основном «скотоводческим районом», и что «природные условия не позволят расширить там сельскохозяйственное производство», урожай, который собирают шотландцы, «настолько мал», что им будет намного выгоднее отдать все земли под скотоводство, а зерно импортировать.

«Если рыболовная отрасль начнет развиваться, – писал Уатт, – то импорт зерна резко возрастет, потому что их собственные земли вряд ли дадут больший урожай, чем сейчас, а все это будет необходимо, так как в страну нужно переселять больше людей для работы на производстве; и, скорее всего, трудолюбивые и много работающие люди будут потреблять больше, чем нынешнее население»⁷⁵.

Дороги, мосты и каналы считались не менее важными средствами внедрения цивилизации, чем распространение английского языка или улучшение положения сельскохозяйственной отрасли. В 1792 г. высказывалось предположение, что предполага-

⁷⁴ *Clyde R. Op. cit. P. 24.*

⁷⁵ *Ibid. P. 24.*

емое строительство Каледонского канала сыграет решающую роль в устранении всех различий между Северо-шотландским нагорьем и шотландской низменностью: «Первым шагом... к цивилизации и улучшению положения стало строительство нескольких дорог в этих местностях: они в некоторой степени содействовали более быстрому сообщению между жителями этих земель, и жители южных и восточных частей Шотландии и Англии отбросили предрассудки, которые ранее владели их умами и внушали необходимость клановой преданности и подчинения»⁷⁶.

В 1792 г. полковник Роберт Анструтер, инспектор военных дорог, писал в своих воспоминаниях в том же ключе: новые дороги дали шотландцам возможность увидеть своих трудолюбивых южных соседей и «освободили их от бывшей рабской зависимости от вождей кланов, устранили старые предрассудки и помогли развитию промышленности».

«До настоящего времени главной целью правительства при строительстве дорог было введение войск в ранее недоступную страну, но после успешного подавления восстания план был расширен, и его целью стало распространение цивилизации и устранение зависимости шотландцев от вождей кланов, превращение их в трудолюбивых и полезных подданных; для этой цели было принято много законов и построено несколько новых дорожных линий, соединенных перекрестками, чтобы сделать возможным сообщение между всеми горными долинами и районами Северо-шотландского нагорья»⁷⁷.

Гражданский инженер Томас Телфорд (1757–1834) составил честолюбивый план, который подразумевал в некотором роде и социальную инженерию. Он требовал строительства дорог, мостов и каналов, в особенности Каледонского канала, что в итоге создавало новые рабочие места и давало долгосрочную выгоду в виде инфраструктуры, которая будет способствовать дальнейшему развитию региона. Но если подобное развитие снизит уровень эмиграции, писал он, «то представляется необходимым начать эти работы в настоящее время». Другие участники дискуссии, например граф Селкирк, считали, что эмиграция необходима для экономического развития Хайленда. Взгляды Телфорда не разделяло правительство, которое считало необходимым строитель-

⁷⁶ *Clyde R. Op. cit. P. 25.*

⁷⁷ *Ibid. P. 25.*

ство сети дорог, нужных в основном, чтобы снизить стоимость перевозки шерсти и баранины в шотландскую низменность, и которые позже, в XIX в., сделали доступными для южан новые охотничьи угодья. План же Телфорда, напротив, имел целью «...снабдить работой трудолюбивую и полезную часть населения в их собственной стране..., [где] они приобретут некоторый капитал и заложат основу для создания новых рабочих мест. Если, как я узнал из надежных источников, шотландцы глубоко привязаны к своей родной стране, они с жадностью ухватятся за возможность остаться на родине с перспективой улучшить свое положение, потому что даже до завершения работ всем должно быть ясно, что лицо страны совершенно изменится»⁷⁸.

Однако вожди по-прежнему имели огромную власть над своими кланами. Согласно концепции *duthchas* – праву наследственного землевладения, вождь являлся опекуном всего клана и его владений, а его долг и традиция обязывали соблюдать интересы клана, как свои собственные. Точно также и сами клансмены обязаны были поддерживать вождя, оказывая ему военную и материальную помощь. В одном из романов Р. Стивенсона описана ситуация, когда крестьяне, проживающие на землях, экспропрированных короной и переданных новому хозяину, платят двойную ренту. Одна, официальная, идет в государственную казну, а вторая, которую собирают «под двойным воздействием любви и легкого нажима» тайные лазутчики, отправляется на континент вождю, находящемуся в изгнании.

Знаком наступающих перемен стало то, что уже с 1730-х гг. вожди использовали свое право *oighreachd* (наследственное право владения) – юридическое понятие, которое давало им абсолютное право на клановую собственность, чтобы «улучшить» свои земли и сделать более «цивилизованным» свой народ. Особенно в этом преуспели представители клана Кемпбелл. Когда Арчибалд Кемпбелл, третий герцог Аргайл, предпринял реорганизацию своих владений, он был преисполнен готовности нарушить традиции. В 1756 г. он писал Дональду Кемпбеллу, своему управляющему, в Тири: «Я полон решимости не иметь никаких арендаторов, кроме таких, которые будут жить мирно и заниматься производством. Прошу Вас огласить это во всеуслышание в воскресенье после церковной службы».

⁷⁸ Clyde R. Op. cit. P. 25.

Джеймс Хогг, посетивший Литтл Лох Брум в 1803 г., увидел, как Джоржд Маккензи Дандонелл ломал голову над тем, оставить ли на земле арендаторов или отдать ее пастухам, готовым прийти сюда с шотландской равнины. Хогг отмечал, однако, что вождь имел абсолютную власть в своих владениях, большую чем у Бонапарта во Франции.

В своих «Наблюдениях о настоящем положении Северо-шотландского нагорья», опубликованных в 1806 г., Томас Дуглас, пятый граф Селкирк, критически отзывался о тех вождях, которые, не желая нарушать древние традиции родства, тем самым сдерживают процесс «цивилизации» и несут значительные убытки. В то время как одни осваивают новые методы ведения хозяйства, обращал внимание он, другие, из тщеславия, желают подсчитывать неисчислимое количество арендаторов-родственников, и с удовольствием сохранили бы население своих поместий, если бы это не грозило полнейшей катастрофой. Однако далее замечает Селкирк, подобные мотивы теперь уходят в прошлое и новые обстоятельства все более определяют развитие горных регионов.

В чисто экономическом смысле, писал Селкирк, «старинные владельцы» земель кланов не могли не видеть выгод, предлагаемых политикой развития. В то время как некоторые инициаторы «улучшений» пытались решить проблему, ставшую причиной эмиграции, граф, наоборот, был активным сторонником эмиграции и организовал несколько групп шотландцев для переезда в Канаду, в основном в район Ред Ривер, в 1812–1815 гг. Он считал, что «эмиграция была неизбежным результатом положения в стране, которое возникло по независящим от нас причинам и само по себе являлось угрозой для спокойствия и процветания Королевства». Его активная роль в процессе эмиграции стала причиной злословия, и неизвестный автор обливал презрением кажущееся бескорыстие графа: «Разве он не обращается к крестьянину, говоря: “Покинь свою страну, покинь землю, которая больше тебе не нужна, землю, где у тебя мог бы быть хлеб, на которой теперь ты можешь заработать, только отказавшись от всех [прежних] привычек... Поэтому эмигрируй, и если ты направишь свои стопы в колонию, находящуюся под моим протекторатом, и расчистишь несколько акров леса, ты станешь богатым и счастливым и будешь жить лучше своих предков”».

И разве не обращается он к Закону, прося у него: «Поощряйте эмиграцию – избавляйтесь от лишних людей – сделайте свои

горы пустынными и отправьте своих самых выносливых сыновей в чужие страны на поиски счастья и защиты, которых не смогла дать им страна их отцов; чтобы там они стали верными и постоянными друзьями той страны, которая оторвала их от своей груди» – таков, полагаю я, истинный смысл совета благородного графа, – пишет один из современников⁷⁹.

Одно было очевидно сторонникам политики «улучшений» – развитие Хайленда и существование клановой системы, которая представлялась исключительно военной, а не сельскохозяйственной структурой, было несовместимо. Конечно, смыслом клановости была не «рыночная» эффективность, необходимая для оптимизации производства, а скорее то, что на гэльском языке называлось *beathachadh boideach* – «умеренный достаток», необходимый для жизни большого населения, поддержания клановой иерархии и исполнения обязанностей вождя.

Среди мнимых зол клановой системы современниками в XIX в. назывались воспитание безделья и его поощрение. Граф Селкирк считал, что военная направленность клановой системы придавала главное значение способности члена клана воевать. Но и он, и многие другие не понимали, что шотландцы, как и любые народы, живущие в условиях традиционного общества, видели в сельскохозяйственном труде не цель, а скорее средство к существованию.

Большая часть страны, как уже отмечалось, была пригодна только для скотоводства, и на небольших участках пахотной земли, доставшихся какой-либо семье, трудились совсем немного. Два или три раза в год нужно было выйти на кратковременные полевые работы, чтобы вспахать землю или собрать урожай, но для обеспечения простых потребностей, не нужно было постоянно трудиться, и знания, полученные от предков, дальше этого не распространялись. Периоды, когда они трудились, были коротки, а все остальное время, по мнению сторонних наблюдателей, горцы посвящали праздности или развлечениям, если только вождь не призывал их объединиться для защиты или нападения на вражеский клан. Достоинства каждого человека оделялись его способностью воевать, военные победы были их любимой темой разговора, а их развлечения в основном состояли из активных физических упражнений или демонстрации силы и способностей, необходимых для того, чтобы закалить натуру воина.

⁷⁹ Clyde R. Op. cit. P. 27.

Мнение Селкирка о том, что шотландцы были ленивыми по натуре, и эту лень можно было изменить только путем их эмиграции, высмеивал Роберт Браун, в то время заместителем шерифа западного округа Инвернесс, который, будучи противником широкомасштабной эмиграции, подвергал сомнению логику Селкирка о том, что «ленивые» люди могут стать трудолюбивыми, если заставить их столкнуться с суровой реальностью жизни в Северной Америке: «Способ Его Светлости исправлять эту лень очень непредсказуем и жесток. Он говорит, что в родной стране люди не делают ничего полезного для себя и являются обузой для землевладельцев. Поэтому он предлагает отправить их в страну с такими условиями, в которых они не смогут добыть никаких средств к существованию без упорного и изматывающего возделывания земли. Как люди, столь привыкшие к праздности, смогут вести такой образ жизни, остается непонятным. Но лекарство от шотландской лени, предлагаемое Его Светлостью, напоминает мне то, как, по рассказам, наказывали ленивцев в Голландии и других странах. Их запирали в подвал, в который по трубе поступала вода, и узник должен был либо откачивать ее, либо утонуть»⁸⁰.

Немногих злодеев шотландского фольклора ненавидят так же сильно Элизабет Гордон, графиню Сазерленд, и ее мужа маркиза Стэффорда, которые вместе со своими приближенными составили честолюбивый план переселения всех жителей внутренних районов Сазерленда на побережье, где они должны были заниматься рыболовством, а на покинутых крестьянами землях маркиз собирался построить овцеводческие фермы. В результате около восьми тысяч человек, которых заставили переселиться, терпели огромные лишения.

В «Общем обзоре сельского хозяйства графства Сазерленд», составленном в 1812 г., капитан Джон Хендерсон поставил ряд вопросов перед Уильямом Янгом, «умным джентльменом, который управляет поместьем в Сазерленде, возглавляет и направляет все нынешние работы по его развитию» (он был управляющим имения с 1811 по 1816 гг.). Ответ Янга на вопрос об овцеводческих фермах содержал не только план «развития» Сазерленда и идеологию, на основе которой он возник, но также размышления тех, в чьей власти находились сообщества, подвергаемые «улучшению».

⁸⁰ Clyde R. Op. cit. P. 28.

Янг пишет: «Овцеводческие фермы приносят большой доход Сазерленду. Сейчас количество овец породы шевииот достигает пятнадцати тысяч. Для сельского хозяйства такого рода будут выделены дополнительные земли, но это не приведет к сокращению численности населения. Людям будет оказываться помощь. Планируется оборудовать рыболовные станции, на которых будут работать механики; в удаленных от моря деревнях установить чесальные аппараты, для чего изыскать заболоченные и удаленные участки; но люди должны работать. Трудолюбивых будут поощрять и защищать, но бездельникам придется либо уехать, либо голодать, так как человек рожден не для праздности, но чтобы зарабатывать хлеб потом своим»⁸¹.

Человек, имя которого чаще всего связывают с «очисткой земель» в Сазерленде, – это Патрик Селлар (1780–1851), который с таким рвением выполнял свои обязанности, изгоняя арендаторов, что был отдан под суд за жестокость. Неудивительно, что Селлар, который был родом из Мороя на шотландской равнине, презирал жителей Шотландского нагорья и часто говорил об этом. В записке Лорду Адвокату Арчибальду Кемпбеллу-Колхауну в мае 1815 г. он оправдывал план своего нанимателя и свою роль в его реализации: «Лорд и леди Стэффорд были по-человечески рады организовать новый порядок в этой стране. Они предполагают, что внутренние районы страны должны быть заселены теми, кто разводит овец породы шевииот, а все остальные переселятся на побережье и поселятся на участках по три акра пахотной земли, коих достаточно для обеспечения нужд трудолюбивой семьи, но эти участки все же достаточно невелики, что заставит их владельцев заняться рыболовством. Я полагаю, что землевладельцы приказали претворить в жизнь этот человеколюбивый план, потому что он очень великодушен и способствовал тому, чтобы эти орды варваров смогли объединиться, заняться производством, дать образование своим детям и продвинуться по пути цивилизации; и надеюсь, мне простят, что я с огромным почтением думаю о том, что с этим же добрым намерением в течение последних четырех лет каждой семье ежегодно выдавалась плата помимо суммы арендной платы, собранной в поместье»⁸².

⁸¹ *Clyde R. Op. cit. P. 29.*

⁸² *Ibid. P. 29.*

Селлар был всего лишь доверенным лицом Джеймса Локха (1780–1855), уполномоченного представителя маркиза Стаффорда, которому приписывается создание плана реорганизации Стаффордского поместья. Локх писал, что «сама природа, кажется, указала на то, что эта отдаленная местность, чтобы стать значимой и приносить доход стране, должна была быть преобразована в овечьи пастбища в горной своей части, а население должно было быть переселено на побережье и в долины у моря». По мнению Локха, составление плана для Сазерленда – это всего лишь вопрос политической экономии: «Были все причины заключить, что гористые части поместья и, конечно, графство Сазерленд были настолько приспособлены к разведению скота, насколько они не были приспособлены к проживанию там людей, и не было сомнений в правильности превращения их в овцеводческие пастбища при условии, что люди будут помещены в такие условия, когда, честно трудясь, они больше не испытают лишений, которые так часто и жестоко преследовали их, когда они жили в горах»⁸³.

С точки зрения чисто экономического анализа простые шотландцы не были конкурентоспособными при новой системе, которая требовала максимальной отдачи со всех инвестиций. Если они не могут приспособиться к новым приоритетам, считали некоторые, то их эмиграция неизбежна и даже желательна. Тем, кто считал, что политика развития должна проводиться во что бы то ни стало, даже ценой эмиграции, последняя представлялась очевидным решением проблем перенаселения и нищеты.

К 1820-м гг. политика «очистки земель» стала поводом для полемики по всей Британии. Некоторые считали, что насильственное выселение неизбежно, другие энергично выступали за более гуманное отношение к шотландцам. У доктора Маккуллока был готов ответ тем, кто обвинял шотландских землевладельцев в жадности и притеснениях населения: «Считается, что землевладельцы пытаются сосредоточить все население в этих поместьях, чтобы снизить оплату труда и таким образом всегда иметь под рукой дешевую и постоянно готовую рабочую силу для того производства, доходы от которого они получают единолично. Это изящное замечание исходит от тех же политиков, которые в другом месте обвиняли тех же землевладельцев в сокращении насе-

⁸³ *Clyde R. Op. cit. P. 30.*

ления своих поместий из-за строительства овцеводческих ферм и способствовании разрушительной эмиграции. Очень трудно бывает иногда и сделать яичницу и яиц не разбить»⁸⁴.

Политика развития в итоге оказалась палкой о двух концах. Уже к 1820-м годам резкий экономический спад продемонстрировал как уязвимость новых фермерских сообществ, так и недалекость управляющих поместьями по всему Хайленду и на островах. Когда цены на скот и золу бурых водорослей резко упали, шотландцы столкнулись лицом к лицу с нуждой и необходимостью эмиграции, а рост долгов по арендной плате привел к банкротству многих землевладельцев в горных районах. Человеколюбивые побуждения первых сторонников политики развития, как оказалось, имели мало общего с устремлениями их последователей, которые смотрели на землю как на товар, а на местных жителей как на препятствие на пути прогресса.

Таким образом, якобитское движение, о характере которого до сих пор не умолкают многочисленные споры историков, было, очевидно, формой антиуниатского протеста со стороны региона, наименее подготовленного к модернизации, последовавшей непосредственно вслед за объединением 1707 г. Клань, принявшие в нем участие, несмотря на разность политических, религиозных взглядов, оппозиционность или лояльность Ганноверам, роднило лишь одно – стремление вернуть независимость Шотландии. Однако модернизация региона становилась неотвратимой, а осуществлена она могла быть только ценой разрушения клановой системы. Участие кланов в якобитских войнах было блестящим поводом для того, что уничтожить клановую систему, расчистив место для модернизации. Однако если военную организацию, и даже социальную структуру разрушить было возможно, то клановое сознание, идентичность и культура были тем, что разрушению подвергалось очень медленно, и на то, чтобы устранить их окончательно, нужны были столетия. Поэтому после непродолжительного времени репрессий горцам были возвращены их культура и традиции. Взамен они должны были предоставить свою лояльность. А как распорядиться этой лояльностью и одновременно горской культурной решали теперь британцы.

⁸⁴ Clyde R. Op. cit. P. 31.

VI

РОМАНТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.: ОТ КАЛЕДОНИИ К СЕВЕРНОЙ БРИТАНИИ

- ◆ Истоки новой идентичности
- ◆ Шотландское историописание первой половины XIX в.: в поисках нового прошлого

Истоки новой идентичности

Шотландская газета «Инвернесский курьер» 2 апреля 1846 г. опубликовала отчет о праздновании в Хайленде столетия сражения у Каллодена, который потом еще раз был перепечатан в 1946 г.: «Воздух был чист и свеж, светило солнце, и вся страна встречала весну. Прекраснейшее время года порождало интересные ассоциации, связанные с этим днем у огромного числа людей, пришедших на поле Каллодена. Большое количество учителей вывело своих учеников на праздник, и группки удивленных детей сидели прямо на траве, слушая рассказы о сражении и оружии, найденном крестьянами на поле битвы. Другие, те, которые помладше, практиковались в охоте на кроликов; взрослые мужчины и женщины вспоминали рассказы отцов и дедов, многие из которых сражались и были ранены в битве... К полудню компании людей расширились и составили около трех тысяч человек. Происходящее было прекрасно и представляло собой разительный контраст обычно огромному, пустому и одинокому месту бывшего сражения»¹. И мало кто вспоминал тогда, наверное, что еще столетие назад вместе со сбежавшим во Францию принцем Чарли, в Лету канули надежды на возвращение шотландского суверенитета, независимых шотландских легислатур, а величественное и независимое шотландское прошлое сохранялось лишь в народных преданиях и балладах.

¹ Inverness Courier. 1846. 22 April.

Прошло лишь сто лет – время по историческим меркам очень незначительное, и национальная трагедия, с которой многие в середине XVIII в. связывали гибель народной культуры, закат величественного шотландского прошлого, олицетворяемого горцами, вдруг празднуется как символ величия и знак наступления новой эпохи шотландской в целом и горской, в частности, истории. Трансформация идентичности, а именно с этим явлением мы сталкиваемся в данном случае, произошла не только в короткие сроки, но охватила культуру в целом, способствуя изменению исторической памяти о прошлом.

Знаков такой трансформации на территории Шотландии и в ее культуре сохранилось великое множество, начиная от так называемой «оссиановской полемики» и заканчивая многочисленными памятниками Брюсу и Уоллесу, установленными на протяжении XIX–XX вв. Одним из самых примечательных монументов является памятник Вальтеру Скотту, возвышающийся в самом центре Эдинбурга на Принцесс Стрит, не заметить который просто невозможно, – это, пожалуй, первое, что бросается в глаза в череде памятников, скульптур, архитектурных сооружений, которыми пестрит шотландская столица. Выполненная из темного, почти черного камня, в готическом стиле, башня, устремляющая вверх свои крылья, воскрешает в памяти картины либо мрачного средневековья, либо сюжеты из произведений самого В. Скотта, где события разворачиваются хотя и не в средневековый период, но в землях Шотландии, населенной, подчас, людьми столь же далекими от цивилизации, как и их предки. Сам сэр Вальтер Скотт, чья фигура, выполненная из белого камня, расположена под готическими арками башни и резко контрастирует с окружающими ее темными сводами, изображен сидящим на обломке скалы с закрытой книгой в руках. Для него все уже сказано.

Монумент Вальтеру Скотту, установленный в 1840–1844 гг., является одним из величайших и известнейших памятников Шотландии эпохи, когда завершалась трансформация шотландской идентичности, а на смену Каледонии приходила Северная Британия.

В 1964 г. шотландский историк Вильям Фергюссон, обобщая сложившуюся историографическую традицию об Унии 1707 г., назвал ее «доброй штукой», которая была необходима и неизбежна².

² *Fergusson W. The Making of the Treaty of the Union of 1707 // Scottish Historical Review. 43. 1964. P. 89–90.*

Но в то же время невозможно было не отметить, и сегодня с этим фактом практически никто не спорит, что, помимо того, Уния была еще и «возможно величайшим политическим проектом XVIII в.», который был обеспечен деньгами и патронажем³. Однако сегодня историки все еще крайне редко обращаются к вопросу о том, как и почему сформировалось и было закреплено в сознании представление об Унии, как именно о *доброй* штуке. В чем причина такой трансформации сознания? Почему проект по трансформации идентичности оказался столь удачен? И каков был механизм этих изменений?

Рассмотрение этого процесса именно как проекта делает возможным изучение механизма и этапов его реализации.

Вопрос представляется далеко не праздным, потому что впервые полстолетия после подписания договора-унии шотландцы не оставляли попыток повернуть процесс вспять, а якобитское движение, проходившее под лозунгами возвращения власти свергнутой династии Стюартов и восстановления власти шотландского парламента, вызывало серьезные опасения британских властей. Кроме того, современные национальные движения в Европе, в том числе и в Шотландии, выдвигают на первый план вопрос идентичности и механизма ее формирования. Тот факт, что история играет в этом немаловажную, если нерешающую, роль, не подлежит сомнению.

Уния 1707 г., подготовленная и принятая аристократией на протяжении XVIII–XIX вв., неоднозначно воспринималась самой этой аристократией, которая стремилась примирить миф о былом шотландском величии с современными реалиями, где успехи Шотландии связывались только с ее совместным существованием с южной соседкой. Наиболее сложно и противоречиво этот процесс проходил именно в сознании жителей северных шотландских земель, с одной стороны, наиболее своеобразной в социокультурном отношении части Британии, а с другой – наиболее воинственно настроенной по отношению к Лондону.

Однако не только политики, но и британская интеллигенция, понимали, что без интеграции Северной Шотландии невозможно создание британского государства, до тех пор пока существует «северная проблема», и нельзя говорить о безопасности в прямом смысле, не будет достигнуто процветание ни экономическое, ни

³ Whatley C.A. Bought and Sold for English Gold? Explaining the Union of 1707. Glasgow, 1994.

культурное всего Королевства. Именно поэтому хайлендерский вопрос занимал умы просвещенных людей того времени. Хайлендерская проблема была теснейшим образом связана в сознании шотландцев с так называемым «стюартовским мифом» – с отношением к древней королевской династии и якобитскому движению, разделившему Шотландию в первой половине XVIII в. Уже во второй половине XVIII в. отношение к Стюартам со стороны шотландской интеллигенции было, по крайней мере, не однозначным. В дневниках Джеймса Босуэлла, девятого графа Очинлека, находится тому немало подтверждений. Уже слова о том, что «по рождению я северо-британец, как шотландцы теперь должны называться», которые он написал в письме 6 апреля 1779 г.⁴, свидетельствуют о начавшемся процессе разрушения шотландской идентичности.

В Лондоне накануне европейского путешествия Босуэлл выдержал проверку своих политических чувств, когда встречался с шотландскими друзьями, семьей Келли, глава которой сражался на стороне якобитов в 1745 г., и «все пришли к согласию по поводу своей любви к Королевскому Дому Стюартов и деградации Британии после их изгнания», – запишет Босуэлл в своем дневнике 17 января 1763 г.⁵

Полтора года спустя, Босуэлл вновь вернулся к вопросу о якобитизме, теперь уже в беседе с лордом Маришалем – одним из героических лидеров восстания 1715 г. и автором интриги со Старым претендентом, не принимавшим, правда, участия в восстании 1745 г. Вспоминая об этой встрече, Босуэлл напишет: «Было что-то патетическое и великодушное в якобитизме, то, что воскресило в памяти и встряхнуло древний королевский род», лорд Маришаль говорил о том, что Стюарты заслужили свою судьбу и закономерно потеряли престол. «Я тоже так считал», – пишет Босуэлл, забыв, очевидно, о разговоре с Келли. Затем словно извиняясь за это «предательство», замечает: «Я виноват перед ними. Я хочу забыть их; и я люблю моего душевного “Великого Георга, нашего Короля”»⁶.

Еще тремя неделями позже во время своего германского путешествия Босуэлл составил партию менуэта принцессе Августе, сес-

⁴ *James Boswell. Biography and the Union // The History of Scottish Literature.* 4 vol. Vol. 2. 1660–1800 / Ed. by Andrew Hook. Aberdeen, 1987. P. 158.

⁵ *Ibid.* P. 161.

⁶ *Ibid.*

тре Георга. Он записал, что у них получился «прекрасный английский менуэт – или британский, если хотите, который составили шотландский джентльмен и английская леди. Что за великолепная идея пришла мне в голову! Я танцевал с принцессой, внучкой короля Георга, чей день Рождения я столь часто праздновал в Старом Эдинбурге; с дочерью принца Уэльского, который покровительствовал Томпсону и другим мастерам науки и муз; и с сестрой Георга III, моего правителя... Это была честь оказаться в подобной ситуации. Я сказал принцессе: “Мадам, я тысячу раз Вам признателен, за честь, которую Вы мне оказали. Я буду рассказывать об этом моим людям до тех пор, пока буду жив”⁷. В этих строках все его отношение, все его «великолепные идеи», иллюстрирующие постюнионистские представления шотландца: и празднование дня рождения короля в Старом Эдинбурге – родном городе Босуэлла и древней родине шотландских Стюартов; и принц Уэльский, покровительствовавший шотландскому автору Джеймсу Томпсону; и Августа – английская, не немецкая принцесса; и собственное поместье Босуэлла, в котором он собирается рассказать о танце с британской (немецкой) принцессой.

Во всем этом очевидна трансформация от идеи «независимой» Шотландии, олицетворяемой Стюартами и якобитами, к идее Британии, в которой оба партнера – Англия и Шотландия, играют ощутимую роль. Этот менуэт с принцессой породил в его сознании метафору об Унии как о браке двух сторон. Это сравнение он затем использует в своей публичной речи, произнесенной 22 июля 1779 г., посвященной статьям Унии.

К концу XVIII в. сущность хайлендерского вопроса и связанного с ним «стюартовского мифа» несколько трансформировалась. Военная опасность со стороны горских кланов была успешно устранена в ходе подавления последнего якобитского восстания, кланы разоружены (или создавалась иллюзия такого разоружения), а земли наиболее яростных сторонников Стюартов перешли короне, тем самым якобиты были лишены территорий, которые, как мы помним, являлись основой существования горской клановой системы.

Однако если видимые следы клановости были более или менее устранены, то клановое сознание, в основе которого лежало пред-

⁷ James Boswell. Op. cit. P. 162.

ставление о родстве, уничтожить было гораздо сложнее, поскольку сущность его находилось в самой культуре, воплощенной в балладах, легендах и, что наиболее важно, в самой истории народа. На повестке стоял проект создания нового прошлого Шотландии, в котором решающее место отводилось Хайленду, как носителю и наиболее ревностному хранителю шотландской истории.

Первая половина XVIII в. в шотландской истории стала временем рождения шотландского национализма и антикварианизма, точнее, национализма, выступающего в форме антикварианизма, когда в преддверии Просвещения были сделаны попытки объяснить настоящее Шотландии, только что принявшей Унию, категориями прошлого.

Впервые на эту особенность шотландского национализма, опиравшегося на антикварную традицию, обратил внимание Дэвид Дайчез в статье «Ученость, литература и национализм в Шотландии XVIII в.», опубликованной в 1984 г.⁸ Ценность этого исследования прежде всего в том, что Дайчез, филолог по образованию, объектом своего исследования избрал эволюцию концепта свободы и национализма. Он пишет: «Принятие Унии было поистине травмой для шотландского народа. Люди совершенно не представляли, что с ними произошло и кто они теперь. В этой атмосфере многие шотландцы обратились к шотландскому культурному прошлому, чувствуя себя там более комфортно и ощущая принадлежность к шотландской национальности»⁹.

Переворот в сознании шотландцев произошел в тот «Золотой век» между 1745 и 1789 гг., когда сформировалось поколение мыслителей, которые более чем где-либо еще в Европе уделяли внимание социальным процессам, изучению «механизма перехода», того, как общество эволюционирует от варварства и цивилизации. Но они не только были свидетелями этого процесса, но, в определенной степени, – его субъектами и объектами, учитывая, например, то, что автор «Исследования об истории гражданского общества» Адам Фергюсон был хайлендером и блестяще знал обе цивилизации – и хайлендерскую, и коммерческую южно-шотландскую¹⁰.

⁸ *Daiches D. Scholarship, Literature and Nationalism in 18th Century Scotland // Literary Theory and Criticism: Festschrift presented to Rene Wellek / Ed. by Joseph P. Strelka. 2 vol. N.Y., 1984. Vol. 2. P. 748.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Nairn T. The Break-Up of Britain. L., 1981. P. 110.*

Идея общности прошлого, развиваемая мыслителями шотландского Просвещения, должна была способствовать развитию и укреплению собственной идентичности, не только культурной, но и гражданской. Согласно Энтони Гидденсу, «общество – это группа людей, которые живут на одной территории, имеют общую политическую систему и отделяют себя от других групп, окружающих их»¹¹. В рамках такого географического, политического или идеологического определения Шотландия действительно представляла собой общество. Однако необходимо было подчеркнуть ее самобытность и связь ее современного состояния с традиционной независимостью. Этому должен был служить концепт «гражданского общества», который дистанцировал гражданскую сферу от политической¹².

Уния-инкорпорация тем не менее оставила Шотландии ее «святую торицу» – правовую, образовательную и церковную системы, в которых, по мнению многих, выражался сам дух Шотландии и которые ближе всего стояли к рядовым гражданам, способствуя распространению убеждения об институциональной автономии. Однако для хайлендеров – общества в равной степени военизированного и эгалитаристского – не менее важна была военная сфера. В этой связи чрезвычайно важной является борьба вокруг «закона о милиции», развернувшаяся в середине 70-х гг. XVIII в., возглавил которую Адам Фергюсон. Для него собственная шотландская милиция, упраздненная указом лондонского кабинета была не только, да и, наверное, не столько силовым аппаратом, сколько еще одним выражением «народного духа». Являясь одним из первых, кто употребил сам термин «гражданское общество», Фергюсон противопоставлял его традиционные гражданские институты разрастающейся силе «Левиафана» в лице британского государства.

Однако оппозиция Унии привела к всплеску патриотизма, который находил выражение не только в борьбе за институциональную автономию, но и принимал культурные формы, одной из которых стало антикварное движение. Этот «культурный национализм» компенсировал потерю независимости, а в более длительной перспективе закладывал основы новой шотландской идентич-

¹¹ Giddens A. The Nation-State and Violence. L., 1985. P. 731.

¹² McCrone D. Understanding Scotland. The Sociology of a Stateless Nation. L.-N.Y., 1992. P. 21.

ности. И исторические, и литературные произведения того времени выполняли функцию консолидации общества на основе осознания величия прошлого шотландского народа, не заботясь в достаточной степени о воссоздании *истинной* картины истории.

Почва для трансформации сознания готовилась на протяжении всего XVIII в. и была связана с деятельностью таких шотландских деятелей, как Джон Кларк, Адам Фергюссон, Дэвид Юм и многие другие. Однако своеобразный прорыв был совершен именно Вальтером Скоттом, с именем которого связывается шотландская романтическая революция в историописании и, в частности, в подходах к изучению истории Горной Шотландии.

Благодаря Вальтеру Скотту был создан абсолютно уникальный образ шотландского прошлого, который сочетал в себе, казалось, несовместимые вещи, с одной стороны, любовь и уважение к величественной шотландской истории, а с другой – осознание того факта, что эта любовь может быть реализована только в союзе с Англией, обеспечившей шотландцам не только выход на колониальные рынки, но и позволявшей северо-британцам исповедовать их собственную культуру, и сохранившей целый ряд их собственных легислатур.

Несколько факторов оказали влияние на формирование собственного мировоззрения Скотта, важнейшими среди которых были детство, проведенное в шотландском Приграничье, антикварное движение, заложившее основу подлинно научному, опирающемуся на изучение источников подходу к шотландскому прошлому, и просветительские идеи.

«Приграничное» детство Скотта в Келсо, что в нескольких милях от Англии, оставило в его памяти многочисленные баллады. Тогда же он прочел впервые «Реликвии древней поэзии» епископа Перси. Все это со временем привело Скотта к мысли стать собирателем и издать шотландские предания¹³. Баллады для В. Скотта стали и историческим источником, и законченным творением искусства. В них выражалась динамика общества и то, что оно произвело – набеги, убийства, перемирия и предательства, погони и шантаж. Шотландское Пограничье еще и в XIX в. было сложным обществом, основанном на родстве с его законами, кровной мстью и другими институтами традиционного общества. Именно там Скотт

¹³ Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinb., 1980. P. 38.

впервые нашел свой исторический мир. Вместе со своим другом Робертом Шортидом он отправился на поиски сказаний. Сначала они путешествовали пешком, перебираясь от хижины к хижине по шотландским долинам. Но потом наняли экипаж, на котором переезжали из одной деревни в другую. Собирая пограничные баллады, он впервые выступает как антикварий и антрополог, он знакомится не только с этими преданиями, но перед его лицом открывается и целый мир, произведший эти памятники прошлого. Но, записывая баллады, Скотт не просто механически фиксировал полученную информацию, но вносил в нее свое поэтическое понимание человека рубежа XVIII–XIX вв. – времени успешно развивающейся шотландской модернизации. Эта деятельность Скотта стала первым шагом шотландской исторической революции¹⁴. Своей жизнью, деятельностью и влиянием Скотт помог создать шотландское историческое движение, которое в первой половине XIX в. определило образ Шотландии в глазах европейцев и американцев.

В поисках и коллекционировании баллад Скотт опирался на сложившуюся антикварную традицию. Уже не раз подчеркивалось, что европейский и, в частности, британский антикварианизм был не просто движением, изучающим прошлое. Это была попытка найти объяснение многим проблемам, с которыми интеллектуалы сталкивались в быстро меняющемся мире. Одним из первых шотландских антикварианов был сэр Джон Кларк Пенникуик (1676–1755), который заложил основу изучения шотландского прошлого именно с целью понять реалии Шотландии, которая, утратив независимость после подписания Унии 1707 г., стремилась отстоять свое культурное прошлое. Именно Кларк впервые сформулировал идею о том, что Уния была полезна для Шотландии, что утрата собственного парламента не лишила страну великого прошлого, а, наоборот, способствовала ее процветанию¹⁵.

Кларк оставил свой след и в области экономической теории, и как покровитель искусств, и во многих других отраслях знания. Однако нас он интересует, в первую очередь, как антикварий, предложивший свой особенный взгляд на шотландское, и, главным образом, хайлендерское прошлое.

¹⁴ Ash M. Op. cit. P. 39.

¹⁵ Апрыщенко В.Ю. Сэр Джон Кларк Пенникуик и кризис шотландской идентичности в первой половине XVIII в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005.

Да и сам себя Кларк считал, в первую очередь, антикварием. Он был первым историком после подписания Унии, который попытался объяснить противоречия истории государства, которого не существовало. Для него попытка примирить эти противоречия была не только вопросом формы и содержания его творчества, но и, в первую очередь, вопросом морали.

Антикварианизм Кларка находил свое выражение в археологической деятельности. Пеникуик считается пионером изучения римских древностей на территории Шотландии. Однако, живя прошлым, он рассматривал материальную культуру ушедших веков не просто как источник знаний о пребывании римлян на территории Британии. Для него это был образец культуры, на основании которого Джон Кларк строил свою политическую философию, которую условно можно обозначить как «полезный утилитарный антикварианизм»¹⁶. Иными словами, археологические памятники для него – это своеобразные моральные аргументы в пользу патриотических чувств. И в этом Кларк – парадоксальная фигура. Будучи сторонником Унии и изучая римские древности, он пытался нарисовать рост и эволюцию древней Каледонии под влиянием Рима и использовал эти аргументы для описания современной ему действительности. Занятия древнеримской историей, таким образом, способствовали постановке Джоном Кларком и ряда вопросов шотландской истории.

Римское прошлое Каледонии, перенесенное в XVIII в., по его мнению, решало проблему шотландской культуры и идентичности XVIII в. Кларк описывал преимущества меньшей нации, столкнувшейся с экономической, политической и интеллектуальной мощью Англии. И он желал совместить, казалось, несовместимые вещи – чтобы Шотландия стала частью более широкого мира, но в то же время сохранила свои исторические черты характера, независимую национальность, суверенное прошлое. Одновременно он был римлянином и каледонцем, северо-британцем и шотландцем.

Важным фактом Джон Кларк считал и то, что Уния являлась именно продуктом взаимного договора, осознанного выбора шотландцев, согласия между двумя частями Королевства¹⁷.

Изучая материальную культуру Римской Британии, Джон Кларк сталкивался с проблемой интерпретации археологических

¹⁶ *Ash M. Op. cit.*

¹⁷ *Ibid.* P. 36.

находок, и найденные древности говорили ему о величии каледонцев. Но это величественное прошлое вытекало как раз из метода интерпретации. Он хотел верить, например, что найденное им бронзовое оружие принадлежало разбитым каледонцами римлянам, а не местным племенам. Подобные находки пробуждали интерес к имперской истории и истории завоевания Британии Римом, и это была своеобразная дань шотландской древности¹⁸. В этом подход Кларка принципиально отличался от оценки подобных находок его английскими коллегами, например, Роджером Гэйлом, который считал, что оружие, найденное близ римских укреплений, могло быть обронено или утеряно местными войсками во время атаки римского лагеря.

Александр Гордон, другой известный шотландский антикварий, определял мечи, найденные на месте сражения у Бэннокберна, как необязательно английские, а утверждал, что «стоит отбросить все сомнения по поводу [их] римского происхождения»¹⁹. Иными словами, патриотические настроения шотландских антиквариетов не удовлетворялись констатацией побед над англичанами, необходимо было удревять историю каледонских побед.

Однако и Гордон, и Кларк – люди, получившие классическое образование, имели очень двойственное отношение к римскому завоеванию. Им сложно было игнорировать тот факт, что благодаря римлянам на короткое время Шотландия стала частью обширного цивилизованного мира. К тому же эта проблема приобретала особое звучание в Шотландии их времени, поскольку они являлись современниками аналогичных процессов эволюции культуры, прогресса, но ценой этого прогресса являлась потеря независимости. И им ничего не оставалось делать, кроме как апеллировать к посмертной славе, к моральному единению с прошлым, оперируя при этом такими категориями, как «прародители», «предки», «Родина» – категориями, которые в Шотландии того времени неизменно ассоциировались с экспрессивными речами лорда Белхавена и других противников Унии, воспевавших прошлое «нашей Древней Матери Каледонии». Но если Белхавен своей целью видел полити-

¹⁸ Sir John Clerk of Penicuik. *History of the Union of Scotland and England*. Edinb., 1993. P. 36.

¹⁹ Brown I.G. *Modern Rome and Ancient Caledonia: the Union and the Politics of Scottish Culture // The History of Scottish Literature*. 4 vol. 1660–1800 / Ed. by Andrew Hook. Sberdeen, 1987. Vol. 2. P. 36.

ческое обострение и политическую борьбу, то сэр Кларк ареной борьбы избрал культурное прошлое Каледонии.

Нигде это двойственное отношение к шотландскому прошлому и, в частности к римскому завоеванию, не проявлялось столь резко как в интерпретации истории Адрианова Вала.

Еще в 1739 г. он подготовил для Эдинбургского философского общества записку об Адриановом Вале, где обосновывал свой патриотический интерес к прошлому. Некоторое время спустя великий шотландский математик Колин Макларен озвучил общее впечатление шотландских интеллектуалов о представленном документе, который был прочитан «с соответствующим признанием от представленного изучения... и удовольствием от патриотизма»²⁰.

Для Кларка центр конфликта между римской цивилизацией и каледонцами сосредоточивался именно на Адриановом Валу²¹. С одной стороны, это был центр римской культуры, но с другой – центр войны свободолюбивых племен его родной земли, которые штурмовали римские укрепления. Как можно было совместить эти две интерпретации римского вала для человека, который принимал участие в создании унии 1707 г.? И Джон Кларк приходит к выводу, что вал был необходим. «Вал сделал из нас людей», – считал антикварий²². «Он сделал для нас больше, чем все наши военные экспедиции вместе взятые»²³. Причем интересно, что Кларк склонен считать Адрианов вал не столько «римским», сколько «варварским», каледонским, тем самым акцентируя внимание на собственном выборе каледонцев в пользу цивилизации.

Во всем этом сложно не заметить уважения к имперскому духу. Римское завоевание рассматривалось как несомненное благо, принесшее плоды цивилизации и обогатившее каледонскую культуру.

Как член антикварного клуба Римских Рыцарей Вильяма Стаклея Кларк взял прозвище Агрикола, в честь римского полководца, завоевавшего Каледонию в 84 г. Его друг и соратник Александр Гордон при этом взял имя Калгасуса – вождя каледонцев.

²⁰ *Brown I.G. Op. cit.*

²¹ Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England. Edinb., 1993. P. 38–39.

²² *Ash M. Op. cit.* P. 36.

²³ *Brown I.G. Op. cit.* P. 37.

Конечно, Гордон, известный своими националистическими настроениями, не занимал, в отличие от Кларка, пост Лорда Казначая, но выбор Пеникуика показателен. Как Агрикола, Кларк был человеком проримских симпатий, а в терминах XVIII в. – северо-британцем. По его мнению, вместе Англия и Шотландия могли бы создать империю еще более великую, чем Римская. То есть Кларк был шотландцем-патриотом, который был готов подчинить свою «шотландскость» интересам «британскости». Рассуждая о римлянах в Британии, он использовал терминологию современного ему ганноверского государства, и эти рассуждения приводили его к мысли о выгодности для Шотландии союза с Англией. Однако, несмотря на теоретические рассуждения по поводу взаимобязательств в рамках такого союза, Кларку, хорошо знакомому с экономическими реалиями своего времени, сложно было не признать превосходства Англии, и поэтому в англо-шотландских отношениях именно Англия играла роль Рима, так же, как и много веков назад империя обеспечивала себе безопасность границ, распространяя свою культуру. В этом смысле Кларк был типичным британским антикварием. Как и многих других его коллег, древности занимали его лишь постольку, поскольку помогали понять современные ему реалии²⁴.

Трезво оценивая уровень современных англо-шотландских отношений и не питая иллюзий по поводу разницы в уровне развития двух частей королевства, Кларк при этом считал, что Англия может и должна помочь Шотландии реализовать тот заложенный культурный потенциал, который хранится в недрах самобытной шотландской культуры, носителем которого является своеобразный шотландский характер. Иными словами, патриотизм антиквария заключался в желании спасти шотландское культурное величие, а суверенная нация им понималась как носитель культурных стереотипов, образцов поведения и характера, причем залогом выживания этих культурных норм должен стать именно союз с Англией.

В. Скотт, который был близко знаком и с потомками Джона Кларка, и с его идеями, всецело разделял позицию своего предшественника. Однако разница между ними заключалась в том, что

²⁴ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в Раннеюгартонской Англии // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М., 2005.

Скотту, жившему уже почти на полстолетия позже Кларка, были очевидны уже и плоды вхождения Шотландии в союз с Англией, и влияние идей Просвещения на шотландскую историю.

Отсюда проистекало и то поистине уникальное соотношение локального и национального британского патриотизма у Скотта. Его якобитизм – это не просто потерянный, упущенный шанс, но явление, базирующееся скорее на эмоциях, нежели фактах. Скоттовские якобиты не находят себе места в измененном мире второй половины XVIII в. По словам шотландского историка Мюррея Питтока, на рубеже XVIII–XIX вв. шотландский патриотизм остался в детском возрасте, а британский – вырос²⁵. Шотландский патриотизм – это своего рода эмоциональный и примитивный вариант идентичности, в то время как британский – рациональная ее разновидность. Именно благодаря Скотту шотландский национализм стал видаться как старомодное явление, потерявшее ориентацию и потому исчезающее. Причем в формировании своего взгляда писатель исходит именно из шотландских, а не английский реалий и интересов. По его мнению, шотландцы – это разделенная нация. И хотя это разделение на кельтов и скотов носит скорее расовый характер, его следствием является и политический конфликт, а потому уния 1707 г. – необходимое явление не только с точки зрения объединения Англии и Шотландии, но и воссоединения самих шотландцев. Парадокс, но, будучи тори, Скотт заложил основы и принадлежал скорее вигской школе историописания.

Аналогично и Р. Бернс, который, симпатизируя якобитизму, бессознательно помог тем, кто желал восстановить представление о нем как о замечательном, уникальном явлении. Якобитская традиция с ее гэльской культурной основой, благодаря Бернсу и Скотту становилась сердцем шотландской национальной идентичности. Шотландия начала ощущать себя вновь кельтской страной, чему способствовал именно «якобитский миф». Но эти кельтицизмы, отзывавшиеся эхом во всей культуре, реализовывались не напрямую, а посредством символов, например, тартаномии, которые как бы отделили новую шотландскую идентичность и от политической борьбы XVIII в., и от трагедии «улучшений», которую переживал Хайленд в XIX в.

²⁵ Pittock M. Op. cit. P. 85.

Интересно, что на протяжении 20–40 гг. XIX в. произошло и разделение представлений о якобитизме и стюартовского мифа, основа которого была заложена еще в конце XVII в. Эти два явления были взаимосвязаны политической борьбой, в которой они реализовывались. Соответственно, необходимо было разделить их, придав обоим, и особенно якобитизму, культурную окраску. Так рождался новый якобитский миф. Отныне якобитизм становится движением за культурную самобытность и, соответственно, должен быть реабилитирован. О Стюартах чаще предпочитали молчать, возможно потому, что представление о том, что «Чарльз Эдуард Стюарт воплотится для того, чтобы спасти [кельтскую] расу» все еще было живо в Шотландии²⁶.

Так начиналась культурная реабилитация якобитизма. Королева Виктория во время первого своего визита в Шотландию, в 1842 г., специально попросила некоего мистера Джона Уилсона исполнить для нее песню «Oh! wae's me for Prince Charlie», что само по себе «было замечательным актом..., окончательно развеявшим представление о нелояльности, которая в общественном мнении ассоциировались с этой песней»²⁷.

Действительно, якобитизм, расколовший страну в 1715 и 1745 гг., теперь был бессилён, и показателем этого служит его романтизация, начавшаяся уже через несколько лет после поражения Чарльза при Каллодене. Ликвидация в массовом сознании политического значения якобитского движения сыграла важную роль в формировании единства, общей памяти, которая была «выборочной» и служила нуждам британского государства²⁸. После Ватерлоо хайлендеры были провозглашены правительством тори в качестве основы системы британской армии (шотландцы действительно принимали активное участие в войнах с революционной Францией в составе собственных подразделений, например, Черная Стража) и носителей традиционной лояльности, ассоциирующейся с религией, правилами морали и патриотизмом²⁹.

²⁶ Pittock M. Op. cit. P. 101.

²⁷ Maclean M. The Literature of the Highlands. Glasgow, 1925. P. 22.

²⁸ Donaldson W. The Jacobobite Song: Political Myth and National Identity. Aberdeen, 1988. P. 65, 93–94.

²⁹ Whatley C.A. Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, toward industrialization. Manchester–N.Y., 2000. P. 3.

Уже во второй половине XVIII в. Северная Шотландия стала гораздо более лояльной провинцией, нежели раньше, главным образом, оттого, что политика «умиротворения» часть правящей элиты просто уничтожила, а другая – вынуждена была либо переселиться на равнину, либо эмигрировать на континент, в Испанию или Францию, или же вообще отправиться за океан, тогда как другие представители старой аристократии адаптировались в британский правящий класс. Ситуация, отчасти напоминающая период в английской истории, последовавший сразу за Войной Алой и Белой Розы, когда представители древних английских аристократических родов были уничтожены в ходе тридцатилетней войны, а их место заняли джентри, готовые к сотрудничеству с Тюдорами. Иными словами, социальные перемены, вызванные подавлением восстания, заложили основу для трансформации сознания.

Поместья многих участников якобитского движения, как мы говорили, были конфискованы, но в 1775 г. Генри Дандас поставил вопрос о необходимости их возвращения хозяевам. Когда в 1783 г. он стал членом парламента, то было уже очевидно, что государственный контроль над конфискованными землями является неэффективным и в итоге, после недолгого обсуждения вопроса, они были возвращены наследникам бывших владельцев, которые вместе с родовой собственностью получили и долги по этим землям, часть которых была сделана государством³⁰. Возвращение этих поместий было знаком того, что в государстве достигнут мир между шотландской горской аристократией и британским правительством. А привилегии, возможности для службы как в Британии, так и в колониях, были лакомым куском для тех, кто осознавал неизбежность дальнейшего – насильственного или добровольного союза Англии и Шотландии.

Интеграция в британскую элиту способствовала и финансовому развитию некоторых представителей шотландской знати. Ординарный Лорд Сессии имел жалование от пятисот до семисот фунтов стерлингов в год в 1759 г., и около тысячи – в 1766 г. В то же время жалование Лорда Президента выросло с тысячи фунтов стерлингов сначала до тысячи трехсот, а потом и до двух тысяч. В Лондоне такие Лорды Казначейства, как, например, шотландец

³⁰ *Lenman B. Integration, Enlightenment, and Industrialization. Scotland 1746–1832. L., 1981. P. 75.*

Гилберт Элиот Минто, получали жалование в размере двух с половиной тысяч фунтов стерлингов в год. Рядовой шотландский адвокат в XVIII в. имел доход не менее тысячи фунтов стерлингов в год, в то время как ректор университета Глазго получал сто пятьдесят фунтов стерлингов в год в 1753 г., а профессор богословия в университете Эдинбурга – сто шестьдесят³¹.

Война с Америкой была еще одним шансом для шотландской аристократии и джентри показать их военные таланты, хотя правительству было очень сложно контролировать лояльность хайлендерских военных отрядов. Только в августе 1775 г. количество вооруженных шотландцев, главным образом, горцев, увеличилось с 33 тысяч человек до 55 тысяч. Правда, в 1781 г. в Америке в распоряжении британских военных командиров находилось всего 34 тысячи штыков³².

Участие хайлендерской Черной Стражи в наполеоновских войнах, в битве при Ватерлоо свидетельствовало о том, что Шотландия все более становится Северной Британией. Интересно, что именно В. Скотт, так радевший за шотландское прошлое, боготворивший «пурпурные холмы» северной Шотландии, пригласил на ужин Черных Стрелков, сражавшихся за Британию, после их триумфального возвращения в Эдинбург. 7 июля 1814 г. Скотт анонимно опубликовал свой первый роман «Уеверли, или 60 лет назад». Тираж разошелся за неделю, притом, что цена за два сшитых тома составляла гинею (21 шиллинг).

На целесообразность набора стрелков среди хайлендеров указывал еще в 1738 г. Дункан Форбс Каллоден, лэрд, юрист и виг по своим политическим убеждениям. Великое восстание сняло этот вопрос, как казалось тогда, навсегда. Но американская война показала возросшую лояльность шотландцев, и хотя некоторые радикалы пытались протестовать, их голоса не были поддержаны.

Война в Америке вообще была очень значима для шотландцев, в том числе и с позиций их собственного положения в Британии, чей правящий класс вел себя так, как того требовал Вестминстер. Исключения хотя и были, но встречались крайне редко. Например, в 1782 г. Босуэлл, шотландец по происхождению,

³¹ *Lenman B. Op. cit. P. 59.*

³² *Ibid. P. 65.*

заявил, что американцы «вправе добиваться независимости». Дэвид Стюарт Эрскин, одиннадцатый Граф Бьюкан, будучи в том же, тоже выступал с радикальных позиций за свободу американских колоний. Интересно, что ему же принадлежит целый ряд работ по шотландской истории, написанный с радикально-патриотических позиций. Будучи блестяще образованным, обучаясь в университетах Сент-Эндрюса, Глазго и Эдинбурга, он выступил с идеей создания Общества антиквариетов Шотландии и способствовал получению королевской грамоты для его учреждения. В период с 1780 по 1790 гг. Эрскин старался придать Обществу не просто характер музея, где были бы собраны реликвии, относящиеся к прошлому страны, но и сделать его своеобразным «образовательным центром» шотландской истории, добывая материалы в Риме и Париже. Так нащупывался переход от политического противостояния к культурной идентичности.

Для многих шотландцев начало XIX в. было периодом, когда терялось и уходило в прошлое то, с чем они привыкли ассоциировать шотландский характер и особенности шотландской нации. Три старинных института, которые оставила шотландцам уния, – правовая система, образовательная и церковная – находились в кризисе. Многие юристы, такие как Кобурн или Джеффри, смотрели в сторону Англии, характеризуя ее юридическую систему как самую прогрессивную. Система приходских школ была разрушена урбанизацией, что позволяло Джорджу Льюису сказать в 1834 г., что Шотландия представляет собой полуобразованную нацию. Церковь, пожалуй, главный институт идентичности, находилась на грани раскола, последовавшего в 1843 г., в ходе которого три шотландских церкви стали претендовать на то, чтобы называться истинными наследницами реформационной традиции³³.

В этой связи закономерным представляется вопрос, не единжды возникавший в умах наиболее просвещенных шотландцев: что есть прогресс и какова его природа и природа экономического роста, а также каковыми должны быть социальные процессы, сопровождающие модернизацию? В 1819 г. в «Эдинбургском обозрении» В. Скотт пишет ряд сатирических статей, изданных под названием «Мечтатель», по поводу готовящейся парла-

³³ *Finlay R. The Burns Cult and Scottish Identity in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Love and Liberty: Robert Burns: A Bicentenary Celebration / Ed. by K. Simpson. Edinb., 1997. P. 70.*

ментской реформы³⁴. Центральным образом этих статей является капризный и придурковатый архитектор – мистер Витрувиус Вигхам, который, задумав построить новую абсолютно вульгарную и неэстетичную мансарду, разрушает элегантную и симметричную старую готическую крепость. Причем он старается убедить народ в необходимости этих изменений. Итогом этих преобразований становится кровавая гражданская война сторонников и противников старого замка, в результате которой Шотландия превращается в «страну Радикалов», где уничтожается частная собственность, происходят необратимые социальные перемены, общество постепенно опускается до анархии и варварства, а люди возвращаются к племенному образу жизни. И, наконец, вслед за этим начинается последний этап, на котором политический демагог Боб Баблекус убеждает народ, что настала пора демократической политической системы, в которой все, включая женщин и детей, будут обладать политическими правами. Страна в это время парализована бесконечными митингами, предвыборными кампаниями, сопровождающимися коррупцией³⁵. Интересно, что если исторические новеллы Скотта характеризует ностальгия по шотландскому прошлому, то его публицистические работы, касающиеся настоящего, критичны и наполнены горькой сатирой.

Противоречие не случайное. Более того, оно отражает принципиальную позицию Скотта по отношению к острейшим проблемам современного ему общества. Будучи убежденным тори и лелея героическое шотландское прошлое, патриархальные пейзажи и многовековую культуру своей страны, он не мог без боли смотреть на то, как она разрушается, исчезая под натиском британской модернизации. Но, искренне любя свою Родину, В. Скотт столь отчетливо понимал, что ее процветание отныне связано только с Англией. Воспетая им Каледония с ее пурпурными холмами, королями долин, мистическими озерами и бравыми хайлендерами отныне превращалась Северную Британию, в которой процветание отдельных частей зависело от благосостояния целого. Отсюда проистекал и особый взгляд на шотландское прошлое.

По мнению многих образованных шотландцев рубежа XVIII–XIX вв. и, в частности, В. Скотта, поражение якобитизма было

³⁴ Fontana B. Rethinking the Politics of Commercial Society: Edinburgh Review 1802–1832. Cambridge, 1985. P. 165.

³⁵ Ibid. P. 166.

вполне закономерным явлением, а образ якобитов уже тогда становится, по крайней мере, очень двойственным: они и защитники прошлого, но они и утописты, не нашедшие широкой поддержки среди шотландцев. Вспомним, как два брата, героя романа Стивенсона «Владелец Баллантрэ», бросают монетку, чтобы решить, кому из них идти воевать за Чарльза, а кому за короля Георга.

Что не изменилось и в середине XIX в., так это представление о силе родственных связей в Горной Шотландии. Стивенсон, написавший своего «Владельца Баллантрэ», был очень хорошо осведомлен о предрассудках и верованиях дворянства горной Шотландии в XVIII в. и, очевидно, считал, что он не слишком изменился и в его время. Это объясняет тот факт, что, даже несмотря на критику романа за отсутствие «психологического анализа» и за то, что в нем нет удовлетворительного объяснения власти Джеймса Баллантрэ над семьей, которой он причинил столько зал, Стивенсон оставался верен себе. Владелец, согласно сюжету, старший из двух сыновей, волей жребия подавшийся к прекрасному принцу Чарльзу и потерявший родовые земли и невесту, вышедшую замуж за его младшего брата, мог предъявлять претензии и предъявлял их, пока не довел младшего Генри сперва до дуэли, затем до безумия, а в конце концов, и до смерти³⁶.

Одновременно с формированием двойственного образа якобитов оформляется и особое отношение к новой династии Ганноверов, чей триумф со временем начинает осознаваться как благо для Шотландии. Способом выразить свой торизм, монархизм, юнионизм, так же, как и антикварианизм, стал для таких представителей интеллектуальной элиты визит Георга IV в Шотландию в 1822 г.

К этому времени в Хайленде были еще живы люди, помнившие запах пушек Каллодена, принимавшие непосредственное участие в сражении. Один из них, 109-летний Патрик Грант, сражался в рядах клана МакДоналдов Гленгари и был тем, кто оттолкнул лодку с принцем Чарльзом, направляющимся во Францию от шотландского берега. Еще одна памятная страница хранилась вдовой, Маргарет Лоу, чей муж, Джеймс Стюарт Туллок, поднял королевский штандарт над Каллоденом. Женщина, видевшая принца накануне сражения, в свои 100 лет могла описать его манеры, детали его одежды, его улыбку³⁷. Не столь важ-

³⁶ Олдингтон Р. Стивенсон: портрет бунтаря. М., 1985. С. 231.

³⁷ Prebble J. The King's Jaunt. Edinb., 1988. P. 19.

но, насколько ее описания могли соответствовать действительно-сти. Важно то, что эта память хранилось как священное воспо-минание о героическом и трагическом прошлом Шотландии.

Вдова самого принца Чарльза еще жила во Флоренции, полу-чая содержание в размере 1600 ф.ст. в год, назначенное ей Георг-ом III. Луиза де Столберг Комтис д'Албани родилась в том же году, когда произошла битва у Каллодена, но теперь она была стара, жила одиноко, лишь изредка навещаемая английскими туристами или каким-нибудь юным шотландцем, желавшим ус-лышать о ее знаменитом муже.

Министры советовали Георгу отправиться в Шотландию в 1823 г., а пока заняться подготовкой к новой встрече европейс-ких лидеров в Вене. Но решающее влияние на принятие решений короля оказывала леди Конингам. Жена Георга, Каролина, умерла 1821 г., и большая часть современников не были уверены в том, какую роль играет леди Конингам в жизни монарха, при дворе же, однако, существовало мнение, что влияние это, скорее, дест-руктивное. Она была на шесть лет младше короля, дочерью бога-того йоркширского банкира и уже в течение более четверти века женой англо-ирландца Маркуса Конингами. Современники шу-тили, что с тех пор как Елизавета Коннингам стала близка мо-нарху, ее супругу было суждено войти в анналы истории (во время визита монарха на север Маркус Конингам занимал долж-ность Лорда Стюарта Королевского Хозяйства).

При дворе сложилось две партии, одна из которых настаивала на немедленном начале подготовки визита монарха в Шотлан-дию, а сторонники другой, аргументируя слабым здоровьем коро-ля, говорили о необходимости отложить визит.

В Шотландию, написал В. Скотт, с каждой почтой приходят противоречивые сообщения. Вчера было объявлено, что визит Ге-орга готовится незамедлительно, сегодня – что он отложен. Одна-ко мало на севере нашлось бы людей, которые желали этого визи-та больше, чем сам В. Скотт. «Когда новость о королевском визи-те стала известна, – пишет Елизабет Грант, – вся страна словно сошла с ума, и все устремились в Эдинбург, чтобы увидеть его»³⁸.

Скотт был назначен Мастером Церемонии приема монарха, но это назначение, сделанное Лордом Провостом Эдинбурга, Вилья-

³⁸ *Prebble J. Op. cit. P. 79.*

мом Арбутнотом, было в определенной степени случайным, поскольку последний сильно нервничал из-за свалившейся на него необходимости организации визита.

Проскрипционный акт, последовавший сразу вслед за подавлением восстания 1745 г., как мы помним, предусматривал обязательство «никогда не использовать тартан, плед или другие части хайлендерской амуниции», и что если кто нарушит эту клятву, он может быть разлучен со своим народом и отправлен на войну как клятвопреступник. А теперь в ходе подготовки к приезду монарха была создана комиссия, в задачу которой входило составить полный комплект хайлендерской одежды для всей делегации, в том числе и для короля. В итоге костюмы обошлись в 1354 фунта, а Хайлендерское общество Эдинбурга объявило отныне своей целью защиту и «развитие использования древней хайлендерской одежды».

Визит был беспрецедентным случаем. В 1633 г. Чарльз I посетил Шотландию, но сложности во взаимоотношениях между церквями двух стран, а потом начавшаяся гражданская война сделали тот приезд и представления о нем скорее негативными. Чарльз II, возвратившись из изгнания, в 1650 г. тоже посетил Шотландию и символически был коронован на Камне Независимости, что положило конец гражданской войне. Но это были экстренные визиты, связанные с необходимостью решения конфликтных ситуаций. Предстоящий же приезд был совсем другого характера, а традиции и ритуала приема не существовало.

Был образован комитет по подготовке визита, одной из самых ярких фигур которого был Дэвид Стюарт Гарт – энтузиаст, собиратель фольклора и знаток хайлендерской истории и гэльской культуры. «Король едет! Люди и оружие – вот лучшее, что мы можем показать ему» – эти слова Скотта, обращенные к хайлендерским вождям в ходе подготовки визита, знаменовали новую эру в отношениях Лондона и Хайленда.

Королевские министры запрещали монарху путешествовать севернее Эдинбурга, и поэтому предполагалось, что все внимание будет сосредоточено на столице Шотландии, которая должна была явить Георгу новое лицо Северной Британии.

Вскоре после того, как стало известно о приезде короля, начались работы по реставрации Холирудского замка – древней резиденции шотландских королей. Работы велись под руководством Лейтенанта Бенджамина Стефенсона и королевского архитектора

Роберта Рэйда. Восстановления требовал не сам дворец, а парк вокруг него, дорога к нему и вообще окружающая замок местность. В этой связи старые здания вокруг Холируда были снесены, а на их месте Эдинбургской газовой компанией были установлены фонари, должны придать необходимое освещение. Большой Холл здания старого парламента на Хай Стрит, последнее заседание в котором ратифицировало Унию 1707 г., был отреставрирован и готов принять двести пятьдесят гостей одновременно. Зал был украшен картинами, привезенными из Холируда, и древним оружием горцев.

В Эдинбург съезжались представители магистратов городов Шотландии. «Эдинбургский наблюдатель» писала, что город «полон людей, способных незначительное сделать могущественным, и великое мелким»³⁹. Английские журналы слали на север своих представителей.

Визит начался 13 августа. На встречу королевской яхте «Royal George» был выслан баркас, в котором находились Роберт Пильт и Вальтер Скотт. Последний был явно не в форме. Во-первых, в течение нескольких последних дней он был измучен раздражавшей его сыпью, покрывшей все тело. К счастью, ее не было видно на лице и на руках, но килт он одеть не мог. А во-вторых, утром он получил известие о смерти его близкого еще школьного друга Вильяма Эрскина. Первыми словами Георга были: «Неужели! Сэр Вальтер Скотт! Шотландец, которого я более всего хочу видеть!»

20 августа четыреста пятьдесят семь женщин, пришедших поприветствовать монарха, заполнили королевскую гостиную. Согласно обычаю, каждую король должен был поцеловать в щеку.

В тот день «Скотсмен» написала, что короля теперь можно называть «Георг Патриотический», и, по мнению монарха, «теперь мы все якобиты». Своим визитом он поселил Империю в сердцах шотландцев, многие из которых все еще не верили в те блага, которые им сулило единение с Англией.

Была и другая сторона. Стольких вооруженных людей в тартанах как в начале двадцатых чисел августа 1822 г. Эдинбург не видел на протяжении трех четвертей столетия. Параллели с августом 1745 г. напрашивались сами собой. Тогда 19 августа

³⁹ *Prebble J. Op. cit. P. 206.*

1745 г. после нескольких удачных операций Чарльз Эдуард овладел Эдинбургом и расположился в Холирудском дворце. Английская армия под командованием генерала Коупа, упустив момент, который мог уже в конце лета 1745 г. положить конец якобитскому движению, расположилась в двадцати пяти милях от столицы Шотландии. Решающее сражение произошло 21 сентября у местечка Престонпанс, куда шотландская армия выдвинулась под покровом темноты из Эдинбурга. Пожалуй, это была самая громкая победа якобитов. Потери хайлендеров составили около двадцати человек убитыми и порядка пятидесяти ранеными, в то время как в рядах правительственных войск было убито триста-четырееста человек, включая пять или шесть офицеров, и ранено более пятсот солдат. Полторы тысячи ганноверских войск оказались в плену, совершив неудачную попытку побега при конвоировании в Эдинбург⁴⁰. Эти события вынудили Георга II срочно возвратиться из Ганновера и призвать с континента правительственные войска для отправки их на север. Вкупе с разногласиями среди восставших эти меры стали началом конца якобитского движения. В августе же 1822 г. Королевский парк, в котором провели несколько ночей хайлендеры между взятием Эдинбурга и сражением у Престонпанса в августе 1745 г., был украшен и сиял огнями фонарей в честь визита Георга IV.

Шотландия и ее культура больше угрожали Британии, иначе сложно объяснить, почему Георг IV был одет в экзотический для него шотландский килт, как и его приближенные, такие как, например, сэр Вильям Кертис, хотя, розовые панталоны последнего под килтом, скорее, портили эффект. Подобное уважительное отношение к культуре Хайленда было и неожиданным для шотландцев, и приятным.

В. Скотт сопровождал монарха во время его прогулки от Холирудского дворца до Эдинбургской крепости, давая свои комментарии, в то время как тысячи восторженных шотландцев приветствовали короля, высунувшись из окон домов, расположенных по обе стороны Хай Стрит.

«Его Величество теперь может быть доволен тем, что ему продемонстрировано: в Шотландии люди всех классов действитель-

⁴⁰ Roberts J.L. The Jacobite Wars. Scotland and Military Campaigns of 1715 and 1745. Edinb., 2002. P. 97–98.

но лояльны», – написала шотландская «Скотсмен» в один из дней визита⁴¹.

Вечером за ужином было произнесено 47 тостов – за британскую Конституцию и за Лорда Президента Судебной Сессии, за «наши странные отличия от Англии», за покойного лорда Нельсона, за Герцога Веллингтона (тост сопровождался музыкой «Посмотри на этого Героя Завоевателя»), за мистера Роберта Пиля, за город Лондон и сэра Вильяма Кертиса, в честь памяти мистера Питта, за автора Уэверли, за Вождя Вождей – Короля, за цветы города Эдинбурга, и опять за короля, но уже как барона Ренфрю, за здоровье графа Атолла и за Национальный. Атолл был тронут и в ответном тосте признался, что он считает себя шотландцем и по рождению, и по образу мыслей и искренне, и тепло любит Шотландию, при этом выразив надежду, что Национальный монумент, закладка камня в основание которого должна была состояться на следующий день, станет символом этой любви.

Задолго до того как был произнесен последний тост, король покинул банкет, сопровождаемый звуками музыки и хора. После его ухода Аласдар Ранолдсон Макдоннел Гленгари, одной ногой стоя в своем кресле, другой – на столе, украшенном в хайлендерском стиле, произнес тост на гэльском – за здоровье Его Величества – Короля Островов. Он вызвался произнести тост сам, в нарушение протокола, но речь была встречена с энтузиазмом и восторгом.

Королевский визит Георга IV был не просто политическим шагом, и он не мог не оставить следов. После его завершения Шотландия не была уже прежней провинцией Британии, «бедной, старой матроной в лохмотьях». Шотландцы почувствовали свою значимость для империи, и то, что отныне их культура не будет подвергаться истреблению, а история – осмеянию. Они гордятся за свое великое прошлое, но это прошлое в соответствии с положением, которое занимала Шотландия, нуждалось в переосмыслении.

⁴¹ *Prebble J. Op. cit. P. 223.*

Шотландское историописание первой половины XIX в.: в поисках нового прошлого

ХIX в. стал эрой хайлендизма и тартанизма, романтизации шотландского прошлого, воспевания сельской жизни и одновременно гордости Шотландии своим местом в Британской империи. Инициатива всего этого исходила от нового коммерческого среднего класса, который был исключен из системы традиционных шотландских институтов, находившихся под патронажем аристократии. Поэтому неудивительно, что воскрешение шотландской культуры в этих условиях происходило в форме развития интереса к прошлому, который реализовывался в самых разных формах, начиная от строительства нового здания архива и заканчивая так называемой «эпохой клубов». Особая страница возрождения интереса к гэльской культуре связана с так называемой «оссиановской полемикой».

Макферсон олицетворяет собой тот живейший интерес к гэльской культуре, который был характерен для Шотландии, потерпевшей поражение в политическом и военном противостоянии с Англией.

Зарождение систематического интереса к кельтской проблематике относится к самому началу XVIII в. – времени, когда волна англазации все более охватывала Шотландию. В начале XVIII в. Эдвард Лхуид, музейный хранитель из Оксфорда, издал свою «Британскую археологию», в которой предпринял попытку сравнительного изучения кельтского языка и народа. Однако труд остался незамеченным, а поистине бесценное собрание гэльских материалов, фольклора, филологического материала, большая часть которого была собрана на севере Шотландии, была утеряна.

Затем в 1724–1737 гг. в четырех объемных томах вышел сборник традиционных гэльских песен и баллад, собранных и обработанных Аланом Рамсеем, который в предисловии к первому тому говорит о том, что, когда добрые старые барды создавали свои песни, шотландский народ еще не использовал импортной одежды и иностранной вышивки. Поэзия этих певцов была продуктом их собственной земли, который не подвергся иностранной обработке. Образы этих песен являются родными, списанными с наших полей и лугов, которые мы видим каждый день...

Конфликт «родного» и «импортного», пожалуй, впервые в столь острой форме появился именно у Рамсея, а затем вдохновил и Макферсона.

Джеймс Макферсон родился в 1736 г. в Шотландии в семье фермера из горского клана, счастливо избежавшего Каллодена. Отец Джеймса хотел, чтобы тот стал священником. Получив соответствующее образование, Макферсон несколько лет работал учителем в родной деревне, а затем был приглашен домашним учителем в семейство Грегата. В этом доме он познакомился со многими известными людьми, в частности с Карлейлем и Фергюссоном, которые поддерживали молодого человека в его увлечении поэзией.

Первое поэтическое произведение Макферсона появилось в 1758 г. под названием «Горец». Это была героическая поэма в шести песнях, которая, однако, не имела особого успеха. Тогда с одобрения Карлейля и Фергюссона он опубликовал в 1760 г. отрывки из древних стихотворений, собранные им в поездках по Шотландии и переведенные с гэльского языка. Вскоре была организована подписка на сборник, чтобы обеспечить поэту повторную экспедицию в горы Шотландии для продолжения работы. Результатом этого путешествия стали эпическая поэма в шести песнях «Фингала», вышедшая в 1762 г., и «Темора» – поэма в 8-и книгах, опубликованная в 1767 г.

Через год поэт объединил три предыдущие издания, и в 1768 г. вышли «Сочинения Оссиана, сына Фингала». Оссиан – древний легендарный герой и бард III в., который выживает после падения Фианы и рассказывает о ее героической культуре и прошлом. Фионн – главный герой произведения – приходит на помощь своему народу в момент необходимости.

Успех поэм был огромный, поскольку многие шотландцы сочли поэмы литературной обработкой старинных горских шотлан-

дских песен. Но некоторые ученые усомнились в подлинности песен, и на Макферсона посыпались упреки и обвинения в подделке. И лишь после смерти было установлено, что Макферсон в своих так называемых «переводах» древних шотландских песен на самом деле многое написал сам, пользуясь существовавшими остатками и отрывками древних баллад и других произведений, в частности Библии.

Разгорелась целая дискуссия, в ходе которой горцы, оскорбленные тем, что за ними не желают признать права на создание собственного эпоса, всячески встали на защиту Макферсона. Зазвучали голоса, что критика Макферсона – это критика всей гэльской цивилизации, и в итоге был создан комитет для исследования аутентичности «Поэм Оссиана», в состав которого вошли многие видные шотландцы, в том числе и В. Скотт, признавший существование поэм Оссиана весьма спорным фактом.

Что является бесспорным, так это повсеместный интерес в Шотландии к своему прошлому, на основании которого многие шотландцы пытались объяснить реалии современной им действительности. В итоге аналогии между Фионном и Стюартами становились вполне очевидны, поэтому с полным основанием можно утверждать, что Макферсона породил якобитизм XVIII в. и его мифические конструкции⁴².

Макферсоновское представление о древней Шотландии происходит из антикварианизма, но это переработанное представление, которое отличается от патриотических призывных якобитских песен. С высоты шотландского Просвещения Макферсон действительно являлся идеологом примитивизма, но такого примитивизма, который способствовал открытию гэльской культуры цивилизованной Европе. В 1763 г. «Оссиан» был переведен на итальянский, 1764 г. – на немецкий, 1774 г. – на французский. Макферсон приобрел популярность и власть благодаря поэмам – из бедного неизвестного приходского школьного учителя в конце 1750-х г. он стал хайлендерским лэрдом и в 1780 г. был выбран в парламент. Его карьера, таким образом, была обусловлена представлением того, что считалось «шотландскостью».

Удивительно, но центром шотландской романтической революции, основу которой заложил В. Скотт, был не романтический

⁴² Pittock M. Op. cit. P. 76.

Старый город Эдинбурга, который хранил историю борьбы против унии, а классические улицы и площади Нового города. В. Скотт писал свои новеллы в квартире, расположенной на Касл Стрит – улице, обрамляющей Замок – сердце Старого города. Подобно этому сердце шотландского прошлого находилось в суровых геометрических пропорциях Дома Записей, первого здания, воздвигнутого в классическом Новом городе.

Это здание было задумано как хранилище национального архива, включающего не только государственные документы, такие как королевские грамоты, парламентские записи и указы, но также и правовые документы, подобные сотням свидетельств, подтверждающим, например, движение земельной собственности. Немало документов относилось и к истории Хайленда. На протяжении многих столетий все эти бумаги хранились, оберегая память шотландского прошлого. Накануне кромвелевского вторжения в Эдинбург многие архивные документы были перевезены из хранилища в Стирлингский замок для обеспечения сохранности, которую не могла гарантировать столица, подвергшаяся английскому завоеванию. Но когда Стирлинг был взят войсками Кромвеля, большая часть архивов, олицетворявших шотландское прошлое, была переправлена в Лондон, а некоторые бумаги разошлись по частным коллекциям. Записи Тайной Печати исчезли где-то в Хайленде и были восстановлены национальным архивом только в 1707 г. В 1660 г. восемьдесят пять томов грамот погибли в море во время возвращения их из Лондона в Шотландию, и в 1662 г. шотландский парламент приказал перевести Записи Судебной Сессии в Здание заседаний парламента. В Эдинбургской крепости осталась только часть парламентских документов, материалы Большой Печати и другие бумаги, связанные с деятельностью короны и правительства. Но позже даже эти документы были переведены в парламентское здание, что вскоре стало настоящей проблемой. Многие акты хранились на территории Старого города, часть из них – в домах, квартиры которых сдавались в наем, и исторические реликвии часто были отделены лишь деревянной перегородкой от жилых помещений. Другие хранилища вообще представляли собой «часть кухни, в которой жила семья и вода часто попадала на документы». Еще одна часть коллекции хранилась в Старом Колледже – здании, мало приспособленном для хранения исторических реликвий. Но даже документы, хранившиеся в парламенте, постоянно подвер-

гались риску, поскольку здание было очень старым, постепенно уходило под землю, в холод стены его постоянно были влажными, а летом ему угрожали пожары.

Было очевидно, что необходимо новое хранилище для государственного архива. И в самом начале 1722 г. городской Совет Эдинбурга инициировал Акт парламента, согласно которому каждая пинта пива и эля облагалась дополнительными двумя пенсами, должными пойти на нужды «строительства Здания или удобного помещения для хранения Записей, находящихся в ведении Лорда Клерка Регистраций Записей Шотландии». Правда, подобный источник поступления денег оказался ненадежным. И после восстания 1745 г. был найден новый – деньги стали поступать от конфискованных поместий участников якобитского движения. Это была по истине символическая трансформация, когда последствия политического протеста были направлены на воссоздание и сохранение культуры, которую отстаивали бунтовщики. Курировал строительство сам Лорд Клерк Регистрации, которым в 1768 г. был назначен лорд Фредерик Кемпбелл, сын четвертого графа Аргайла. Работы были закончены в 1788 г., и это было первое в Британии каменное здание, которое строилось специально для хранения архива. Перевоз документов в него завершился к 1791 г.

Рос и статус Лорда Клерка Регистрации. Он был ответственен за все письменные документы, исходящие от королевского имени, а также являлся хранителем важнейших государственных бумаг. В подчинении Кемпбелла находились Александр и Уильям Робертсоны, а с 1780-х гг. и два сына Уильяма. Но Лорд Клерк был не только ответственен за хранение документов, он еще стремился и к тому, чтобы опубликовать некоторые из них. Офис его, открытый впервые в 1707 г., находился в Эдинбургской крепости, и там он проводил работу по отысканию ранних парламентских записей Шотландии. Часть материалов была найдена в Лондоне и перевезена в Эдинбург. На поиск новых бумаг были направлены братья Робертсоны, которыми были найдены интересные источники, однако вставал вопрос о финансовой поддержке их публикации. В 1799 г. было достигнуто соглашение о том, что общество писателей будет финансировать публикацию записей Шотландского парламента и Тайного Совета. Но в последующие годы издание этих документов перешло в ведение только что возникшей комиссии Записей, в основании которой принимала участие королевская семья. Традиции поддержки издания ис-

торических публикаций короной восходит еще к правлению Марии Шотландской, когда впервые опубликовали первое издание парламентских актов. Было достигнуто соглашение, что первая серия будет состоять из пятнадцати томов. Первый том Парламентских записей Шотландии под редакцией Вильяма Робертсона и его сыновей был подготовлен в 1803 г. Но комиссия Записей, по поручению которой адвокат Томас Томсон составил отчет о содержании и качестве информации, считала, что необходима переработка издания и на это ушло еще несколько лет. За это время умер Уильям Робертсон, чья вдова считала, что это работа над томом убила его и одного из их сыновей. Однако, несмотря на критические замечания, Томсон считал, что работа над изданием должна продолжаться, и в 1806 г. он был назначен новым Обязанным Клерком Регистрации.

Томас Томпсон родился в 1768 г. в Айршире. В возрасте 14 лет он поступил в университет Глазго, готовя себя к карьере священника. Однако обучение в университете, общение с товарищами и спрос в Шотландии на юридические профессии привели его к мысли избрать сферой деятельности юриспруденцию. После окончания университета, он временно получил пост секретаря историка-юриста. Будучи знакомым с лордом Хайлисом, он заинтересовался феодальным шотландским правом и его источниками, что делало необходимым знакомство с оригинальными документами. Именно тогда Томпсон впервые встретился со Скоттом, с которым они вместе стали изучать немецкий язык, для того чтобы читать немецких романтических поэтов.

Тогда впервые он стал собирать и правовые документы, выискивая их в архивах. Много важных источников, включая коллекцию средневековых шотландских законов, было открыто в Берне в 1814 г., аналогичное собрание было привезено школьным учителем из Айра в 1824 г. Еще одним источником документов стали частные архивы шотландских юристов. Так начала формироваться коллекция шотландских правовых источников.

Но тут появилась новая проблема. Оказалось, что в Шотландии нет ни одного специалиста, который мог бы провести экспертизу подлинности документов. Тогда из Англии была привезена некая леди – мисс Уэйр, которая на протяжении трех или четырех лет работала с документами по своей собственной методике. Многие из томов были отвергнуты как фальшивые. В частности, Регистр Большой печати, привезенный из России и предлагае-

мый за крайне высокую цену, был признан фальшивым, хотя кожа его переплета была специально состарена и повреждена. В период между 1807 и 1816 гг. из двенадцати тысяч томов, хранящихся в Доме Записей, шесть с половиной тысяч были признаны подделками, не говоря уже о том, что было обнаружено около тридцати тысяч интерполяций.

Еще одно направление работы Томсона заключалось в обеспечении доступа к этим материалам. Был составлен каталог источников и в 1830 г. было открыто специальное помещение, где с ними можно было работать. Правда, доступ был открыт лишь к очень ограниченному числу документов, большая же часть документов была закрыта. И только в 1847 г. уже после Томсона доступ к архивам был значительно расширен, и в 1848 г. с ними работали десять исследователей.

Продолжалась работа и по изданию источников, наибольшей заслугой которой стала публикация парламентских актов Шотландии. Правда, из-за финансовых сложностей с изданием Томпсону пришлось приостановить работу. И хотя в последующие годы его друг и ученик Космо Иннес предлагал вернуться к продолжению работы, Томас Томпсон наложил табу на подобные разговоры, считая, что это перевернутая страница его жизни. Последние годы жизни он провел со своей женой в своей квартире на Джордж Стрит, навещаемый друзьями историками и антиквариатами. Умер Томпсон в 1852 г. в возрасте 82 лет.

В январе 1823 г. В. Скотт написал своему другу Роберту Питскару: «Я долго думал, что подобие общества библиоманов может быть создано у нас для обсуждения издаваемых работ. Несколько человек, как я думаю, могли бы стать его членами, и этого достаточно. Что ты думаешь по этому поводу?»⁴³.

«Общество библиоманов» стало Баннатайн клубом – первым и наиболее примечательным объединением антиквариатов, которое издавало исторические материалы. Таким образом, была заложена основа слияния антикварной и издательской деятельности.

На волне романтизации шотландского прошлого растет и количество людей, занимающихся коллекционированием книг – направлением, антикварной деятельности приобретшим особую моду. В 1809 г. Томас Дибдин издает книгу о книжных коллекциях

⁴³ Ash M. Op. cit. P. 59.

«Библиомания», выход которой стал результатом возросшего интереса к средневековой истории. Вместе с повальным увлечением коллекционированием книг, растет и цена на них. Так, герцог Роксбурн купил редчайший экземпляр «Декамерона» Боккаччо издания 1471 г. за сто фунтов стерлингов⁴⁴. Для сравнения, годовое содержание Обязанного Клерка Регистрации, которое получал Томсон составляло пятьсот фунтов в год, а зарплата члена королевского совета Казначейства составляла сто пятьдесят фунтов в год.

Однажды вечером Дибдин и еще несколько человек встретились в таверне Святого Албана, чтобы поговорить о ценах на книги. Среди присутствовавших находился и лорд Спенсер, которому не удалось перекупить Боккаччо. Именно он высказал предложение о создании клуба, где за ужином можно было бы обсуждать книжные вопросы. Члены клуба могли также издавать книги под клубной маркой, а расходы шли из средств клуба или за счет спонсора. Изначально членство в клубе было ограничено восемнадцатью человеками, но потом он был расширен до тридцати одного. Роксбурн клуб стал одним из сообществ, на долю которых выпало издание множества редких книг. Скотт в 1823 г. тоже стал членом клуба. Тридцать один член клуба вносил взносы по четыре гинеи ежегодно, которые шли на публикации. Каждый член клуба получал по две копии каждой книги. Был еще экстренный экземпляр, который хранился у президента. В некоторых случаях издавались дополнительные экземпляры, например, для продажи.

Образовалось ядро клуба в составе Скотта, Кобурна, Джона Клерка, Вильяма Адама, Патрика Фрезера Тайтлера и Джеймса Балантайна. Так был создан «Баннатайн клуб». В 1827 г. количество его членов достигло ста человек, среди которых было много вигов. Клуб выпустил сорок три тома, что составляло треть всей выпускаемой клубной продукции Шотландии. Новое направление развития клуба придало издание «Криминальных записей» Роберта Питскарна, решение о котором было принято 19 ноября 1827 г.

Среди многочисленных других клубов выделяется, например, «Мэйтланд Клуб», основанный в Глазго и включавший в основном юристов. Еще один «Айона клуб», основанный в 1833 г.,

⁴⁴ Ash M. Op. cit. P. 60.

своей целью ставил изучение и издание материалов, касающихся отдельных частей Шотландии и, главным образом, Хайленда – его «истории, древностей и литературы, обычаев, характера его обитателей»⁴⁵. Клуб был основан У. Скене, сыном Дж. Скене, который был близким другом В. Скотта.

В конце 30-х гг. появляется новая тенденция в развитии шотландского клубного движения, начало которой положило создание в Абердине «Камден клуба» в 1838 г. и «Спалдинг клуба» в 1839 г. Началась эра массовых клубов. В первый же год количество членов «Камден клуба» достигло тысячи человек, членство в «Спалдинг клубе» было ограничено сначала тремястами, потом – пятьюстами человеками. Взнос составлял всего один фунт в год. Около 70 % членов клуба были местными жителями, другие приезжали в Абердин, часто из Ливерпуля. Публикации оплачивались из клубных денег, но иногда были отдельные спонсоры, например, президент «Спалдинг Клуба», граф Абердин, неоднократно выступал в качестве спонсора. Среди изданий клуба значительное место занимали источники по истории города Абердина, что стало показателем развития «локального патриотизма», которому были чужды социальные рамки – среди членов клуба были, как знать и джентри, составлявшие 30 %, профессионалы и торговцы – 49 %, так и владельца мануфактур, книготорговцы, горожане – 21 %⁴⁶.

Следующим этапом развития клубного движения стало появление религиозных клубов. В 1841 г. был создан пресвитерианский клуб – Уодроу Общество «для переиздания или публикации лучших работ реформаторов, отцов и ранних авторов шотландской церкви»⁴⁷. Членство в нем было не ограничено, и вновь вступавшие в поручительство не нуждались. Взнос составлял всего один фунт и к концу первого года в состав клуба входило две тысячи членов – студентов, музыкантов, книготорговцев.

По иронии судьбы первое заседание еще одного клуба епископального – «Споттисвуд клуб», который намеревался публиковать работы епископов латинской церкви – состоялось спустя лишь несколько недель после церковного раскола.

⁴⁵ *Collectanea de Rebus Albanicis* / Ed. by Iona club. Edinb., 1889.

⁴⁶ *Ash M.* Op. cit. P. 82.

⁴⁷ *Lows and lists of the members of the Wodrow Society instituted May 1841.* Edinb., 1842.

В середине века стал очевиден кризис клубного движение – старейший «Баннатайн клуб» стал разваливаться после смерти его президента лорда Кобурна, которому никто не наследовал. Количество членов общества падало и последняя встреча клуба состоялась в 1861 г. в апартаментах общества древностей Королевской Шотландской Академии. Дэвид Лайн, который вел заседание, произнес речь, напоминавшую элегию историческому клубному движению.

В июле того же 1823 г., когда было положено начало клубному движению, Патрик Фрейзер Тайтлер и Александр Прингл Уайтбанк гостили в графстве Роксбурн, в доме у В. Скотта. Оба были близкими друзьями писателя. За ужином хозяин предложил Тайтлеру взяться за написание истории Шотландии, необходимость которой не давала покоя Скотту уже в течение нескольких лет. В 1816 г. он сам составил обзор бумаг Каллодена для «Квартального обозрения», которое, как он планировал, станет частью введения для общей истории Шотландии, основанной на материалах, создаваемых писателем для своих детей. Друзья и коллеги Скотта по-разному относились к этой идее, особенно, когда работа была уже в стадии завершения. Томсон писал Фрэнсису Хорнеру: «Вальтер Скотт согласился написать популярную историю Шотландии с ранних времен до 1745 г. в четырех или пяти томах и завершить работу к следующему рождеству. Это будет очень забавная книга. Не сомневаюсь, в ней будет множество ошибок и неверных толкований..., но я также не сомневаюсь, что эта книга станет любимой книгой этого столетия в Шотландии, несмотря на то, что она, не будучи собственно хорошей историей, прославится, как коллекция замечательных картинок и характеров с незначительной их связью с [реальным] историческим контекстом»⁴⁸. В ответ Хорнер писал, что, несмотря на абсурдность предполагаемой книги, Скотт окажет огромную услугу своей Родине, поскольку этим проектом он свяжет людей и страну⁴⁹. Однако намерения Скотта были куда серьезнее, чем создать просто коллекцию занимательных рассказов. С этим предложением, обещая всяческую поддержку и содействие, он и обратился к Тайтлеру, поскольку к 1823 г. ему казалось, что он не осилит подобный проект.

⁴⁸ Memoir of Thomas Thomson. Edinb., 1854. P. 155–156.

⁴⁹ Ibid. P. 156.

Тайтлер был сыном Александра Фрейзера Тайтлера и внуком Вильяма Тайтлера – одного из апологетов Марии Шотландской. Патрику был всего лишь год, когда в сентябре 1792 г. умер его знаменитый дед, однако влияние его оказалось решающим на формирование его взглядов. Первый литературный опыт Александра относится к 1814 г., когда он побывал в Париже и, увидев этот город – сердце наполеоновской власти, увидев таких деятелей, как Веллингтон и Луи XVIII, был вдохновлен и начал вести дневник, который затем опубликовал в 1816 г.

Его первым историческим сочинением, так никогда не опубликованным, стало исследование феодального шотландского права – работа, которую он начал, еще будучи студентом, в 1811 г. и завершил в 1817 г. и в которой отчетливо проявляется интерес, подобный раннему интересу Скотта к феодальному праву. Особенностью сочинения является релятивистский взгляд на природу феодализма, заимствованный, очевидно, из работ Монтескье и шотландских социальных философов.

Зарождение систематического интереса к истории Шотландии у Тайтлера относится к 20-м годам XIX в., когда его внимание было сосредоточено на сборе материалов, связанных с жизнью Вильяма Уоллеса и литературной жизни Шотландии. Когда был основан «Баннатин Клуб», Тайтлер, очень обходительный, вежливый, а в компании незаменимый человек, стал одним из его основателей.

Он женился в 1826 г., и женитьба окончательно сформировала в нем историка. И не только потому, что он был счастлив в семейной жизни, несмотря на слабое здоровье жены, которая, обеспечив семейный уют, создала основу для формирования концепции будущей истории. Но и потому, что брак обеспечил Тайтлеру финансовую независимость – Тайтлеры купили дом на Мелвилл Стрит, где и увидел свет первый том «Истории Шотландии». Работая чрезвычайно методически, он постоянно держал материалы книги у себя на столе, хотя писать он предпочитал, стоя за высоким столом, покрытым скатертью. Сбор материала для первого тома он закончил зимой 1825 г., накануне женитьбы, а второй том был готов уже в 1829 г. Именно в первом томе, как думается, содержится основная идея всей «Истории». «Я начал историю Шотландии с правления Александра III, потому что именно в этот период появляются национальные анналы, материал которых может быть интересен массовому читателю. В период правления этого монар-

ха, Англия впервые предприняла попытку вторжения в пределы своей сестры-соседки... При подготовке настоящей работы я использовал соответствующие источники информации, которые открывают читателю истинную картину истории без прикрас и купюр». Но несколькими строками ниже он говорит, что сохраняет авторское право на трактовку событий и надеется, что читатели не будут его упрекать за это⁵⁰. Первые два тома включали период древнего шотландского королевства вплоть до Дэвида II. Скотт пишет рецензию, в которой упрекает Тайтлера в излишней приверженности к идеям его предшественников, и, в частности лорда Хайлиса, чьи мысли в значительной степени заимствовал Тайтлер, пытавшийся дополнить и завершить некоторые сюжеты, оставленные вигом – Хайлисом. Сам Скотт, финансовое положение которого было крайне скудным, в 1829 г. все же выпускает свою «Историю Шотландии», в ответ на которую Тайтлер пишет рецензию и говорит о недостаточно критичном отношении Скотта, который «не посчитал необходимым проверять документы, которые он использовал», к источникам.

Как бы то ни было, тайтлеровский ответ Скотту означал поворотную точку в его жизни, и следующие несколько лет оказались для него крайне сложными и несчастливыми. Постоянным стремлением и тем, что скрашивало его существование, стало желание скорее закончить «мою историю» – личный лейтмотив для Тайтлера стал одним из двигателей его работы, ради завершения которой он пожертвовал многими вещами, и, в конце концов, даже своим здоровьем. После публикации первого тома он оставил юридическую практику, в 1830 г. лишился поста члена коллегии казначейства, который приносил доход пятьсот фунтов годовых. Со временем стало очевидно – для того чтобы написать следующий том об истории XVI в. необходимо ехать в Лондон и работать в Государственном хранилище бумаг. Первое путешествие туда он совершил в 1830 г., и благодаря лорду Мелвиллу получил доступ к документам. Однако это путешествие было полезно еще и тем, что Тайтлер готовился стать следующим королевским историографом Шотландии. Его предшественнику Джеймсу Гиллису было уже далеко за восемьдесят, и место вскоре должно было стать вакантным. Гиллис, правда, многих

⁵⁰ Tytler P.F. History of Scotland. Edinb., 1845.

удивил тем, что прожил до 1836 г. В этот период виги находились у власти, и назначение Тайтлера было очень проблематичным, к тому же положение осложнялось тем, что Лорд Адвокат Шотландии был против таких кадровых решений. И в итоге политическая конъюнктура привела к тому, на этот пост был назначен Джордж Броди, которому была «заказана» История Британской империи от правления Чарльза I⁵¹.

Но и с потерей поста неприятности не закончились, поскольку из-за слабого здоровья жены Тайтлерам посоветовали перебраться на юг Англии. Им пришлось продать дом в Эдинбурге и 1832 г. совершить переезд в Англию, где они пробыли всего два года. По дороге туда их настигло известие о смерти Скотта. Это путешествие к границе, стало не только приближением к Англии, но и удалением из Шотландии, которую Тайтлер так любил в молодости. Когда он попытался продолжить работу с документами в Англии, оказалось, что допуск, дарованный некогда тори, теперь для него закрыт. Он начал работать с архивами лорда Мельбурна, но исследование привело его к выводу о смерти той Шотландии, историю которой он так мечтал написать.

Проблема, с которой постоянно сталкивался Тайтлер, заключалась в сложности получения доступа к источникам, что означало угрозу его «Истории». Между тем он был убежден, что историю можно писать только по оригинальным документам. Он теперь работал над периодом Джеймса V, Марии и Джеймса VI, что, по его мнению, было наиболее важной и сложной частью исследования, и здесь как никогда важны были оригинальные источники.

В июле 1840 г. был опубликован седьмой том «Истории», который встретил разнообразные отклики. В частности, шотландское «Квартальное обозрение», которое редактировал зять Скотта, написало, что «История» на долгое время станет стандартом шотландского историописания, а «Реформаторская газета» Глазго назвала работу «гораздо более, чем просто важная историческая работа нашей страны и нашего времени» и позже рекомендовала ее «каждому шотландцу, которому небезынтересна история его страны»⁵².

Первая атака на исследование пришла со стороны евангелистской газеты «Очевидец», автор статьи Томас Маккри, сын биогра-

⁵¹ Ash M. Op. cit. P. 106.

⁵² Ibid. P. 116.

фа Джона Нокса, обрушился на Тайтлера с критикой за сюжет, посвященный родоначальнику шотландской реформации, где Тайтлер приводил свидетельства в пользу участия Нокса в заговоре и убийстве Риццо. Надо сказать, что Тайтлер, когда писал этот сюжет, сам прекрасно понимал, что это динамит, способный взорвать общественное мнение и в особенности религиозные круги. Обвиняя Тайтлера в недоказательности, Маккри писал, что имя Нокса было внесено в список подозреваемых лишь на том основании, что тот вынужден был спастись бегством из Эдинбурга после убийства Риццо. Тайтлер же, сам заметивший, что не получил доступа к государственным бумагам, не имел права столь категорически утверждать о причастности религиозного реформатора к убийству – замечание, для которого были все основания.

Аналогичная атака последовала и со стороны ряда других изданий, и Тайтлер был вынужден отвечать, что он вовсе не претендует на умаление заслуг столь великого и уважаемого реформатора. Но именно это «уважение» было, возможно, одним из факторов нападков, поскольку начало 40-х гг. ознаменовалось не только приближением завершения «десятилетнего противостояния», но и католической эмансипацией в Шотландии. Это, одновременно, было также время, когда стали появляться первые ростки шотландского национализма, активно разыгрывающего «религиозную карту». Все это требовало неимоверной осторожности в трактовках и оценках, поскольку тайтлеровская «правдивая» и «настоящая» история затрагивала интересы слишком большого и разнообразного круга людей.

Как бы то ни было, в конце 1843 г. работа была близка к завершению. «Мне осталось только убить Елизавету и посадить доброго Короля Джеймса на трон старой леди и завершить... Историю вообще». Сестра Тайтлера записала в своем дневнике: «Вчера вечером [25 октября 1843 г.] мой брат закончил свою историю Шотландии. За чаем он выглядел излишне задумчивым и забыл попросить свою обычную третью чашку чая. Затем отправился в библиотеку и стоял за своим высоким столом в течение некоторого времени и потом, вернувшись в столовую, сообщил об окончании книги»⁵³.

Тайтлеровская «История Шотландии» стала одним из примеров того, как в условиях потери независимости политической

⁵³ *Burton J.W. The Portrait of a Christian Gentleman, a memoir of Patrick Fraser Tytler. L., 1859. P. 324.*

делались попытки отстоять независимость культурную, или, иными словами, сформировать новую идентичность. Причем сложность для Тайтлера заключалась в том, что он, в отличие от Скотта, жил в то время, когда впервые в Шотландии стал зарождаться национализм нового толка – то движение, которое мы сегодня чаще именуем политическим национализмом. Здесь нет смысла говорить и спорить о дефинициях и истоках так называемого «политического национализма», а также о его отличиях от «культурного национализма», стоит лишь отметить, что именно 40-е годы XIX в. были отмечены всплеском националистических настроений в Шотландии, что, безусловно, связано с церковным расколом 1843 г.

Интересно, что впервые этот «новый» национализм заявил о себе именно в связи с «Историей» Тайтлера, когда в форме памфлета в 1846 г. был опубликован отзыв на исследование, подписанный Джоном Стиллом. Автор – один из первых «романтических» националистов, лидер Молодой Ирландии и, пожалуй, единственный в тот период столь радикально антиюнионистски настроенный общественный деятель, рассматривая англо-шотландские отношения как постоянный прессинг со стороны южной соседки, которая «уничтожала шотландских сынов и дочерей направо и налево». В этой связи Стилл обвиняет Тайтлера в «холодном кровавом безразличии» в судьбе своей Родины⁵⁴. Надо сказать, что хотя рецензент и занимает особое место в шотландском националистическом движении, в проявлении своих чувств он был далеко не одинок. Середина XIX столетия – это время новой активной английской ассимиляции, связанной с волной промышленного переворота, охватившего Шотландию. В этих условиях многие шотландцы, искренне переживая за свое прошлое и под угрозой его потери, обвиняли своих политиков в недостаточно активном отстаивании народной культуры и выступали за сохранение шотландского прошлого и шотландской идентичности. Блестящий пример этого – Общество Антиквариев.

Ранние страницы истории этого общества связаны с постоянными финансовыми и административными барьерами. Антикварный музей, положивший начало обществу, начал функционировать еще в 1781 г. и существовал на пожертвования, которые

⁵⁴ *Steill J.P.F.* Tytler called to account for his misrepresentations of the life and character of Sir William Wallace. Edinb, 1846. P. 3–4.

сделали возможным выставить коллекцию вещей бронзового века из озера Даддингстон. После смерти первого хранителя этой коллекции ее судьба была крайне неопределенна до тех пор, пока она не перешла в руки Дэвида Лэйнга, который, стремясь разрешить финансовые сложности, выступил с идеей придать ей форму не просто музея Общества Антиквариев, а Национального Института. В течение следующих десяти лет шла борьба с правительством за придание нового статуса музею, и лишь 12 мая 1851 г. правительство учредило Археологический музей Шотландии, который в будущем станет Национальным музеем древностей Шотландии.

50-е годы XIX в. – это уже принципиально новый период шотландской истории, поставивший и новые проблемы, связанные с завершением промышленного переворота, изменениями в структуре производства и новыми социокультурными условиями, в которых одни по-прежнему призывали вернуться в «Золотой век» шотландской государственности, а другие – обратиться к решению новых социальных проблем. «Мы... живем памятью прошлого, – говорит Джеймс Бегг, священник, настаивающий на расширении образования, – и это прошлое сыграет с нами злую шутку».

Уже в начале 50-х годов существовало два направления шотландского национализма – практическое, реформаторское, и романтическое. В рамках первого в 1853 г. была создана Национальная Ассоциация за отстаивание шотландских прав, пользующаяся авторитетом у многих слоев населения Шотландии, за исключением сторонников партии вигов. И хотя членство в Ассоциации не давало практических выгод и преимуществ, одним из самых значительных ее достижений стало инициирование строительства символа шотландского освободительного движения – монумента Уоллесу в аббатстве Крэйг. К моменту, когда монумент был готов, в 1869 г., националистическое движение раскололось окончательно – романтические якобиты были более яркими, характерными и впечатляющими сторонниками возвращения к ушедшей культуре, а националистические прагматики – были более успешны в политике, что и выразилось в создании Шотландского офиса в 1885 г.

История как фактор формирования идентичности уходила в прошлое, вместе с ней наступил закат и эпохи клубов, антикварного движения и всего того, что было принято ассоциировать с шотландскими древностями. В школах, например, история преподавалась в зависимости от личных интересов учителей или мест-

ных школьных управлений. Парадокс, но романтическая революция, инициированная В. Скоттом, оказалась теснейшим образом связана с насущными проблемами, в том числе и социальными, XIX в. Шотландцы адаптировали его идеи в обычных терминах освобождения и свободы, коими стали и реформация, и уния, и церковный раскол, а теперь еще и смерть шотландской истории.

Линдси Паттерсон, опубликовавший свою «Автономию современной Шотландии» в 1994 г., на одной из первых страниц ставит риторический вопрос о том, сколько же раз погибала шотландская история?

В день подписания унии граф Шефилд, один из лидеров национального движения, сказал знаменитые слова, что уния означает «конец старой песни»⁵⁵. Если это было и так, то последующие поколения борцов за национальную независимость не могли в это поверить. Уже в середине XVIII в. Александр Карлейль, пресвитерианский священник и один из интеллектуальных лидеров шотландского Просвещения, говорит, что если шотландцы не смогут защитить от Лондона право на собственную милицию, то нация станет провинцией и будет завоевана Англией⁵⁶. Но слухи о смерти Шотландии и в этот раз оказались сильно преувеличены, поскольку в 1792 г. Бернс опять прощается с «шотландской молвой», «древней славой», с «именем Шотландия». И, наконец, уже в 20–30-х годах XIX в. Скотт вновь расставался со своей родной Шотландией, с ее былой славой. На этот раз поводом стал запрет на печатание собственных бумажных денег.

Все это еще и еще раз свидетельствует, что прошлое лишь использовалось в качестве мифа, который должен способствовать созданию новой идентичности в изменившихся условиях. Сама же история предстает лишь как одна их форм этой идентичности. Однако мифы и факты – это разные плоскости человеческого сознания, и поэтому первые не просто не исчезали в столкновении со вторыми, но как бы имели свою собственную жизнь, отвечая чаяниям и представлениям о себе не только хайлендеров, но и всех шотландцев.

Со второй половины XIX в. шотландская историческая школа продолжала существовать, но не как центральный фактор

⁵⁵ Scott P.H. 1707: the Union of Scotland and England. Edinb., 1979. P. 65.

⁵⁶ Sher R.B. Church and University in the Scottish Enlightenment. Edinb., 1985. P. 226.

национальной жизни. На первый план выходили уже более зримые компоненты идентичности.

Символы Глазго и Эдинбурга – двух самых значимых городов Шотландии – занимают разное место в процессе развития национальной идентичности, соответственно разной роли этих городов в истории Шотландии. Некоторые утверждают, что Глазго – это более шотландский город, нежели Эдинбург, но как бы то ни было, Эдинбург содержит гораздо больше символики национализма, позволяющей в стереотипах сознания связать Эдинбург и шотландский национализм в целом.

Глазго же в гораздо большей степени выглядит как «кельтский город», большая часть населения которого прибыла туда в период индустриальной революции XIX в. из сельских районов шотландских гор и Ирландии, чьи жители говорили на гэльском диалекте. В Глазго и сегодня существует стереотип полицейского как здоровяка, спустившегося с гор с синяком под глазом.

Эдинбург же не испытал на себе в такой степени значимого влияния гэльской культуры и как политический центр, долгое время доминировавший в Шотландии, в своем развитии имел тенденцию к синтезу собственно шотландской и английской культур. После Унии 1707 г. английское влияние в речи и поведении рассматривалось как признак цивилизации и становилось преобладающим в среде эдинбургского среднего класса. Иными словами, если культура Глазго являет собой синтез шотландской и гэльской культуры, то культура Эдинбурга – это соединение шотландской и английской культурных традиций.

Эти процессы вполне объяснимы и с точки зрения социального состава жителей двух шотландских центров. Глазго в XIX в. был населен в основном рабочими, которые являлись носителями пролетарской культуры. Центром и олицетворением ее был рабочий, пьющий виски, не наделенный хорошими манерами и всегда готовый пустить в дело кулаки. Это был город людей-солдат, каждое утро отправляющихся на работу и кующих молотами металл. Глазго был центром шотландской индустрии и торговли, науки и технологических открытий на протяжении всего XIX и начала XX вв.

Эдинбург же, наоборот, стал центром искусства, политики и образования: Эдинбургский университет, Королевский хирургический колледж, Британская энциклопедия – вот его символы. Здесь тоже развивалась промышленность, но это было корабле-

строение, издательская и типографская деятельность – в гораздо большей степени, нежели тяжелая индустрия. Даже сегодня ежегодный Эдинбургский международный фестиваль связывает Эдинбург с мировой культурой и искусством.

Разница между этими двумя городами может быть обозначена двумя фразами: Глазго, сыгравший огромную экономическую роль в процессе становления Британской империи, – это мастерская мира, а Эдинбург, с его просветительскими тенденциями середины XVIII в., оказавшими влияние на гуманистическую и философскую мировую мысль периода перехода от традиционного к индустриальному обществу, – это своего рода «Северные Афины» (*Athens of the North*)⁵⁷. В то же время Эдинбург, наверное, как никакой другой город Шотландии, наполнен символами национализма.

Социальная и территориальная мобильность, характерные для модернизирующегося общества, сыграли в истории Шотландии XIX в. огромную роль. Это было не просто переселение горцев в индустриальные районы, это было движение культуры. «Народный журнал», наиболее популярная шотландская газета периода викторианства, освещавшая, помимо многого другого, и проблемы возрождения гэльской культуры, наибольшим спросом пользовалась не только в Хайленде, но и в индустриально развитом Лоуленде, и на северо-востоке, ориентированном в большей степени на фермерское хозяйство. Издание газеты «Глазго и Западная Шотландия» в 1890 г. расходилось еженедельным тиражом в двести пять тысяч экземпляров и являлось лидером продаж среди газет. Наибольший интерес вызывали материалы, связанные с описанием традиционной жизни Шотландии, доиндустриальной ее культурой, проза и поэзия, написанная на диалекте, еще используемом на севере, но уже уходящем в прошлое, или описание явлений политической жизни, основанных на древних шотландских традициях⁵⁸. Газетные материалы были адресованы тем жителям крупных городов, чья память все еще оставалась в сельской местности, и тем, кто, даже перебравшись в город и ассоциируя себя уже с жителями индустриальной Шот-

⁵⁷ Hearn Jonathan *Big City: Symbolism and Scottish Nationalism* // *Scottish Affairs*. 2003. № 3. P. 68.

⁵⁸ Donaldson W. *Popular Literature in Victorian Scotland: Language, Fiction and the Press*. Aberdeen, 1986.

ландии, втайне продолжал считать себя горцем, не забывая язык и культуру своих предков⁵⁹.

Социальная и территориальная мобильность имела еще одно чрезвычайно важное следствие – ее результатом стало формирование представления о единстве шотландского народа, о его целостности. Различия между Пограничьем, Центральной частью и Хайлендом, наиболее проявившиеся в средневековый период, порождали особые культурно-поведенческие образцы, реализуемые порой во враждебном отношении друг к другу. Теперь же создавалась возможность для преодоления культурной замкнутости и осознания целостности шотландского народа.

Вторая половина XIX в. стала и временем поступательного возвращения в обиход шотландского языка, который когда-то, до Унии 1603 г., был языком шотландского судопроизводства, но с тех пор стал считаться вульгарным. Отмена в 1855 г. специальных налогов для газет и журналов, использующих его, привела к резкому всплеску объема материалов, написанных на старом шотландском диалекте. У. Доналдсон обращает внимание, что огромное количество материалов, посвященных шотландской социальной жизни, проблемам рабочего класса или радикального движения, а также информация о внешней политике – все, что могло быть интересно либеральным читателям, печаталось на этом языке⁶⁰. Некоторые журналы и серийные издания стали издавать древние шотландские поэмы и баллады. Представление о том, что шотландская народная культура XIX в. воспринималась как пережиток, как нечто провинциальное, не имеет под собой почвы. Наоборот, эта культура пользовалась большим, в том числе и коммерческим, спросом⁶¹.

Своеобразным символом этой популярности, символом любви к романтическому прошлому Шотландии к ее идеалам стали ежегодные каникулы королевской семьи в замке Балморал на Дисайде, построенном в 40-е гг. XIX в. Эта королевская традиция, которая сохранилась и по сей день, привела к тому, что излюбленным местом отдыха среднего класса не только Шотландии, но и всего королевства стал именно Хайленд, где появились отели,

⁵⁹ *Harvie Cr., Walker G. Community and Culture // People and Society in Scotland. Vol. II. 1830–1914 / Ed. by W.H. Fraser and R.J. Morris. Edinb., 1990. P. 343.*

⁶⁰ *Donaldson W. Op. cit.*

⁶¹ *Paterson L. The Autonomy of Modern Scotland. Edinb., 1994. P. 61.*

дачи, площадки для гольфа. Города в Хайленде, такие как, например, Инвернесс, в период между 1851 и 1891 гг. увеличились вдвое. По примеру королевы Виктории средний класс Шотландии стремился проводить каникулы в горах. И хотя Дизраэли считал за счастье, что ему дважды удалось избежать таких поездок, эти путешествия для якобитски настроенных тори стали своеобразной победой. А Гладстон, одержимый ирландской проблемой, побывал в Ирландии всего лишь единожды, в то время как в Шотландии проводил время регулярно⁶².

Культура, гэльские мечтания стали той сферой, куда был вытеснен национализм. Генри Кобурн сказал в 1853 г.: «Особенность народа и впечатление от него нельзя облекать лишь в формальные рамки»⁶³. Шотландцы создали общество, где чувство нации лежит в народе и в культуре, а также в символах этой культуры, а государственные формы лишь очерчивают их.

Вместо разрушенной в битве при Каллодене культуры Шотландия получила свои пурпурные холмы, с Абботсфортом, королями долин, Балморалом, разрушенными замками, мистическими озерами, с бравыми хайлендерами и, помимо всего прочего, с тартанами – все это должно было стать новой реальностью, которая отодвигала на вторую план, заслоняла другую реальность – хайлендерские «очистки», ужасы индустриализации в долине Клайда, массовую гибель шотландских солдат в имперских войнах⁶⁴. Но парадокс в том, что, несмотря на эту вторую реальность, первая оказалось гораздо более значима для шотландцев. Множество аспектов нового шотландского мифа, слившись воедино, породили процесс, который может быть назван «приручением дикости». То, что было дикой свободой для романтиков, стало веточками вереска, хайлендерскими танцами и сельскими патриархальными пейзажами.

«На протяжении прошлого столетия не было в рамках Соединенного Королевства части более цветущей, нежели Северная Британия, за исключением маленькой ошибки, которую мы сделали в 1745», – напишет Роберт Дандас, второй виконт Мелвилл, отразив свое понимание прошлого Шотландии и тех исторических перемен, которые произошли с ней в XIX в.

⁶² *Harvie C. Scotland and Nationalism. Scottish Society and Politics from 1707 to Present. L., 1998. P. 55.*

⁶³ *Smout T. «Patterns of Culture» in A. Dickson and J.H. Treble // People and Society in Scotland, 1914–1990. Edinb., 1992. Vol. 3. P. 261.*

⁶⁴ *Paterson L. Scotch Myths // Bulletin of Scottish Politics. 1981. P. 68. Vol. 1. № 2.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Горная Шотландия и ее культура являются одним из символов британской истории, а клановая система Хайленда прошла в своем развитии несколько этапов. Несмотря на бытующее представление об «извечности» кланов на севере Британии, первые упоминания о них относятся только к XIV в. Но лишь спустя долгое время сформировалось то, что дает нам основание называть общественную структуру Горной Шотландии клановой системой – общественным организмом, включающим в себя отношения самого разного рода, начиная от характера землевладения и заканчивая отношениями с шотландской, а позже, британской короной, или механизмом идентичности. Причем на разных этапах клановой истории тот или иной механизм системы играл решающую роль.

Ее появление связано с политической активностью шотландских монархов, которые, стремясь завершить объединение страны, присоединив особые с точки зрения этнического, языкового и культурного состава хайлендерские земли, разрушили государство Лордов Островов, издавна существовавшее на севере Шотландии и не признававшее суверенитет шотландской короны. На протяжении многих столетий Лордство Островов – государственное образование, служившее гарантией спокойствия в горах и на островах Шотландии, пало в 1492 г., погребя под своими останками уникальный механизм регламентирования клановых отношений, что положило начало так называемого периода «беззакония» и в итоге окончательно сформировало северо-шотландскую клановую систему.

Первый этап существования клановой системы Хайленда, 1492–1603 гг., связан с правлением шотландских монархов Джеймса IV, Джеймса V и Джеймса VI. Это столетие было ознаменовано двояким процессом. С одной стороны, в рамках хайлендерского социума вырабатывался механизм клановости, составными частями которой были редистрибутивная экономика, культивирование системы родства и формирование уникальной клановой идентичности. С другой – северо-шотландские кланы столкнулись с проблемой налаживания отношений с жителями равнинной Шотландии и правительством в Эдинбурге. Эти два направления развития, детерминируя друг друга, обусловили целый ряд социокультурных норм и стереотипов поведения, которые в итоге сфор-

мировали уникальную для Британских островов горскую идентичность и сделали «хайлендерскую проблему» одним из самых сложных вопросов шотландской политической системы. Все попытки монархов XVI в. решить ее военным путем в результате экспедиций, посылаемых в горы, оканчивались провалом, раз от раза культурная пропасть между горцами и равнинными шотландцами становилась все более очевидна.

Начало следующего этапа в истории клановой системы было положено восшествием Джеймса VI на английский престол, что было оформлено Унией корон 1603 г. Сложности нового правления не заслонили тем не менее прежней горской проблемы, и Джеймс I по-прежнему считает ее одной из главных в своей деятельности. Однако теперь он рассматривает этот вопрос уже в контексте взаимоотношений Англии и Шотландии, что делает необходимым концептуальное осмысление культурной дистанции между народами и теоретическое обоснование необходимости «цивилизования» Хайленда. Опираясь на описание Дж. Фордуна, Дж. Мэйджора, на поддержку своего учителя Дж. Бьюканана, Джеймс I создает образ горского сообщества, как некой «бахромы по концам цивилизации», что в конечном счете находится в полном соответствии с представлениями, бытующими в среде даже образованных европейцев, о горских народах.

Подобная теоретическая аргументация становится обоснованием практических действий в отношении Хайленда. Однако их характер меняется по сравнению с деятельностью монархов прежнего XVI столетия, и теперь больший акцент делается на правовое регулирование отношений в среде горцев, поскольку факт преобладания частноправовых отношений являлся, по свидетельству Джеймса, показателем варварства жителей северной Шотландии. В целом ряде правовых актов начала XVII в. была сделана попытка разрушения традиций горской солидарности, родовых институтов и клановой идентичности, что одних вождей, вместе с их кланами, вынудило признать сюзеренитет шотландской короны и ее представителей в горах, а других – уйти в оппозицию, и короне, и лояльным ей соседям, что зачастую грозило физическим истреблением всему клану. Вместе с тем уже тогда были заложены основы трансформации хозяйственной системы, поскольку ряд вождей, вставших под защиту королевских Лейтенантов, изменили юридический статус клановых земельных владений, трансформировав патриархальную собственность в фе-

одальную. Если на первом этапе развития клановой системы решающую роль играли общественные отношения внутри нее, характер социальных и духовных связей между клансменами, то в XVII в., наоборот, преобладающим фактором стали внешние контакты и реакция на политику английской монархии.

Новый, третий этап, хронологически ограниченный рамками 1707–1745 гг., включает в себя реакцию на англо-шотландскую парламентскую унию-инкорпорацию, и формирование антиуниатского протеста, символом которого стали именно горские кланы. Сама проблема Унии 1707 г. теснейшим образом была связана с вопросом британского престолонаследия. В результате славной революции 1688–1689 гг. и последующих за ней событий британский трон оказался в руках Ганноверской династии, в то время как Стюарты – древний шотландский род, занимавший престол в Англии с 1603 г. были изгнаны. Если для англичан воцарение Ганноверов было вопросом целесообразности, то для шотландцев возвращение этого же престола Стюартам – вопросом чести и гордости всего шотландского народа. Поэтому антиуниатский протест принял форму якобитского движения – целой серии восстаний за возвращение поправленных прав династии Стюартов. Апогеем движения стало Великое восстание 1745–1746 гг., возглавленное Младшим претендентом, Прекрасным принцем Чарльзом, войска которого 16 апреля 1746 г. в битве при Каллодене потерпели поражение, вместе с чем иллюзии якобитов на восстановление Стюартов окончательно канули в Лету.

Уния 1707 г., обострившая проблему самоуправления, сыграла в Шотландии роль катализатора идеи народного суверенитета. Впервые на уровне интеллектуальных элит стал культивироваться эгалитаристский миф, корнями уходящий в традиции клановости с ее взаимовыручкой, с одной стороны, и равноправием – с другой. Данный процесс, хронологически совпавший с пиком якобитского движения, одновременно в нем находил и источник новых сил, потому что все новые попытки правительства покончить с кланами в ходе политики «умиротворения», неизменно рассматривались как стремление уничтожить патриархальное равенство и подчинить гордую независимую нацию.

В этой связи абсолютно не выглядит неуместным анахронизмом борьба, развернувшаяся в 60-е гг. XVIII в., за возвращение собственной шотландской милиции, проигранная, но на несколько лет ставшая знаменем уходящей в прошлое идеи политической

независимости. Идеолог этой борьбы Адам Фергюсон не зря стал одним из основоположников теории гражданского общества. Это для него было тем, что можно противопоставить «левиафану» в лице Британского королевства, тем самым сохранив народный дух.

Последний четвертый этап существования хайлендерской клановой системы знаменует ее разложение, перерождение и превращение в один из главных символов британской истории. Важно подчеркнуть, что была разрушена именно система, в то время как отдельные ее элементы: клановая идентичность, родство, хайлендерская культура – продолжали существовать и в эпоху модернизации, став символами могущества Британской империи. Парадоксально, но основы этого процесса были заложены громом пушек Каллодена, который знаменовал закат военной опасности со стороны кланов. Следующее после подавления восстания десятилетие стало целой эпохой, временем «умиротворения» горцев, лишенных права носить оружие, собственную одежду и даже волюнки, признанные «орудием войны». Параллельно с этим шел процесс и разложения кланового землевладения, массового движения хайлендерской собственности и столь же масштабного выселения крестьян с земель, предназначенных для разведения овец.

Однако клановое сознание было не столь подвержено разрушению, и еще в годы наполеоновских войн шотландцы именно в составе своих кланов принимали участие в сражениях, правда, уже под знаменами Британской империи. Такая трансформация сознания может быть рассмотрена в контексте национального проекта, проходившего в условиях модернизации. Шотландская экономика могла успешно развиваться лишь при условии интеграции в британскую рыночную экономику. Шотландцы заняли в империи многочисленные выгодные посты – юристов, бизнесменов, офицеров и т.д., что давало им непосредственные выгоды, а стране приносило процветание. Однако высокоразвитой индустрии в горах Хайленда создано не было. Причины этого главным образом экологические, поскольку отсутствие ресурсной базы не позволяло наладить в Хайленде промышленное производство. В результате в северной Шотландии возникло индустриальное общество без индустрии, а источником его формирования было именно внешнее влияние.

Все более усиливающееся, оно обострило проблему того, как примирить величественное шотландское прошлое, отстоянное предками в боях с англичанами, с возрастающей зависимостью

Шотландии, в том числе и горной, от Англии. Результатом этого и стал проект по трансформации идентичности, реализованный шотландской интеллектуальной элитой, которая понимала выгоды сотрудничества в составе империи. И вдруг оказалось, что шотландское прошлое – это не многочисленные экспедиции англичан, посылаемые на подавление горцев и их независимости, или не запах пушек Каллодена и трагедия выселения горцев в эпоху «чисток», а цвета тартанов, звуки волынок и патриархальные пейзажи, воспетые в новеллах В. Скотта. Наивысшей точкой этого проекта является феномен «балморизации», названный по имени замка, построенного по приказу королевы Виктории в горах Шотландии и ставшего излюбленным местом отдыха всей королевской семьи вплоть до нашего времени. Интересно, что новая крепость, строительство которой было завершено в 1856 г., была возведена на месте замка, разрушенного в XV в., что, по мысли британцев, и символизировало преемственность культур – древней горской и современной британской. Примеру монаршей фамилии последовал весь высший и средний класс Британии, устремившийся в горы, чтобы насладиться пурпурными холмами, запахами вереска и легендами о былом могуществе горских кланов.

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII и в XIX вв. параллельно развивались два процесса: с одной стороны, тенденция сглаживания экономических различий между частями Шотландии, где в процессе модернизации зарождалось индустриальное общество, причем инициатива этого процесса происходила из шотландской равнины; а с другой – создание универсальных культурных символов – килтов, тартанов, мифов, которые, истонно являясь хайлендерскими, адаптировались, в том числе и равнинной Шотландией. И ирония процесса заключалась в том, что та часть Шотландии, которая традиционно считалась варварской и дикой, теперь стала считаться «настоящей» Шотландией – землей тартанов, килтов и легенд. Шотландское прошлое и культура были романтизированы и превращены в миф, взамен чего шотландцы получили развитую индустриальную экономику и право пользоваться всеми благами, предоставляемыми империей.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. ИСТОЧНИКИ

- A Short account of the affairs of Scotland in the years 1744, 1745, 1746 by David Lord Elcho / Ed. by E.E. Charteris. 1907.
- Acts of the Parliament of Scotland. 1593–1707. Vol. 4–12 / Ed. by T. Tomson and C. Innes. Edinb., 1817–1875.
- Buchanan G.* De iure regni apud Scotos: dialogues / Trans. D.H. Macneill. Glasgow, 1964.
- Buchanan G.* History of Scotland / Trans. by J. Aikman. 4 vol. Edinb., 1827.
- Calendar of the State Papers relating to Scotland and Mary Queen of Scots, 1593–1595 / Ed. by I.D. Cameron. Edinb., 1936.
- Cocburn H.* Journal. Edinb., 1874.
- Cockburn H.* Memorials of his Time. Edinb., 1856.
- Collectanea de Rebus Albanicis / Ed. by Iona club. Edinb., 1889.
- Criminal Trails in Scotland / Ed. by R. Pitcairn. Edinb., 1883.
- Culloden Papers. L., 1912.
- Defoe D.* History of the Union Between England and Scotland. Edinb., 1786.
- Donaldson G.* Scottish Historical Documents. Edinb., 1970.
- Fordun Johannis de.* Chronica gentis Scotorum / Ed. by W.F. Skene. Vol. 2. Edinb., 1871–1872.
- Highland Papers / Ed. by J.R.N. Macphail. Edinb., 1914.
- Inverness Courier. 1846. 22 Aril.
- James Boswell.* Biography and the Union // The History of Scottish Literature. 4 vol. 1660–1800 / Ed. by Andrew Hook. Aberdeen, 1987. Vol. 2.
- John Major on Scottish Society. 1521 // Scottish Historical Documents / Ed. by G. Donaldson. Glasgow, 1999.
- Letters of Fire and Sword. 1528 // Scottish Historical Documents / Ed. by G. Donaldson. Glasgow, 1999.
- Lows and lists of the members of the Wodrow Society instituted May 1841. Edinb., 1842.
- Memoir of Thomas Thomson. Edinb., 1854.
- Peder Swane.* Diary of Peder Swane // Early travellers in Scotland / Ed. by Peter Hume. Edinb., 1891.
- Poems of Alexander Montgomery. Edinb., 1887.
- Prince Charles Edward Stuart. Memorandum to Louis XV. 10 November 1746 // Lochiel of the 45. Edinb., 1994.
- Scots Magazine. 1745.
- Scottish Ballads / Ed. by E. Lyle. Edinb., 1997.
- Scottish Population Statistics / Ed. by James Gray Kyd. Edinb., 1975.
- Scottish Population Statistics / Ed. by James Gray Kyd. Edinb., 1975.

- Selected Highland Folktales / Ed. by R.M. Robertson. Argyll, 1995.
- Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England. Edinb., 1993.
- Statuses of Iona. 1609 // Scottish Historical Documents / Ed. by G. Donaldson. Glasgow, 1999.
- Steer K.A. Late Medieval Monumental Sculpture in the West Highlands. Edinb., 1977.
- Steill J.P.F. Tytler called to account for his misrepresentations of the life and character of Sir William Wallace. Edinb, 1846.
- The Clan Campbell. Abstracts of Entries Relating to Campbells in the Book of Council and Session, Acts and Decrets. 1500–1560. 14 vol. / Ed. by H. Paton. Edinb., 1922. Vol. VIII.
- The House of Commons, 1715–1754 / Ed. by R. Sedgwick. Oxford, 1970.
- The Massacre of Glencoe. Historical background, document extracts and copies. Edinb., 1995.
- The Political Works of James I / Ed. by Ch. McIlwain. Oxford, 1918.
- The Register of the Privy Council of Scotland. 14 vol. / Ed. by J.H. Burton. Edinb., 1887.
- Tytler P.F. History of Scotland. Edinb., 1845.
- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2003.
- Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984.
- Из «Англосаксонских хроник» (период до 750 г.) // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. СПб., 2003.
- Нений. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984.
- Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова. М., 1991.
- Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965.
- Шотландская старина. Книга сказаний / Пер., сост. и ком. С. Шабалова. М.–СПб., 2001.

II. ЛИТЕРАТУРА

- A History of the Scottish Highlands / Ed. by J.S. Keltib. 2 vol. Edinb. and L., 1879.
- Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinb., 1980.
- Bingham C. Beyond the Highland Line. Highland History and Culture. L., 1995.
- Black J. Military Aspects of the '45 // Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995.
- Brander M. The Making of the highlands. Edinb., 1980.
- Brown I.G. Modern Rome and Ancient Caledinia: the Union and the Politics of Scottish Culture // The History of Scottish Literature. 4 vol. 1660–1800 / Ed. by Andrew Hook. Sberdeen, 1987. Vol. 2.
- Brown J.M. Scottish Society in the Fifteenth Century. Edinb., 1977.

- Browne J.A.* A History of the Highlands and the Highland clans. 4 vol. Glasgow, 1835.
- Burgon J.W.* The Portrait of a Christian Gentleman, a memoir of Patrick Fraser Tytler. L., 1859. P. 324.
- Cameron J.* A History of the country of Inverness (Mainland). Edinb. – L., 1847.
- Cannon J.* Historians and the '45: «Listening to Silence» // Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995.
- Clans and tartans. Glasgow, 1995.
- Clyde R.* From Rebel to Hero. The Image of the Highlander, 1745–1830. East Lothian, 1995.
- Colley L.* In Defence of Oligarchy: the Tory Party 1715–1760. Cambridge, 1982.
- Cregeen E.* The Changing Role of the House of Argyll in the Scottish Highlands // Scotland in the Age of Improvement. Edinb., 1996.
- Cunningham A.* The Loyal Clans. Cambridge, 1932.
- Daiches D.* Scholarship, Literature and Nationalism in 18th Century Scotland // Literary Theory and Criticism: Festschrift presented to Rene Wellek / Ed. by Joseph P. Strelka. 2 vol. N.Y., 1984. Vol. 2.
- Daiches D.* Scotland and the Union. L., 1977.
- Darling F.* West Highland Survey: An Essay in Human Ecology. Oxford, 1955.
- Devine T.M.* The Emergence of the New Elite in the Western Highlands and Islands, 1800–60 // Improvement and Enlightenment / Ed. by T.M. Devine. Edinb., 1989.
- Devine T.M.* The Scottish Nation, 1700–2000. L., 1999.
- Dickinson H.T.* The Jacobite Challenge // Jacobitism and the '45 / Ed. by M. Lynch. L., 1995.
- Dodgshon R.A.* «Pretense of blud» and «place of their dueling»: the Nature of Scottish clans, 1500–1745 // Scottish Society. 1500–1800. Cambridge, 1989.
- Dodgshon R.A.* From chiefs to landlords. Edinb., 1998.
- Dodgshon R.A.* Land and Society in Early Scotland. L., 1981.
- Dodgshon R.A.* West Highland Chiefdoms, 1500–1745: A Study in Redistributive Exchange // Economy and Society in Scotland and Ireland 1500–1939 / Ed. by R. Mitchison and P. Roebuck. Edinb., 1988.
- Donald J.* Clan Donald. Loanhead, 1978.
- Donaldson G.* Scotland: James V to James VII. The Edinburgh History of Scotland. Edinb., 1965.
- Donaldson G.* Scotland: The Shaping of a Nation. L., 1993.
- Donaldson W.* Popular Literature in Victorian Scotland: Language, Fiction and the Press. Aberdeen, 1986.
- Donaldson W.* The Jacobobite Song: Political Myth and National Identity. Aberdeen, 1988.

- Fergusson W.* The Making of the Treaty of the Union of 1707 // *Scottish Historical Review*. 43. 1964.
- Finlay R.* The Burns Cult and Scottish Identity in the Nineteenth and Twentieth Centuries // *Love and Liberty: Robert Burns: A Bicentenary Celebration* / Ed. by K. Simpson. Edinb., 1997.
- Fontana B.* Rethinking the Politics of Commercial Society: Edinburgh Review, 1802–1832. Cambridge, 1985.
- Fraser W.* Memorials of the Montgomeries. Edinb., 1859.
- Fry M.* Dundas Despotism. Edinb., 1992.
- Gaskell P.* Morvern Transformed. Cambridge, 1968.
- Chapman M.* The Gaelic Vision of Scottish Culture. L., 1978.
- Giddens A.* The Nation-State and Violence. L., 1985.
- Goldie F.* A Short History of the Episcopal Church in Scotland from the Restoration to the Present Time. L., 1951.
- Grant I.F.* Along a Highland Road. Edinb., 1980.
- Grant I.F.* Highland Folk Ways. Edinb., 1986.
- Grant I.F., Cheap H.* Periods in the Highland History. L., 1987.
- Gregory D.* The History of the Western Highlands and Isles of Scotland, 1493–1625. Edinb., 1836.
- Harvie C.* Scotland and Nationalism. Scottish Society and Politics from 1707 to Present. L., 1998.
- Harvie Cr., Walker G.* Community and Culture // *People and Society in Scotland*. Vol. II. 1830–1914 / Ed. by W.H. Fraser and R.J. Morris. Edinb., 1990.
- Hearn Jonathan* Big City: Symbolism and Scottish Nationalism // *Scottish Affairs*. 2003. № 3.
- Hechter M.* Internal Colonialism: the Celtic Fringe in Britain National Development, 1535–1966. L., 1975.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Program, Myth, Reality. Cambridge, 1992.
- Holmes G.* The Making of Great Power. Late Stuart and early Georgian Britain 1660–1722. L., 1993.
- Hopkins P.* Glencoe and the End of the Highland War. Edinb., 1986.
- Hutchinson J.* The Dynamic of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish National State. L., 1987.
- Insh G.P.* The Company of Scotland. L., 1932.
- Inventory of Lochiel Charities* / Ed. by R. Mitchison. Edinb., 1986.
- John Stewart of Ardvorlich.* The Camerons. A History of clan Cameron. Sterling. 1974. P. 31.
- John Stewart of Ardvorlich.* The origin of the Lochiel-Erracht feud // *John Stewart of Ardvorlich. The Camerons. A history of clan Cameron*. Stirling, 1974.
- Kenyon J.* Revolution Principles: the Politics of Party, 1689–1720. Cambridge, 1977.

- Kermak W.R.* The Scottish Highlands. A short history. Edinb. – L., 1957.
- Kronenfeld D.* Kinship terminology // Encyclopedia of Cultural Anthropology / Ed. by D. Levinson. N.Y., 1996. Vol. 2.
- Langhorne W.H.* Reminiscences. Edinb., 1893.
- Lee M.* Great Britain's Solomon: James VI and I in his Three Kingdoms. Chicago, 1990.
- Lenman B.* Integration, Enlightenment, and Industrialization. Scotland 1746–1832. L., 1981.
- Lenman B.* The Jacobite Clans of great Glen, 1650–1784. L., 1984.
- Lynch M.* Scotland. A New History. Edinb., 1997.
- Lythe S.G.E. and Butt J.* An Economic History of the Scotland, 1100–1939. Glasgow – L., 1975.
- Macdonald R.A.* The Clan Donald. 3 vol. Inverness, 1896.
- McCrone D.* Understanding Scotland. The Sociology of a Stateless Nation. L.–N.Y., 1992.
- Macinnes A.* Scottish Jacobitism: in Search of a Movement // Eighteenth Century Scotland. New Perspectives / Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999.
- Macinnes A.I.* Clanship, commerce and the house of Stuart, 1603–1788. Edinb., 1996.
- Mackenzie A.* History of Donalds and the Lords of the Isles. Inverness, 1881.
- Mackenzie A.* History of Macleods with genealogies of the principal families of the Name. 2 vol. Inverness, 1889.
- Mackenzie A.* History of the Camerons: with Genealogies of the principal families of the Name. Inverness, 1884.
- Mackenzie W.C.* The Highlands and Isles of Scotland: a history survey. Edinb., 1949.
- Mackintosh A.M.* The Mackintoshes and clan Chattan. Edinb., 1903.
- Maclean L.* The Seventeenth century Highlands. Inverness, 1985.
- Maclean M.* The Literature of the Highlands. Glasgow, 1925.
- MacNeill D.H.* Scots and English Jacobites // Scots Independent. 1941. № 167.
- Macpherson A.* Glimpses of Church and Social Life in the Highlands in Olden Times. Edinb.–L., 1893.
- Masson Roger A.* Rex Stoicus: George Buchanan, James VI and the Scottish Polity // New Perspectives of the Politics and Culture of Early Modern Scotland. Edinb., 1996.
- McLean M.* The People of Glengarry: Highlanders in Transition, 1745–1820. Montreal, 1991.
- Mitchell J.* Reminiscences of my Life in the Highlands. L., 1883–1884.
- Mitchison R.* Lordship to Patronage: Scotland, 1603–1745. L., 1983.
- Mitchison R.* The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement. Edinb., 1996.
- Munro R.W.* Kinsmen and Clansmen. L.–Edinb., 1971.

- Nairn T.* The Break-Up of Britain. L., 1981.
- Omond G.W.T.* The Lords Advocates of Scotland, from the close of the fifteenth century to the passing of the Reform Bill. Edinb., 1883.
- Paterson L.* Scotch Myths // Bulletin of Scottish Politics. 1981. Vol. 1. № 2.
- Paterson L.* The Autonomy of Modern Scotland. Edinb., 1994.
- Petrie Ch.* The Jacobite Movement. L., 1958.
- Pittock M.* The Invention of Scotland: the Stuart myth and the Scottish Identity, 1638 to the present. L., 1991.
- Pittock M.G.H.* The Myth of the Jacobite Clans. Edinb., 1995.
- Plumb J.H.* The Growth of Political Stability in England. L., 1967.
- Prebble J.* The King's Jaunt. Edinb., 1988.
- Roberts J.L.* The Jacobite Wars. Scotland and Military Campaigns of 1715 and 1745. Edinb., 2002.
- Rose G.H.* The Marchmont Papers. L., 1831.
- Sabean D.* Kinship in Neckarhausen 1700–1870. Cambridge, 1998.
- Scott P.H.* 1707: the Union of Scotland and England. Edinb., 1979.
- Shaw F.J.* The Northern and Western Islands of Scotland: Their Economy and Society in the Seventeenth Century. Edinb., 1980.
- Sher R.B.* Church and University in the Scottish Enlightenment. Edinb., 1985.
- Sir John Clerk of Penicuik.* History of the Union of Scotland and England. Edinb., 1993.
- Skene W.K.* The Highlands of Scotland. 2 vol. Stirling, 1902.
- Smout T.* «Patterns of Culture» in A. Dickson and J.H. Treble // People and Society in Scotland, 1914–1990. Edinb., 1992. Vol. 3.
- Smout T.C.* A History of the Scottish People, 1560–1830. L., 1970.
- Stewart D.* Sketches of the Highlands. Edinb., 1822. Vol. I.
- Szechi D.* Letters of George Lockhart of Carnwath. Aberdeen, 1989.
- The Highlands of Scotland in 1750* / Ed. by Andrew Lang. Edinb., 1898.
- The New Penguin History of Scotland. From the Earliest Times to the Present Day* / Ed. by R.A. Houston, W.W.J. Knox. L., 2001.
- The Tartans of the Clans and Septs of Scotland.* 2 vol. Edinb., 1856.
- Whitley C.A.* Scottish Society 1707–1830. Beyond Jacobitism, toward industrialization. Manchester–N.Y., 2000.
- Whitley Ch.* Bought and Sold for English Gold? Explaining the Union of 1707. Edinb., 1994.
- Whyte I.D.* Proto-industrialization in Scotland // Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution Britain / Ed. by P. Hudson. Cambridge, 1989.
- Whyte I.D.* Scotland before the Industrial Revolution. L., 1995.
- Williams R.* Marxism and Literature. Oxford, 1977. P. 115.
- Williamson Arthur H.* Scots, Indians and Empire: The Scottish Politics of civilization 1519–1609 // Past and Present. 1996. № 150.
- Withers C.W.J.* Scottish Gaeldom: The Transformation of a Culture Region. L., 1988.

- Wormald J.* Bloodfeud, kindred and Government in early modern Scotland // Past and Present. 1980. № 87.
- Wormald J.* Scotland Revisited. Edinb., 1991.
- Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1.
- Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. (исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.
- Аникеев А.А.* Концепция северокавказской цивилизации как современная парадигма кавказоведения // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
- Аникеев А.А., Крикунов В.П., Невская В.П.* Северокавказская цивилизация: проблемы типологии // Актуальные проблемы историографии и методологии истории. Ставрополь, 1997.
- Апрыщенко В.Ю.* Ивен Алансон Камерон и его потомки: обычные вожди необычного клана // Человек второго плана в истории. Вып. 2. Ростов н/Д, 2005.
- Апрыщенко В.Ю.* Сэр Джон Кларк Пеникуик и кризис шотландской идентичности в первой половине XVIII в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 15. М., 2005.
- Апрыщенко В.Ю., Трапш Н.А.* Северная Шотландия и Нагорный Дагестан в XVI столетии: опыт сравнительно-исторического анализа // Исторические этюды. Вып. 4. Ростов н/Д, 2000.
- Арнаутова Ю.Е.* Между «обществом» и «культурой»: о некоторых особенностях становления исторической антропологии в Германии // Одиссей. М., 2004.
- Басовская Н.И., Зверева Г.И.* Союз Франции и Шотландии XII–XV вв. // Средние века. 1985. Вып. 48.
- Блиев М.М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2.
- Брант М.Ю.* Шотландия в европейской системе государств (вторая половина XVI в.). М., 1993.
- Бромберг Д.Э.* Рец. на кн. Миллер В.И. Кровная месть и примирение. Чикаго // Культура и общество в средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998; 1992.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб., 2001.
- Геллнер Э.* Условия свободы. М., 2004.
- Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986.
- Гроздова И.Н.* Шотландцы, тенденция этнического развития // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981.
- Гуревич А.Я.* Блок М. Феодальное общество // Проблемы феодализма. М., 1975. Ч. 1.

- Гуревич А.Я.* Богатство и дарения у скандинавов (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества) // Средние века. Вып. 31. 1968.
- Гуревич А.Я.* Историческая наука и научное мифотворчество (критические заметки) // Исторические записки. М., 1995. Т. 1(119).
- Гуревич А.Я.* Некоторые спорные вопросы социально-экономического развития средневековой Норвегии // Вопросы истории. 1959. № 2.
- Гуревич А.Я.* Норвежское общество в VIII–IX вв. (некоторые черты дофеодального периода) // Калининский педагогический институт. Ученые записки. Калинин, 1962. Т. 26.
- Гуревич А.Я.* О некоторых особенностях норвежского феодализма // Скандинавский сборник. Вып. 8. Талин, 1964.
- Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.
- Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992.
- Дамениа О.Н.* Переоткрытие культуры // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001.
- Джаксон Т.Н.* К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // Средние века. 1997. № 60.
- Дидерикс Г.А. и др.* От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998.
- Дэвис Н.З.* Дары, рынок и исторические перемены. Франция, век XVI // Одиссей. Человек в истории, 1992. М., 1994.
- Зверева Г.И.* История Шотландии. М., 1987.
- Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905.
- Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. СПб., 1886. Т. 1–2.
- Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. 1890.
- Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995.
- Кром М.М.* Историческая антропология. СПб., 2000.
- Крюков М.В.* О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (к постановке вопроса) // Советская этнография. 1967. № 6.
- Магаков Г.Ю.* К вопросу об уровне социально-экономического развития Горной Шотландии к исходу средневековья // Научные чтения по всеобщей истории, посвященные памяти академика С.Д. Сказкина. Ростов н/Д, 1992.
- Магаков Г.Ю.* Казнь Марии Стюарт и содержание англо-шотландского дипломатического кризиса 1587–1588 гг. // Средневековая Европа. История и историография. Вып. 1. Воронеж, 1997.
- Магаков Г.Ю.* Скифская версия происхождения скотов в британской историографии сер. VI – нач. XVII вв. // Международные отноше-

- ния в бассейне Черного моря в древности и средние века (тезисы докладов V областного семинара). Старочеркасская – Ростов н/Д, 1990.
- Магаков Г.Ю.* Шотландия и англо-шотландская «уния корон» начала XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л., 1987.
- Майборода Э.Т.* О существовании цивилизаций разного типа // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.
- Маркарян Э.С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2.
- Мелекишвили Г.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975. № 6.
- Невская В.П.* Сельская община в процессе феодализации горских сообществ Северного Кавказа // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
- Олдингтон Р.* Стивенсон: Портрет бунтаря. М., 1985.
- Осовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.
- Петросьян А.А.* Дворянство и церковная собственность в первой половине XVI в. // Проблемы истории античности и средних веков. М.
- Петросьян А.А.* Джон Нокс и кальвинистская Реформация в Шотландии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
- Робакидзе А.И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.
- Рюзен Й.* Кризис, травма, идентичность // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания. М., 2005.
- Семенов Ю.И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М.В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации») // Советская этнография. 1968. № 4.
- Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбуа. СПб., 2004.
- Смелова М.Н., Ястребицкая А.Л.* Введение // Культура и общество в средние века и раннее Новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998.
- Сэбиан Д.У.* Взаимовыручка и кумовство: родственные связи в Неккерхаузене // Семья, дом и узы родства в истории / Под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбуа. СПб., 2004.
- Стивенсон Р.Л.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1981.
- Тхагапсоев Х.Г.* Экологические аспекты в смысловом пространстве культуры этноса // Очерки кавказской культуры. Майкоп, 2001.
- Федосов Д.Г.* Геральдика в Шотландии // Средние века 1991. № 54.

-
- Федотова В.Г.* Типология модернизаций // Вопросы философии. 2000. № 4.
- Черноус В.В.* Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.
- Чистов К.В.* Традиция, «традиционные общества и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2.
- Шадже А.Ю.* Феномен кавказской идентичности // Очерки кавказской культуры. Майкоп., 2001.
- Штокмар В.В.* Англо-шотландские отношения накануне соединения двух королевств в конце 80-х годов XVI в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976.
- Штокмар В.В.* Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI – нач. XVII вв. // Англия XIV–XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Вып. 2. Горький, 1974.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
- Юссен Б.* Родство искусственное или естественное? Биологизм в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала Нового времени). М., 2000.
- Яковлев А.Г., Хинце О.* Сущность феодализма и его распространение // Проблемы феодализма. М., 1975. Ч. 1.

Научное издание

АПРЫЩЕНКО Виктор Юрьевич

**КЛАНОВАЯ СИСТЕМА
ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ:
ТРАДИЦИИ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ**

Редактор

Н.Д. Никанорова

Корректор

Г.А. Бибикова

Технический редактор

О.Ю. Лаврикова

Компьютерная верстка

Е.А. Солоненко

Дизайн обложки

М.И. Бедрецкая

ИБ № 3255

Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.99

Сдано в набор 24.04.2006. Подписано в печать 26.05.2006.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 16,70.
Тираж 500 экз. Заказ № 151. С 66.

Издательство Ростовского университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.
Тел.: (863) 264-00-19.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Радуга».
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.